

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Курганский государственный университет

**Текст, дискурс и проблемы
межкультурной коммуникации**

**Сборник материалов
межрегиональной научно-практической конференции**

Курган 2008

УДК801 (08)

ББК Зауралье Ш + 81.2

Т 30

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор Е.Р.Ратушная
канд. филол. наук, доцент О.А. Степаненко
канд. филол. наук, доцент И.К. Белоусова

Ответственный редактор: д-р филол. наук, проф. Н.Н. Бочегова

Технический редактор: канд. филол. наук, доц. Л.В. Гришкова

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

Т 30 Текст, дискурс и проблемы межкультурной коммуникации: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – 152 с.

В сборник включены материалы научно-практической конференции по современным проблемам когнитивной лингвистики, лингвистики текста и культурологии. Материалы статей отражают одну из ведущих современных стратегий в области изучения языка и текста – синтез когниции и коммуникации.

Сборник предназначен для филологов и лингвистов, а также и для более широкой аудитории – специалистов в области гуманитарного знания вообще, студентов и аспирантов, интересующихся проблемами языка и текста, лингвокогнитивными и лингвокультурными аспектами коммуникации.

ISBN 978-5-86328-936-6

© Курганский
государственный
университет, 2008
© Авторы, 2008

О.Н. Барановская

Екатеринбург

**ПОНЯТИЕ УТОПИИ, ЕЕ ГЕНЕЗИС.
ЖАНРОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ УТОПИИ.**

Утопия как явление общественного сознания возникла задолго до выхода в свет книги Т. Мора «Утопия». В ходе длительной эволюции утопии возникли разнообразные литературные формы ее выражения. Со времен Томаса Мора, давшего миру слова «утопия» и «утопический», эти понятия приобрели множество значений, выходящих за пределы того, которое было предложено в книге Т. Мора. Утопические образы воображаемого общества получали воплощение в различных программах общественного переустройства, философских, экономических, политических и социологических трудах, в литературно-художественных произведениях – так называемых государственных романах (Staatsroman). Утопия является одной из форм осмысления социального бытия и находится в сложной связи с философией и религией. Утопия - это также и форма познания общества. В недрах утопии формировалось социальное мировоззрение: в виде образов, а позднее и понятий, оформлялись представления об обществе, государстве, о месте человека в них.

При этом автор утопии размещал идеальное общество на других планетах (К. Лассвиц. «На двух планетах»), на далеких островах (Г. Шнабель. «Остров Фельзенбург», А. Шмидт. «Республика ученых») и многие другие), в недрах земли (Ф. Верфель. «Звезда нерожденных») или даже в собственном государстве утописта (утопия пространства, утопия места). Идеал общественного и государственного устройства мог быть спроектирован и на прошлое и на будущее (утопия времени).

Великие гуманисты Возрождения рисовали образ «земли обетованной» в своих произведениях, осознавая его призрачность; не случайно Томас Мор воспользовался древнегреческой вербальной конструкцией «утопия» («место, которого нет»), а Фрэнсис Бэкон перенес идеальное общество в легендарную Атлантиду. Убедившись в невозможности существования края всеобщего счастья в реальном мире, люди стали конструировать его в своем воображении. Очень часто такой рай в представлениях людей находился на прекрасном острове. «Золотой сон» впервые был навеян человечеству легендами о «золотом веке», наиболее ярким примером которых является поэма Гесиода «Труды и дни»

(VIII-VII вв. до н.э.). Эта поэма стала для многих политических теоретиков отправным пунктом при разработке ими рационалистических утопических проектов. В основу поэмы Гесиода была положена знаменитая легенда о «пяти веках» – пяти последовательно сменяющих друг друга поколениях людей, каждое из которых все дальше уходит от счастливого, безмятежного существования. «Золотой век» Гесиод относит к далекому прошлому человечества, что позволяет рассматривать его «концепцию» как некий прообраз так называемой «утопии времени».

Рождение европейской утопии связывается традиционно с появлением диалога Платона «Государство», написанного в 70-60-е гг. IV в. до н.э., в эпоху кризиса греческого полиса. К разряду утопий «Государство» Платона относят как отечественные, так и зарубежные исследователи. Расцвет европейской утопической традиции приходится на эпоху Возрождения. Позже, уже в эпоху Просвещения традиция моделирования разумного общества, идущая еще от Ф. Бэкона, отразилась в «Путешествиях Лемюэля Гулливера» Дж. Свифта.

Английский исследователь утопии историк А.Л. Мортон связывает появление утопий с зарождением внутри разлагающегося феодального общества оппозиционной этому обществу силы – буржуазии. А.Л. Мортон полагает, что утопия ведет свое начало от гуманизма, являющегося идеологией этого нового класса. Именно в этот период исторического развития зарождается идея общественного прогресса, обусловленного успехами техники производства и верой человека в свои способности, в возможность подчинять себе окружающий мир. В то же время А.Л. Мортон указывает на огромное влияние творчества Платона на формирование утопических воззрений гуманистов эпохи Возрождения и начала Нового времени.

Появление классических утопических проектов («Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы) многие исследователи связывают с кризисными, переломными моментами исторического развития. Также наиболее благоприятной для возникновения утопий является «пограничная эпоха» зарождения новых и уничтожения старых общественных отношений.

Понятие утопии

Сам термин «утопия» обязан своим происхождением выходу в 1516 году в свет книги английского гуманиста, государственного деятеля и писателя Томаса Мора (1478-1535) «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наи-

лучшем устройстве государства и о новом острове «Утопии». Написанное Т. Мором в латинской транскрипции название его «нового острова» можно перевести на русский язык двояко: как «место, которого нет» (от греческого «у» - частица отрицания и «топос» - место) и как «хорошее место» (от греческого «ев» - хороший, лучший и «топос» - место, своего рода «земля обетованная»).

Уже само название книги иллюстрирует два основных признака социального проекта Томаса Мора, а именно отсутствие подобного общества в реальном мире и существование идеального общественного устройства, лишенного социальных противоречий.

Существует различная трактовка понятия утопии, связанная с анализом феномена утопии и различной методологией, на основе которой проводится этот анализ. Ряд исследователей сосредоточивает внимание на генетических особенностях утопии. В этом случае они выводят сущность утопии из ее происхождения. Другие исследователи определяют утопию, исходя из ее социальных функций, которые опять-таки трактуются далеко не однозначно. Некоторые исследователи рассматривают утопию, отталкиваясь от ее структурных особенностей и формальных признаков. В итоге в современном литературоведении и философии отсутствует общепризнанная концепция утопии. Вопросы о генезисе утопии, ее структуре и функциях по-прежнему остаются предметом дискуссий. Утопия – это феномен, объединяющий факт и вымысел, возможное и невероятное, реальное и фантастическое.

Разнообразие трактовок понятия «утопия» породило и соответствующее множество определений этого понятия. Утопия определяется и как изображение идеального общественного строя, и как вымышленная, то есть не соответствующая реальности, модель гражданского общества, и как мечта, которая становится идеалом. В данной статье понятие «утопия» и «антиутопия» в различном контексте будет иметь одно из следующих смысловых значений:

I. Утопия как конкретное целостное произведение художественного или концептуального характера (роман, трактат и т.д.), изображающее не существующее в реальности общество (государство), - произведение, несущее в себе отрицание существующего социального порядка и одновременно предлагающее позитивный образ социального устройства («позитивная утопия»).

II. Антиутопия как произведение художественного или концептуального характера, ставящее под сомнение возможность достижения позитивных

социальных идеалов и установления справедливого общественного строя, а также исходящее из убеждения, что произвольные попытки воплотить в жизнь справедливый общественный строй сопровождаются катастрофическими последствиями.

По самому определению жанр антиутопии предполагает не просто негативно окрашенное описание потенциально возможного будущего, но именно спор с утопией, то есть изображение общества, претендующего на совершенство, с ценностно-негативной стороны.

Отечественный исследователь антиутопии Э.Я. Баталов определяет антиутопию как принципиальное отрицание утопии: «Антиутопия – не просто спор с утопией, это ее принципиальное отрицание. Отрицание самой возможности построения совершенного общества (как реализации идеи социального прогресса), а, значит, и желательности ориентации на осуществление утопического идеала, который имел бы общезначимый характер» [1, с. 64].

При определении более частных базовых черт антиутопии можно в определенном приближении руководствоваться характеристикой жанра, данной В.Г. Браунингом [8, pp. 18-32]. С его точки зрения, для антиутопии характерны:

1. Проекция на воображаемое общество тех черт современного автору общества, которые вызывают его наибольшее неприятие.
2. Расположение антиутопического мира на расстоянии – в пространстве или во времени.
3. Описание характерных для антиутопического мира негативных черт таким образом, чтобы возникало ощущение кошмара.

III. Утопия как самостоятельный тип общественного сознания, существующий наряду с другими типами и формами общественного сознания (такими, как миф, религия, мораль, наука) и содержащий в себе попытку концептуального освоения социального мира с позиций его критики и отрицания (в этом случае понятие «утопия» выступает тождественным по отношению к понятию «утопическое сознание»).

Критерии литературной утопии не разработаны в достаточной степени. Здесь следует учитывать «двусоставность» утопического произведения и в первую очередь определять критерии утопии с философско-социальной точки зрения, а затем – с литературно-художественной. Поэтому нам кажется вполне целесообразным рассмотрение литературных утопий в русле общих форм реали-

зации утопического мышления, как это сделано, например, в работах Э. Я. Баталова, Е. Шацкого [1, 5].

Основным критерием принадлежности художественного произведения к утопической жанровой форме является наличие в нем четко выраженного комплекса идей социального или социально-психологического реформаторства. Идеи эти систематически и подробно изложены и проектируют модель идеального общества. Жанр-основа утопии формально может быть любым – от романа до поэмы или большой песни, как, например, немецкий *Schlaraffenland* или английские народные баллады о стране Кокейн.

Важным критерием оценки утопии является ее вектор на оси времени: направление этого вектора либо предвосхищает будущее, либо воскрешает прошлое в будущем. Таким образом, поскольку утопия является реакцией на социальные изменения, специфической для тех, кто ущемлен этими изменениями (политически, экономически, социально или духовно), то ее историческая перспектива может разворачиваться и в прошлое, и в будущее.

Ряд исследователей выделяет две основные группы утопических произведений: утопию и альтернативную утопию, включающую негативную утопию и антиутопию. Негативная утопия и антиутопия имеют ряд отличий. Негативная утопия актуальна, пока кризисная ситуация не перерастает в ситуацию кардинальной ломки устаревших общественных отношений, где уже имеет место антиутопия.

Мы полагаем, что главное отличие негативной утопии и антиутопии состоит в одном решающем факторе: мировоззрении автора. Негативный утопист делает частные выводы, сохраняя в целом верность утопическому идеалу. Антиутопист из многих негативных явлений делает один глобальный вывод об общей непригодности принятого идеала.

Во второй группе часто выделяют такую разновидность антиутопии, как *дистопия*. Дистопию и антиутопию различает весьма зыбкая граница, через которую каждый из этих типов склонен перетекать при наличии определенных обстоятельств, во многом определяемых политическим контекстом времени. Некоторые исследователи выделяют дистопию как один из видов антиутопии, который разоблачает утопию, описывая результаты ее реализации. Антиутопия же разоблачает саму возможность реализации утопии.

Американский филолог Дж. Катеб в результате анализа значительного

количества антиутопической литературы выделил три основных тезиса, на которых она основывается: «Если утопист решит осуществить свой идеал, он неизбежно прибегнет к насилию, чтобы сломить сопротивление скептиков и противников. Упрочение нового мира будет возможно лишь путем строгого контроля над мыслями и поступками жителей утопии. Идеалы утописта вообще разрушительны на практике для идеалов, на которых покоится человеческое общество» [9, с. 18].

Жанровая принадлежность утопии

Учебник под редакцией Г.Н. Пospelова, развивая свою версию жанровой принадлежности утопии, косвенно подтверждает предположение древнего синкретического происхождения утопии. Автором выделяется особая жанровая группа, возникшая намного раньше романа, где герои являются лишь поводом для изображения эпохи и социальных нравов, царящих в этой эпохе. Для обозначения большой группы жанров, включающих такие произведения различных жанровых форм, как поэма, песня, повесть, рассказ, сказка, Г.Н. Пospelов предлагает термин «этологические жанры» (греч. etos-нрав и logos-слово) [2, с.247]. Исследователь отмечает сходство целевых установок этологической группы и задач утопии, для которой события и герои также носят вспомогательный характер.

Наравне с произведениями, полностью посвятившими себя воплощению комплекса утопических идей, существуют и иные, в которых утопия присутствует как часть общего повествования (Например, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле). Утопия стремится использовать готовые жанры. Утопия, как и фантастика, с которой она неразрывно связана (поскольку в основе любой утопии лежит фантастическое допущение) является, по мнению некоторых исследователей, неким типом содержания, заполняющим готовые структуры.

Жанр утопии представляет собой неполный симбиоз социальной философии с различными подвидами жанра романа (роман-путешествие, философский, семейно-бытовой и другие), либо с модификациями иных жанров (публицистика Сен-Симона, фантастические повести братьев Стругацких, политический памфлет Дж. Свифта). Причем комплекс утопических идей – цель, а художественное изложение в форме литературного произведения – лишь способ ее достижения.

Социально-философский комплекс приспособливает к себе художествен-

ную структуру произведения, сообразуясь с господствующей литературной тенденцией: диктует фабулу, образную систему, словом, регулирует всю содержательную и во многом структурную стороны произведения.

Классификация утопий

Большое разнообразие утопий сложно подвергается классификации. Принцип типологии здесь функциональнее: в группы по ряду признаков выделяются не сами произведения, а принципиальные черты утопических идей, составляющих их основу.

Традиционно группы утопий делятся на две большие группы: утопии бегства («эскейпистские») и действенные («героические»); также в отдельную группу выделяют особый тип утопий – апологетический.

Следует учитывать важную особенность: по отношению к литературе деление утопий на эскейпистскую и героическую разновидность еще более условно, чем деление утопий на типы. Известный польский ученый Е. Шацкий заметил: «Именно литературная утопия – единственная совершенная утопия в полном смысле этого слова. Быть может, право называться утопией заслуживают лишь творения человеческой мысли, которые можно представить в такой форме, как «Утопия» Томаса Мора, «Путешествие в Икарию» Э. Каабе или «Вести ниоткуда» У. Морриас» [5, с. 21]

Эту условность в утопии философ С.С. Сизов связывает и изначально присутствующим в ней противоречием: «Синтез утопии и литературы в известном смысле является «кентавром» и даже представляет некоторые парадоксы, ведь утопии в той или иной форме претендуют на реализацию (или наоборот, предупреждают о неприемлемости реализации /.../, тогда как искусство не претендует на то, что оно непосредственно является (или может стать) реальностью» (4, с. 84].

Со временем утопизм как бы раздвоился. Одна часть «новых» утопистов была увлечена небывалыми возможностями науки, техники и глобальными планами организации жизни, другие «утописты» в известной степени перестали интересоваться общественным макромиром и занялись исследованием человеческой души. Обе эти тенденции имели исторические корни. Первое направление Е. Шацкий называет утопией научной организации, второе – утопией человеческой самореализации. В вариантах других исследователей это технократические и социально-экологические утопии.

И в первые десятилетия XX века в основе расцвета утопии лежала овладевшая в это время общественным сознанием «научная эйфория». Рост научно-технического прогресса и возрастающее влияние научных достижений на качество жизни людей породили иллюзию возможности неограниченного совершенствования материальной жизни людей. В массовом сознании закрепились уверенность в возможности научного преобразования не только природы, но и общественного устройства. Идеальное общество многие представляли себе в виде совершенной машины. В начале XX века символической фигурой как в рамках литературы, так и в рамках общественной жизни стал Г. Уэллс – создатель утопической модели «идеального общества» как общества «научного», целиком подчиненного научно подтвержденной целесообразности. В своем романе «Люди как боги» (1923) Г. Уэллс несовершенству земного бытия, где царит «старая концепция социальной жизни государства как узаконенной внутри определенных рамок борьбы людей, стремящихся взять верх друг над другом» [7, с.186], противопоставил подлинно научное общество – Утопию. Сам выбор названия свидетельствует об опоре Г. Уэллса на традицию, идущую от Т. Мора.

С течением времени Утопия превратилась в научное общество, где «решения в каждом конкретном случае принимаются теми, кто лучше других осведомлен в данном вопросе» [Там же, с. 178], где «...наука научилась управлять наследственностью» (Там же, с. 193) и где «...нет ни парламента, ни политики, ни частного богатства, ни коммерческой конкуренции, ни полиции, ни тюрем, ни сумасшедших, ни слабоумных, ни уродов» (Там же, с. 193), почти как в антиутопическом «дивном новом мире» Хаксли. За эту общественную гармонию не приходится платить самоценностью отдельных «я» - где священны «Пять Принципов свободы»: «принцип уважения к частной жизни», «принцип свободы передвижения», «принцип неограниченного знания», «принцип свободы, объявлявший ложь самым черным из преступлений» и «принцип свободного спора и критики» [Там же, с. 337-340).

В данном контексте примечательно, что изначальным мотивом для создания антиутопического романа Хаксли «О дивный новый мир» стало именно полемическое переосмысление Хаксли утопической модели, созданной Г. Уэллсом в романе «Люди как боги».

Особого внимания заслуживают отразившиеся в утопической литературе первых десятилетий XX века утопические модели, в основу которых легла идея

«творческой эволюции», то есть осознанного изменения человеком собственной природы, направления собственной эволюции в то или иное желаемое русло. Элементы «творческой эволюции» существуют и в утопическом мироздании по Г. Уэллсу – в утопическом романе «Люди как боги»: «наука научилась управлять наследственностью, и чуть ли не каждый ныне живущий утопиец принадлежит к типу, который в недалеком прошлом именовался деятельным и творческим. В Утопии нет малоспособных людей, а слабоумные отсутствуют вовсе; лентяи, люди, склонные к апатии или наделенные слабым воображением, постепенно вымерли; меланхолический тип уже давно забыт; злобные и завистливые характеры уже в значительной степени исчезли»... (7, с 193). В данном утопическом мире «творческая эволюция» является лишь одним из проявлений «научного мироустройства», вторичным по отношению к коренному преобразованию социального уклада и системы воспитания. Именно «творческая эволюция» стала основой утопического переустройства жизни в пенталогии Дж. Б. Шоу «Назад к Мафусаилу» (1981-1929) [6, с. 53].

Утопия первых десятилетий XX века отдавала предпочтение не реальному человеку, а человеку, преобразованному в данном направлении. В связи с этим европейская утопия, частично вписываясь в систему ценностей традиционного европейского гуманизма, восходящего своими истоками еще к эпохе Возрождения (центр ценностного отсчета – счастье человека), в то же время и выходит за эти рамки. Если традиции европейского гуманизма базируются на идее самоценности человека – такого, каков он есть, то идея «творческой эволюции», то есть преодоление человеком своей собственной природы, ориентируется на внешний по отношению к человечеству высший замысел. В этом высшем замысле человек выступает только как средство. Впрочем, и социальные утопии первых десятилетий XX века в значительной степени предполагали непосредственную взаимосвязь между правом человека на достойную жизнь – и его коренным изменением.

Поворот к человеку чрезвычайно важен, так как «психологизация» утопии означает и совершенствование эстетической стороны написанного, уравнивание в правах идеи и искусства. Показательно, что та же тенденция стоит за активизацией антиутопии.

В европейской культурной традиции утопическая и антиутопическая линия неразрывно связаны – и они отражают две противоположно направленные

тенденции в развитии общественного сознания. С одной стороны, в утопической литературе отразилась общественная потребность в гармонизации отношений между личностью и обществом, в создании таких условий, когда бы интересы отдельных людей и всего человеческого сообщества были слиты, а раздирающие мир противоречия разрешились бы всеобщей гармонией. Подобная линия четко прослеживается в таких утопических произведениях эпохи Возрождения, как «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы и др. Позже эта линия пройдет через произведения Вольтера, Руссо, Свифта и через утопическую фантастику XX века (Г. Уэллс). Утопическая линия, несомненно, является одним из связующих звеньев между европейской и русской культурными традициями. Утописты пытаются конструировать всеобщую гармонию на базе свободного нравственного сознания духовно свободных людей.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. В мире утопии. - М.: Политиздат, 1989.
2. Пospelов Г.Н. Теория литературы. - М.: Высшая школа, 1978.
3. Рабинович В.С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. - Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2001.
4. Сизов С.С. Утопия и общественное сознание. - Л., 1988.
5. Шацкий Е. Утопия и традиция. - М.: Прогресс, 1990.

Источники

6. Шоу Дж. Б. Назад к Мафусаилу// Полн. Собр. пьес: в 6 т. Т. 5. –Л.: Искусство. Ленингр. Отделение, 1980.
7. Уэллс Г. Люди как боги// Собр. Соч.: в 15 т. Т. 5 –М.: Правда, 1964.
8. Browning E. –J/ Toward a Set of Standarts for Anti-Utopian Fiction// Cithara. -1070. -№ 10
9. Kateb G. Utopia and its enemies.-New York, 1972

Е.Н. Барбашова

Красноярск

ПОЭТИКА И СТИЛЬ РАССКАЗА С. ИСАКОВА «МАТЬ»

(опыт поэтико-стилистического анализа)

Внимание к поэтике как средству наблюдения над языком художественных произведений (в особенности поэтических) литературоведы и лингвисты проявляли давно. Исследования в этой области датируются древнегреческим и древнеримским периодом. Однако отождествление поэтики и риторики как искусства речевой коммуникации не могло отразить интересов собственно художественной, поэтической речи (прозы и поэзии). П.В. Смирновский в свое время писал: «Словесное выражение результатов одной только умственной деятельности называется прозой, словесное же выражение результатов художественного творчества называется поэзией» [14, с.66].

На стыке литературоведения и языкознания находится наука, называемая теорией поэтической речи, или поэтикой, которая изучает механизмы и природу художественного текста, стилистическую систему художественного произведения. В теории поэтической речи подход к стилю имеет большое значение, потому что стимулирует внимание исследователей к индивидуальному стилистическому началу, к тщательному отбору писателем языковых средств, к более широкому и целостному пониманию стиля как захватывающего композиционную и тематическую составляющие.

В задачи поэтики входит «систематизация и анализ элементов текста, формирующих в сознании читателя целостный «художественный мир» произведения и его основную концепцию, носителем которой является образ автора [2, с. 293]. Под воздействием авторского замысла реальная действительность превращается в созданные средствами языка художественные образы, возникающие в сознании читателя и непрерывно меняющиеся в процессе исторического функционирования произведений искусства.

Рассматривая поэтику с эстетических позиций, В.М. Жирмунский утверждал, что искусство пользуется материалом, заимствованным из мира природы. Этот материал оно подвергает особой обработке с помощью приемов, свойственных данному искусству. В результате обработки природный факт (материал) возводится в достоинство эстетического факта, становится художественным произведением. Задача изучения искусства заключается «в описании ху-

дожественных приемов данного произведения, поэта или целой эпохи в историческом плане или в порядке сравнительном и сопоставительном»[8, с.18]. Ученый при этом подчеркивает, что «самый выбор темы служит художественной задаче, т.е. является поэтическим приемом». Само построение поэтического произведения также «подчиняется художественному закону, становится самостоятельным средством воздействия на читателя, закономерно расчлененной художественной композицией» [Там же, с.31].

Поэтику, однако, нельзя рассматривать вне описания художественной речи, сближающей ее по целям и задачам со стилистикой. Современные направления в стилистике позволяют провести более детальный анализ художественной речи в отдельно взятом образце литературного искусства. Стилистика текста, тесно связанная с интерпретацией текста и являющаяся теоретической базой лингвистического анализа художественного текста, учитывает «стилистическую значимость языковых единиц, стремится определить и описать стилистические эффекты, возникающие в речи благодаря структурной организации текста»[13].

Коммуникативная стилистика художественного текста, для которой характерен «коммуникативно-деятельностный подход к тексту как явлению идиостиля в его проекции на все уровни модели языковой личности» возникла сравнительно недавно, и речевое произведение (текст) рассматривается в ее рамках как форма коммуникации и явление идиостиля.

Элементы стилистики, как указывает Б.В. Томашевский, находят отражение в поэтике по двум причинам. Во-первых, потому, что «учет основных явлений, сопутствующих установке на выражение, совершенно необходим для понимания конструкции художественных произведений», и по этой причине стилистика является необходимым введением в поэтику. Проблемы стилистики являются специфическими проблемами художественной литературы.

Во-вторых, эти вопросы возникли в недрах старинных поэтик и риторик и традиционно относились не к лингвистике, а к теории литературы. В преподавании словесных наук они обычно входили не в систему наук о языке, а в систему наук о литературе [16, с. 39].

Вопрос о взаимопересечении поэтики и стилистики в трудах известных литературоведов и лингвистов решался неоднозначно. Г.О. Винокур полагает, что поэтика есть лишь часть стилистики [4, с..26.]. Сопоставление стилистики с

поэтической лингвистикой, по мнению В.М. Жирмунского, оправдано ее составляющими: фонетикой (метрикой, инструментовкой, мелодикой), грамматикой, синтаксисом, семантикой и лексикологией. В.Виноградов видит литературоведческую стилистику как ответвление общей искусствоведческой стилистики и считает ее интегральной составной частью литературоведения и языкознания.

Одна из центральных категорий поэтики – «образ автора» –, согласно концепции В.В. Виноградова, воплощает в себе все элементы художественной структуры: «В образе автора, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения, распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения» [8, с.26.].

В классическом учебнике Б.В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика» наряду со сравнительной метрикой и тематикой широко представлен раздел «Элементы стилистики», включающий поэтическую лексику, поэтическую семантику (тропы), поэтический синтаксис (фигуры) и эвфонию.

С.В. Бройтман в комментариях к монографии Томашевского приводит высказывание Б.И. Ярхо о том, что стилистика «оперирует словом, то есть формой слова в его отношении к значению, изучает применение для эстетических целей всех лингвистических категорий» [2, с.310]. Таким образом, в «Методологии точного литературоведения» Б.И. Ярхо включает в стилистику «фигурацию» (фигуры фонетические, морфолого-синтаксические, лексические и семантические, а также формальные); стилистическую композицию: стилистические жанры (парафраз, пародия, стилизация, перевод).

Стилистика на протяжении долгого времени рассматривалась в качестве языковедческой дисциплины, однако, включение элементов указанной дисциплины в теорию поэтики позволило представить ее в литературоведческом аспекте. Разграничение «литературоведческой» и «языковедческой» стилистик аргументировалось следующим образом: первая гораздо уже второй, потому что не рассматривает функциональные стили, а занимается только художественной литературой.

Литературоведческая стилистика имеет свой круг проблем. Объектами ее

исследований являются: система образов (включая образ автора), сюжет, фабула, композиция и индивидуальный стиль, а языковедческая стилистика не изучает непосредственно содержания, а концентрирует внимание на формах его выражения, то есть занимается общим, коллективным. «Аргументы эти представляются неубедительными и даже надуманными. В них прежде всего бросается в глаза понимание языкознания как науки, изучающей лишь строй языка. Отсюда попытки отгородить от «языковедческой стилистики» проблемы образа (включая образ автора), сюжета, композиции, проблемы единства содержания и его языкового выражения. С другой стороны: разве «литературоведческая стилистика» изучает только «непосредственно содержание», минуя средства его выражения? Разве проблема образа (включая образ автора) в словесности не выражается формулой «слово и образ», подчеркивающей, что вне слова, вне языка нет образа (как и сюжета, композиции и прочего)?» [11. С.23]. «Стилистика есть стилистика, делить ее между представителями различных филологических наук нет смысла» [там же].

Сближению «литературоведческой» и «языковедческой» стилистик способствовал анализ с позиций стилистики текста, предложенный В.В. Одинцовым, основу которого составляет «процесс выявления художественного приема и определения его функции в данном словесно-художественном построении» [12, с..164].

Разработка литературной коммуникации вызвана установлением известного параллелизма между свойствами художественного текста и речевым актом вообще. В рамках данного направления исследуются коммуникативные тактики и стратегии смыслового развертывания текста. Стилистическое исследование художественных текстов ориентируется на языковую личность, «стоящую за текстом» [14], отражение картины мира, на интерпретацию текста. «В поле зрения исследователей находятся средства и способы достижения определенного эстетического эффекта, правила и стратегии речевого поведения с учетом жанра. Ситуации, темы, мировидения автора, его творческого метода и других факторов» [6, с..68].

В силу системной организации текста, его связности и целостности анализ ориентирован на постижение содержания текста и не ограничивает освещение других его аспектов. Следовательно, изучению сущности произведения способствуют литературоведческий, стилистический и лингвистический анализ.

Известный литературовед М.Л. Гаспаров предлагает методику анализа, в основе которой лежит выделение трех уровней по Б.И. Ярхо:

- 1) идейно-образный – верхний (идеи, эмоции, образы и мотивы);
- 2) стилистический – средний (анализ лексики и синтаксиса);
- 3) фонический – нижний (метрика, ритмика, рифма, строфика, анализ звукописи).

Предложенный способ изучения поэтического произведения автор называет «техникой филологического анализа» [5, с.25].

Симбиоз литературоведения, стилистики и лингвистики очевиден. Текст связывает воедино различные «точки зрения», но наметившиеся в истории этих филологических наук расхождения проявляются еще в том или ином виде. Преодолению их способствует возникновение нового подхода к анализу текста.

«Филологический анализ текста (сравнительно новая на фоне разобщенных литературоведческих и лингвистических исследований дисциплина) – пишет Л.В. Гришкова, – предположительно имеет целью собрать разбросанные противоречивыми тенденциями развития филологической науки камни некогда целостного и стройного сооружения (имеются в виду принципы интерпретации) – литературного произведения. Судя по всему, данный спор между литературоведами и лингвистами завершился если не миром, то перемирием» [7, с.26].

Сфера научных изысканий в рамках обозначенной дисциплины, однако, весьма разнопланова. В рамках данной статьи мы попытаемся определить границы исследования, обозначив ближайшую цель – провести поэтико-стилистический анализ рассказов писателей, представляющих пейзажно-бытописательное направление в «молодой литературе» Сибири начала XX века.

В монографии Н.С. Болотновой выделены основные параметры текста как объекта лингвистического, стилистического, литературоведческого анализа. Внимание к поэтико-стилистической организации художественного текста может быть сосредоточено на последних двух этапах филологического анализа.

Схема стилистического анализа учитывает «коммуникативную природу текста и антропоцентризм (образы автора и адресата); лингвистические факторы стилеобразования (языковые особенности функционального стиля на уровне узуса и индивидуального авторского стиля).

При рассмотрении текста с литературоведческих позиций автор выделяет следующие этапы:

- 1) время и обстоятельства написания произведения;
- 2) место произведения в творчестве писателя;
- 3) литературный род;
- 4) жанр произведения;
- 5) основная проблематика произведения;
- 6) тема произведения;
- 7) композиция произведения;
- 8) основной пафос произведения и эмоциональная тональность.
- 9) система образов;
- 10) характеристика идейно-эстетического содержания;
- 11) художественные особенности (тропы, фигуры, приемы).

Поэтико-стилистический анализ повествовательного жанра рассказа может быть сконцентрирован на отдельных элементах стилистического и литературоведческого анализа, тем более что он является лишь составной частью филологического анализа текста. Представляется возможным, следуя традициям поэтики и стилистики, выделить этапы рассмотрения жанра рассказа. При этом необходимо включить в него «выявление элементов интертекста, определяющих связь рассматриваемого произведения с другими произведениями русской и мировой литературы» [17. С.9].

С позиций исторической поэтики время и обстоятельства написания произведения, а также указание места рассматриваемого произведения в творчестве писателя должны быть рассмотрены первостепенно. В дальнейшем, с позиций теоретической поэтики и стилистики, дается определение жанра в зависимости от стилевой принадлежности и соотнесенности с родом литературного произведения.

Сфера общения и основные функции данного произведения художественного творчества предопределены изначально, однако могут иметь особое назначение при декодировании текста. Указание на характер адресата и тип мышления, отраженный в тексте (конкретный, обобщенно-абстрагированный, образный), дает возможность сопоставить указанные рассказы представителей пейзажно-бытописательной группы с собственно публицистическими жанрами, наиболее близкими им по происхождению.

Специфической чертой литературной речи является художественно-образная конкретизация. Она проявляется «в такой намеренно созданной по за-

конам искусства организации языковых средств в речевой ткани художественного произведения, благодаря которой слово-понятие «переводится» в слово-образ (художественный), становится выражением новых, созданных творческим воображением, индивидуально неповторимых, как бы видимых внутренним зрением целостных художественных образов (и их элементов – «микрообразов»), пропущенных через эстетическую оценку писателя» [18. С.91-92].

Образный строй произведения позволяет, в таком случае, зафиксировать языковые приметы стиля и выявить индивидуально-авторские стилистические особенности (художественные особенности) произведения на уровне тропов, фигур, включая стилистические приемы

.Предполагаемый поэтико-стилистический анализ может рассматриваться как составная часть общего филологического анализа текста. Обозначенный подход к исследованию литературного произведения, на наш взгляд, позволит сконцентрировать внимание на поэтических и стилистических особенностях текста как объекта исследования в литературном процессе.

В общую схему поэтико-стилистического анализа произведения можно включить следующие элементы:

1. Время и обстоятельства написания произведения.
2. Место произведения в творчестве писателя.
3. Стиль и жанровая разновидность.
4. Реализация функций произведения.
5. Характер адресата и тип мышления.
6. Тип речи
7. Композиция
8. Образный строй.
9. Индивидуально-авторские стилистические особенности.
- 10.Интертекстуальные связи.

Одним из организаторов литературных сил Сибири начала XX века становится Степан Исаков (псевдоним Алтаец), вошедший в историю региональной литературы как бытописатель с ярко выраженной народнической тенденцией. Он отдает предпочтение жанру рассказа. Произведения автора печатались не только в местных газетах «Жизнь Алтая», «Алтайское дело», в журнале «Сибирский рассвет» и др., но и в столичных журналах «Современный мир», «Ежемесячный журнал». Результатом его деятельности в рамках обозначенного

жанра стала публикация шестнадцати рассказов.

Последние годы жизни Степана Исакова (1917 – 1921) являются наиболее плодотворными. В этот период автор заканчивает работу над повестями «Деревня» и «Голгофа», пьесой «Восстание» и готовит к публикации ряд рассказов: «Мать», «Оскудевшие», «Край обездоленный».

Рассказ «Мать» не стал, однако, в свое время фактом литературы, но для понимания эволюции писателя его следует рассмотреть более внимательно и с современных позиций. Художественно-беллетристическая жанровая разновидность отмеченного текста позволяет отнести его к эстетической сфере общения. Рассказ вызывает чувство сопереживания героине, которая для сына готова сделать все возможное, чтобы оградить его от грабительской войны, от несправедливости и смерти. Чувство тревоги за единственного любимого сына переполняло душу Катерины Ивановны. Только мать способна чувствовать предвестие беды: «Всюду война. Убивают людей, и сына ее могут убить. Эта мысль буквально преследует ее: Как? Такого хорошего сына, красивого, внимательно-го, умного, и убьют? Не может того быть, он никому не враг, да и не может быть врагом!» [19, с. 408.]. Как предупреждение о том, что Володя на самом деле желает быть «над схваткой» звучат пропущенные через сознание Катерины Ильиничны слова автора: «Новое что-то было в лице сына, незнакомое и страшное. Точно тень кисеи лежала на нем, точно темное и холодное дохнуло на юное лицо и постарело оно на целые года, приняло что-то неприятное от этого дыхания, какой-то скорбный вопрос» [19, с. 198.].

Эмоциональное состояние героини, бесконечно и преданно любящей своего сына, отражает динамику чувств от «Весенних зовов» через «Мнимый бред», «Вечерние зори» к волнению «Что с ним» и постоянной «Тревоге». Сквозь сон «ходит гремучим миражем» минувшая жизнь старых людей, «легким звоном звенит обновленная в детях – и спят, и не спят» [19, с. 202]. Экспрессивность достигается за счет выразительности использованных автором средств. Эстетическая, эмотивная и экспрессивная функции рассказа опираются на коммуникативную: текст не только выражает в художественной форме чувства автора, но и обращен к читателю.

Таким образом, рассказ оказывает сильное эстетическое воздействие на адресата и вызывает ответную эмоцию. Текст обращен к читателю, способному понять данное художественное произведение и обладающему необходимым

уровнем духовной культуры. Содержание, переданное в форме истории жизни матери лесничего, отражено в конкретном типе мышления. Элементы повествования сочетаются с пейзажными зарисовками, подчеркивающими наличие психологизма в рассказе. «Висело что-то над всей землей – тонкое, как лучи солнца, невидимое, как настроение, и звенело неслышно. По всей земле шел звон» [19, с.206.]. «Набат» - предвестник беды, и «звуки» его отражаются в небе. «Снова встало что-то красным пологом из земли, закрыло горизонт, слило небо и землю в одно, загудело несмолкаемо»; «стало багровым красное, стало черным багровое и медленно в черное погрузился звон» [19, с.209-210.]. Володя погиб при взятии партизанами родного села. Он, как объяснили матери, «невинная жертва долга», «жертва обстоятельств». Горе матери отразилось треском «сухих поленьев далекого костра»; «еже не костра, а трещотки». Безысходность и вечная боль – «пыталось подняться где-то сзади солнце, клало на все багровую муть и не могло насмелиться» [19, с.217].

Линейная композиция рассказа отражает естественную последовательность фактов. Характеризуя архитектуру произведения, можно выявить взаимосвязь в названии отдельных глав. «Весенние зовы» сердца Катерины Ильиничны приводят ее к мысли о необходимости быть рядом с сыном. «Мнимый бред» также связан с безграничной любовью к собственному ребенку. «Представилась на секунду тихая ночь. Лежит она в постели и слушает голоса ночи. И вдруг тихая поступь: Володя! «Мой милый! С ружьем! Ты с болот?.. Вот тебе отдых: это для тебя убрана травами, желтыми лепестками подсолнухов постель...

На короткую секунду коснулся сладкий бред сердца и запела в душе музыка» [19, с.194]. «Радостную и многодумную» печаль принесли матери «Вечерние звоны». Настороживший вопрос «Что с ним?» так и не успокоил Катерину Ильиничну, а наоборот вызвал «Тревогу» в ее сердце. Тревога, приглушенная «Неслышимым звоном», переросла в «Набат» - крах всего, ради чего жила мать. Осмысление материнской силы и способность восстать против грабительских войн, неизбежно и бессмысленно уничтожающих рожденных матерями детей, дает право таким, как Катерина Ильинична, проклинать всех, кто несет смерть людям. Всеохватность и всеобщность проблемы, поставленной автором, видится в завершающей главе рассказа «Я – мать».

Индивидуальность авторского стиля подчеркивают образные приемы в

описании пейзажа. Обилие метафор, эпитетов, олицетворений, перифраз и др. придает пейзажным зарисовкам особый колорит: «пили молча апрельское дыхание», «думная синева бора», «пенье лучей расточительного бора», «пускал сизые табачные струйки», «склонилось к золотому горизонту солнце», «обливало солнце розовым светом», «все на земле, оцелованное дыханием ее за ночь».

Художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту благодаря его соотнесенности с другими в общем межтекстовом (интертекстуальном) пространстве. Межтекстовым элементом в рассказе является заглавие, которое отсылает читателя к одноименному роману М. Горького.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – Томск, 2006.
2. Бройтман С.Н. Комментарии //Томашевский Б.В. Теория литературы . Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 2002.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М., 1959
4. Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (методологическая справка), 1923// Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М.,1990.
5. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. – СПб: Азбука, 2001.
6. Горшков А.И. Русская стилистика. – М.: Астрель, 2001.
7. Гришкова Л.В. Автор. Текст. Адресат. – Курган, 2006
8. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987
10. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь,1966.
11. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, 2003.
- Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.:Akademia, 2003. –
- 12.Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980.
- 13.Смирновский. П.В. Теория словесности для средних учебных заведений. – Пг, 1914.

14. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. – М., 1988.
15. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 2002.
16. Яновский Н. Предисловие // Степан Исаков – Иркутск, 1986. – С. 396 409.
17. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана)// Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. – СПб: Азбука, 2001.

Источники

18. Жилияков А.И. Дело мирское: рассказы. Недра жизни: Повести, рассказы, очерки / Степан Исаков. – Иркутск, 1986.

Ф.М. Белозёрова, Т.И. Попова

КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ-БИБЛЕИЗМОВ

(на материале английского и французского языков)

Фразеологизм, являясь достоянием народного национального языкового сознания, является своеобразным средством концептуального членения мира. Большинство фразеологизмов непереводаемо на другие языки, а это значит, что каждая нация проявляет в них свой характер, привычный образный склад речи. Именно во фразеологии хранится память о событиях народной истории, укладе жизни, народная мудрость и юмор. Фразеологические единицы можно считать наиболее значимыми единицами в лингвокультурологии – науке, возникшей на стыке лингвистики и культурологии и исследующей особенности культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

В результате взаимодействия человека с действительностью складывается его представление о ней. Одним из способов описания бытия человека является картина мира — глобальный образ, т.е. совокупность способов миропонимания и ценностных представлений (Ю.Д.Апресян, Н.В.Дмитрюк, Ю.Н.Караулов, Г.В.Колшанский, М.М.Маковский, С.Е.Никитина, В.И.Постовалова, Б.А.Серебрянников и др.).

В формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, который воспринимает окружающее как «картину», где все предметы и явления взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому картина мира является одним из способов структурирования информации об

объективной действительности. Картина мира имеет сложную структуру: в ней отражаются обыденные представления о внутреннем мире человека.

Таким образом, картину мира наполняют как универсальные, общечеловеческие понятия, составляющие ядро мировидения людей, так и специфические национальные и индивидуальные, субъективные представления, а также соотношения между ними.

Картина мира предстает как концептуальная, т.е. обусловленная определенным способом организации и восприятия действительности. Синонимичность этих понятий отмечается в большинстве современных исследований. Концептуальная картина мира состоит из концептов и связей между ними, она является своеобразной схемой, дающей представление о мироздании в виде взаимосвязанных фрагментов.

Изучение отдельных фрагментов языковой картины мира является одним из наиболее перспективных направлений современной лингвистики. Активно изучаются основания концептуальной картины мира и принципы реконструкции отдельных фрагментов языковой картины мира.

Таким образом, процесс концептуализации действительности, механизмы формирования концептуальной картины мира и отдельных концептов, а также их объективация в языке являются одной из основных областей рассмотрения современной когнитивной лингвистики [1].

В концептуальной картине мира, отраженной во фразеологии, важное место занимают фразеологические единицы библейского происхождения (далее - БФЕ). БФЕ, как и в целом фразеологические единицы (далее - ФЕ), формируют особый пласт средств выражения в языке для обозначения когнитивных признаков, реализующих различные концепты. Систематизация когнитивных признаков, предпринятая в статье, раскрывает сложную семантическую структуру БФЕ. Рассмотрение БФЕ двух языков – английского и французского, введение сопоставительного аспекта в исследование расширяет представление о роли изучаемой группы ФЕ в формировании концептуальной картины мира.

Исследовательской основой является составленная картотека ФЕ, включающая 191 ФЕ английского языка (далее - АБФЕ) [2] и 51 ФЕ французского языка (далее ФБФЕ) [3].

Модель когнитивных признаков АБФЕ приведена в таблице 1 .

Таблица 1 – Когнитивные признаки АБФЕ

Когнитивный признак	
Положительная оценка Нейтральная оценка	Отрицательная оценка
I. Концепт «Человек»	
Человеческая натура	
- The straight and narrow path – стезя добродетели. - (As) wise a serpent (или as Solomon) – мудрый, как змея (как Соломон).	- The daughter of the horse leech – ненасытная вымогательница, кровопийца. - Strain at a gnat – быть мелочным.
Поведение	
- Take no thought for smbd (smth) – не беспокоиться о ком-либо, чем-либо. - Swallow (take back или eat) one's words – взять назад свои слова, взять свои слова обратно.	- Spoil the Egyptians – поживиться за счёт врага. - Sew pillows under people's elbows – усыплять чью-либо бдительность.
Эмоции	
- Lift up smbd's head – радовать кого-либо, вызвать чей-то восторг, ликовать, помочь кому-либо воспрянуть духом.	- Hang one's harp (или harps) on the willows – перейти от веселья к унынию.
Взаимодействия между людьми	
- David's and Jonathan – Давид и Ионафан (неразлучные друзья). - Bow down one's ear to smbd – благо-склонно внимать к-л. Нейтральная оценка - Entertain an angel unawares – принимать человека, занимающего высокое положение, не зная, кто он.	- Ask for bread and receive a stone – (по)просить хлеба, а получить камень. - Job's comforter – горе-утешитель. - Grind the faces of the poor – угнетать, эксплуатировать бедняков.
II. Концепт «Жизнь человека»	
Характеристика жизни человека	
- One's cup was full (running over) – 1)	- Let this cup pass from me – да минует

её чаша переполнилась; 2) её счастье было безмерным. - Eat (или live on) the fat of the land – жить в роскоши (жить припеваючи).	меня чаша сия (говорится о предстоящих страданиях). - (As) poor as Job – беден как Иов, нищ.
Социальное положение	
- The powers that be (тж. the powers-that be) – сильные мира сего, власть держащего, власть имущего.	- (As) poor as Job – беден как Иов. - The nakedness of the land – крайняя бедность, убогая обстановка.
Действия, поступки	
- Put (или set) one's house in order – приводить свои дела в порядок. - Gird up one's (или the) lions – собраться с силами, готовиться (к путешествию, серьезному шагу).	- Lay the axe to the root of smth (set the axe to smth) – приступить к уничтожению, разрушению чего-либо.
Характеристика результата действия	
	- Fall on stony ground – падать на бесплодную почву, быть бесплодным, безрезультатным.
Дом, очаг	
- One's own vine and fig-tree – родной дом, домашний очаг.	
Пища	
- The fatted calf – упитанный телец, обильное угощение, яство. - The staff of life – хлеб.	
Средство к существованию	
- Daily bread – хлеб насущный, средство к существованию.	
Деньги	
	- Filthy lucre – презренный металл, деньги. - The mammon of unrighteousness – мамона деньги, богатство.
Оценка труда	

- A Labour of love – бескорыстный или безвозмездный труд.	
Страна	
- The land flowing with milk and honey – страна изобилия. - The land of promise (the promised land или land of the covenant) – земля обетованная.	
Закон	
- . The law of the Medes and Persias – “Закон медян и персов”, неизвестный закон.	
III. Концепт «Религиозные понятия»	
- The Book of Books (тж. the Book of God или the Good Book) – Библия. - The Father of Lights – “создатель света”, Бог.	- Fallen angel – падший ангел, дьявол. - The Fall of Man – грехопадение. - The Father of lies – “отец лжи”, сатана.
Разное	
Начало действия	
- Put one’s hand to smth (или the plough) начинать работу, приниматься за дело, приступить к чему-либо, браться за что-либо, приложить руку к чему-либо.	- Lay the axe to the root of smth (set the axe to smth) – приступить к уничтожению, разрушению чего-либо.
Отрицательная оценка чего-либо	
	- A thorn in smbd’s side (или шт the flesh of smbd) – источник постоянного раздражения.
Количество	
- Benjamin’s mess – самая большая порция; - львиная доля. - Their name is legion – имя им легион; им нет числа.	

Иллюзия, непрочность	
- A rope of sand – обманчивая прочность, иллюзия.	
Нечто существенное	
- The salt of the earth – соль земли. - Separate the sheep from the goats – отделить овец от коз; отличать важное от второстепенного.	
Время	
- When the Egyptian changes his skin – никогда, = после дождика в четверг, когда рак на горе свистнет.	
Характеристика периода истории	
- Sufficient unto the day is the evil thereof – довлеет дневная злоба его, =каждому времени свойственно своё.	

Как показывает таблица 1, АБФЕ объективируют концепты – «человек», «жизнь человека», «религиозные понятия», которые реализуются через несколько когнитивных признаков. Когнитивные признаки «поведение», «человеческая натура», «эмоции», «взаимоотношения между людьми» раскрывают концепт «человек». Концепт «жизнь человека» вербализуется через когнитивные признаки «характеристики жизни человека», «социальное положение», «действия, поступки», когнитивные признаки относятся к среде и предметам, окружающим человека – «домашний очаг», «дом», «деньги», «пища». Естественным для ФЕ библейского происхождения является объективация концепта «религиозные понятия». ФЕ, формирующие группы, обозначающие тот или иной когнитивный признак, распределяются по оценочному компоненту коннотации. Отрицательная оценка доминирует в семантике ФЕ, вербализующих концепт «человек», в частности, в ФЕ, реализующих когнитивные признаки «человеческая натура», «поведение», «эмоции». Отдельную группу составили ФЕ, обозначающие отрицательную оценку чего-либо.

Анализ французских БФЕ выявил набор когнитивных признаков, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Когнитивные признаки ФБФЕ

Когнитивный признак	
Положительная оценка	Отрицательная оценка
I. Концепт «Человек»	
Человеческая натура	
<ul style="list-style-type: none"> - âness de Balaam – валаамова ослица. - Madeleine repentante – кающаяся Магдалина, кающаяся грешница. 	<ul style="list-style-type: none"> - l’Enfant prodigue – блудный сын. - L’enfant de perdition – а) антихрист, б) пропавший человек. - Vierge folle – дева неразумная.
Взаимоотношения людей	
<ul style="list-style-type: none"> - Tendre l’autre joue (la joue gauche) – подставить другую щеку, не противиться злу. - Mettre la lumière sur le chandelier – открыто возглашать истину. 	<ul style="list-style-type: none"> - Baise de Judas – поцелуй Иуды. - Mettre la lampe (la lumière) sous le boisseau – скрывать от людей правду, держать их в неведении.
Эмоции	
<ul style="list-style-type: none"> - Faire pénitence avec le sac et la cendre – принести великое покаяние, посыпать голову пеплом. 	<ul style="list-style-type: none"> - Regretter les oignons d’Egypte – сокрушаться о былом великолепии, об утраченном богатстве. - Pleurer comme une Madeleine – плакать, как кающаяся Магдалина, горько плакать.
Действия, поступки	
<ul style="list-style-type: none"> - De la mesure dont nous mesurons les autres nous serons mesurés – в ту же меру мерите, а вам воздастся; не судите, да не судимы будете. 	
II. Концепт «Жизнь человека»	
<ul style="list-style-type: none"> - Tous les hommes sont pétris de la même argile – все люди созданы из одной и той же земли. - Vivre autant que Mathusalem – про- 	<ul style="list-style-type: none"> - Festin de Balthazar – пир Валтасара. - Les sept vaches grasses et sept vaches maïdres – семь голодных лет после семи лет изобилия.

жить Мафусаилов век, долго жить.	
Характеристика места	
	- Abomination de la désolation – мерзость запустения.
III. Концепт «Религиозные понятия»	
<ul style="list-style-type: none"> - Chute d'Adam – грехопадение Адама. - Le fils perdition – Иуда. - Péché originel – первородный грех. - La plénitude des temps – второе пришествие. - Le puits de l'abîme – ад, преисподняя. - Dans le sein d'Abraham – в лоне авраамовом, в раю. 	
Разное	
- Arbre de la science du bien et du mal – древо познания добра и зла.	- Voir une paille dans l'oeil de son proche (или de son voisin) et ne pas voir une poutre dans le sien – в чужом глазу соломинку видеть, а в своем бревно не заметить.

Как показывают данные таблицы № 2 ФБФЕ также как и АБФЕ вербализуют концепты «человек», «жизнь человека», «религиозные понятия». Набор когнитивных признаков ФБФЕ ограничен по сравнению с АБФЕ, но группа когнитивных признаков ФБФЕ, реализующих концепт «религиозные понятия» отличается большим разнообразием.

Модели когнитивных признаков английских и французских ФЕ библейского происхождения раскрывают богатое концептуальное содержание этого фрагмента языковых единиц.

Список литературы

1. Англо-русский фразеологический словарь. В 2-х т. / сост. А.В. Кунин. – 3-е изд., испр. – М.: Сов. Энциклопедия, 1967. т. 1. А- Q. т. 2. R- Z.
2. Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики / И.П. Королева //РЖ. Социальных и гуманитарных наук. Серия 6. Языкознание. – 2003. - №1. – С.177-181.

3. Французско-русский фразеологический словарь. Около 35000 выражений / под ред. Я.И. Рецкера.- М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963.

Н.Н. Бочегова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

По определению «Лингвистического энциклопедического словаря» двумя главнейшими, базовыми функциями языка являются: коммуникативная – быть «важнейшим средством человеческого общения» и когнитивная (познавательная, гносеологическая, иногда называемая экспрессивной, т.е. выражения деятельности сознания) – быть «непосредственной деятельностью мысли» [7]. К ним также в качестве базовых добавляют эмоциональную и метаязыковую функции языка. С базовыми, как первичными, соотносятся частные, как производные, функции языка. К коммуникативной функции относятся контактоустанавливающая, конативная, волюнтативная и **функция хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа** и некоторые другие.

Любой язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, её хранителя. Самой интересной областью исследования в каждом языке является, на наш взгляд, его национально-культурная семантика, т.е. те языковые значения, которые отражают, фиксируют и передают от поколения к поколению собственно языковую картину мира. По справедливому замечанию Н.Н. Кирилловой, «всякий, кто разделяет точку зрения В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни на соотношение языка и мышления – язык есть орган, не выражающий мысль, а формирующий её, — обречён быть этнолингвистом» [1, с. 5].

По мнению В.В. Морковкина «язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка – когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении её к непрерывной культурной традиции соответствующего народа» [5, с. 47 - 48].

Обратимся к лексическому уровню и попытаемся определить, каким об-

разом национально-культурная информация закодирована и отражена в слове. По мнению исследователей, специфичность лексики обусловлена, с одной стороны, различиями объективных реальностей мира, данного конкретному этносу в непосредственных ощущениях, а с другой стороны, особенностями самого коллективного сознания, которые проявляются в неодинаковости логических операций над одними и теми же реалиями внешнего мира, в неодинаковости работы механизмов не только логико-понятийного компонента сознания, но и эмоционально-оценочного и других компонентов обыденного сознания.

Повторяющиеся фразеологические обороты, словесные стереотипы разных культур и эпох могут объяснить многое. Они инкапсулируют в себе основные силовые линии и акценты общества, главнейшие культурные интересы, характерные определения ситуации, первичные мотивации.

О функционировании национально-специфических концептов на уровне бессознательного писал в своё время К. Беккер, не пользуясь данной терминологией: «Если бы мы заглянули в ту маленькую заднюю дверь, что служит для всех поколений тайным ходом к знанию, нам стоило бы озаботиться поиском незаметных слов с неопределёнными значениями, которым люди позволяют соскальзывать с языка, или с кончика пера, без страха и сомнений; слов, которые потеряли своё метафорическое значение благодаря постоянным повторениям и бессознательно воспринимаются в качестве объективной реальности... Для всех поколений эти волшебные слова имеют свои входы и выходы» [Цит. по: 2].

На наш взгляд, следует разграничивать понятие национально-культурной специфики и национально – культурной коннотации. Национально – культурная специфика составляет определённую существенную часть лексической единицы того или иного языка и входит в структуру содержательного ядра её значения. Понятие национально – культурной коннотации `уже понятия национально – культурной специфики, так как коннотация обычно определяется как дополнительное значение (added meaning), связанное с условиями и участниками коммуникативного акта. В таком случае, наличие определённой оценочности у той или иной лексической единицы или ореол экзотичности связаны с рецептивным аспектом.

В публицистическом произведении Б. Брайсона «Заметки с маленького острова» приводится пример таких культурно-коннотированных слов на материале английского языка:

I wonder if other people notice how much comparative pleasure there is in drinking in a pub called **The Eagle and Child** or **Lamb and Flag** rather than, say, Joe's Bar. Personally, I find endless satisfaction in it. I love to listen to the football results and the lulling roll call of team names – **Sheffield Wednesday, West Bromwich Albion, Patrick Thistle, Queen of the South**; what glory there is in those names – and I find strange comfort in the exotic and mystifying litany of the shipping forecasts. I have no idea what they mean – '**Viking rising five, backing four; Dogger blowing strong, steady as she goes; Minches gale force twelve, jeez Louise**' – but they exert a powerful soothing effect on me. I genuinely believe that one of the reasons Britain is such a steady and gracious place is the calming influence of the football results and shipping forecasts (B.B. – 180).

Слова, приведённые в этом отрывке, оказывают воздействие на автора именно в силу своего коннотативного потенциала.

Автор этих строк — американец, осваивающий британскую культуру. Выделенные лексические единицы вызывают у него ощущение экзотичности, благодаря актуализации в данной ситуации национально-культурной коннотации.

Из-за неявно выраженного символического аспекта языка трудно осознать полный спектр значений, выражаемых говорящими другой культуры. Чтобы заглянуть в видение мира или систему ценностей какого-либо народа, необходимо определить культурную символику, заложенную в его лексике. Это является одной из причин, почему перевод с одного языка на другой никогда не бывает полностью адекватным.

К. Клакхон замечает по этому поводу, что проблема семантики практически неразрешима, поскольку, как сказал Джон Локк, «показать различные значения и недостатки слов так трудно, когда у нас нет для этого ничего, кроме тех же самых слов». Это одна из причин — продолжает автор — по которой столь необходим кросс-культурный подход. «Любой, кто боролся с трудностями перевода, вынужден признать, что язык не сводится к словарному составу. Итальянская поговорка «*traduttore, traditore*» (переводчик – это предатель) слишком верна. Однажды я спросил у японца, хорошо знавшего английский, как бы он перевёл со своего языка выражение из японской конституции, воспроизводящее наше: «Жизнь, свобода и поиски счастья». Он перевёл: «Разрешение предаваться похоти»» [2, с. 65].

Уникальность вербального отражения мира предопределяется как особенностями национального склада мышления, так и объективными и очевидными различиями двух основополагающих составляющих – природной среды и материальной культуры.

О.А. Корнилов предлагает выделять три качественно отличные друг от друга группы слов, порождённых реалиями того фрагмента пространственно-временного континуума (ПВК), в котором сформировалось языковое сознание того или иного этноса. Автор называет их словами типа А1, типа А2 и типа Б и комментирует следующим образом: среда обитания этноса как фрагмент ПВК, данный этносу в непосредственных ощущениях, представляет из себя совокупность сенсibiliй (термин Б. Рассела), т.е. базовых единиц ментально-лингвального комплекса человека.

Среда обитания, отражённая в сенсibiliях подразделяется на природу и материальную культуру народа. Национально-специфическая лексика типа А обозначает специфические реалии бытования народа. Она, в свою очередь, подразделяется на обозначения специфических концептов, отсутствующих в других языках (А1) и обозначения неспецифических концептов с разными прототипами (А2).

Лексика типа Б служит для выражения национального характера и национальной ментальности. Факты языка здесь представлены национально-специфической лексикой, обозначающей абстрактные понятия [3, с. 148)].

Автор отмечает, что национально-специфическая лексика типа А в определённом смысле легче для освоения представителями других культур, поскольку её специфика вытекает непосредственно из экстралингвистических факторов, которые «лежат на поверхности». Они оказываются очевидными для тех, кто возьмёт на себя труд ознакомиться с планом содержания такой лексики, т.е. с самими референтами, составляющими в своей совокупности всю материальную среду конкретной национальной культуры, включающую как природную компоненту, так и рукотворную.

В этом смысле доступ к знанию национально-специфической лексики такого плана лежит на поверхности. Чтобы освоить эту лексику, необходимо знать природно-климатические условия, в которых живёт народ – носитель данного языка, иметь чёткое представление о его быте, традициях, обычаях и т. п. Лексика типа А – это обозначения национально-специфических реалий бы-

тования народа. К словам типа А1 автор относит обозначения национально-специфических концептов, которые в других языках не имеют эквивалентов ни на уровне лексических коррелятов, ни на уровне прототипов. лексические эквиваленты родного языка.

Основной аргумент О.А. Корнилова в данном рассуждении, с которым нельзя не согласиться, состоит в том, **что концептуальные универсалии могут иметь совершенно различные прототипы**, т.е. в каждом языке (а, следовательно, в коллективном языковом сознании) в соответствие универсальному концепту приводится свой собственный национально-специфический образ этого концепта, о чём носители других языков могут даже и не подозревать. Таким образом, возникает определённая диспропорция: примерная эквивалентность на уровне концептов и возможная абсолютная неэквивалентность на уровне образов-прототипов. Получается, что люди говорят как бы об одном и том же, но представляют себе при этом объекты, весьма отличные друг от друга. Полемизируя далее с А. Вежбицкой по поводу универсальных семантических прототипов, автор пишет, что «как китайская чашка не должна иметь ни блюдца, ни ручки и не должна соответствовать прототипу, существующему в сознании англоязычных (или любых других) лингвистов..., так и любой другой предмет самобытной материальной культуры любого народа НЕ ДОЛЖЕН соответствовать какому-либо общему для всех культур прототипу» [3, с. 160]. Таких универсальных прототипов – отмечает далее автор – попросту нет и не может быть, если речь идёт о действительно самобытных материальных культурах. Нельзя не согласиться с приведённым далее утверждением о том, что в этих случаях как раз и нужно говорить о национально-специфических прототипах, существующих лишь в сознании и воображении представителей данной культуры и неведомых представителям других культур, не посчитавшим нужным ознакомиться с самими именуемыми реалиями.

Мы присоединяемся к утверждению О.А. Корнилова о том, **что знание национально-специфических прототипов общих для большинства языков концептов – это составная часть когнитивной базы любого социума, объединённого общим языковым сознанием.** Равно как и о том, что проникновение в иноязычную картину мира невозможно без знания национально-специфических прототипов общих понятий, т.е. без адекватного знания слов типа А2.

Слова типа Б являются национально-специфическими логогенами, имеющими абстрактное значение. Термин логоген был предложен А. Пейвио в рамках концепции двух форм кодирования знаний о мире, согласно которой вербальные и образные знания представляют собой две разные (но взаимосвязанные) символические системы. «...Единицами репрезентации образной подсистемы являются имагены, обозначающие перцептивный аналог внешних явлений, т. е. образ, характеризующийся иконической природой и недискретностью. В свою очередь, единицами репрезентации вербальной подсистемы являются логогены» [6, с. 83].

Национальная специфика семантики этих слов – считает О.А. Корнилов – имеет вполне материалистическое обоснование и может быть объяснена конкретными факторами материальной среды бытования этноса, которые формируют национальную ментальность. Национальное сознание, сформированное под воздействием этих факторов, в свою очередь, порождает абстрактную лексику, не имеющую адекватных коррелятов в других языках.

Природные условия, оказавшие наибольшее влияние на формирование национальной ментальности, будем вслед за О.А. Корниловым называть ДОМИНАНТАМИ СРЕДЫ БЫТОВАНИЯ ЭТНОСА. Естественно, что эти доминанты различны у разных народов. В качестве примеров лексики этого типа приводятся, в частности, слова русского языка «воля, удаль, простор, разгул, размах» как отражение российских пространств, являющихся доминантой внешней среды бытования этноса.

Д.С. Лихачёв в «Заметках о русском» отмечал неизбежность лингвистических «последствий» влияния широких пространств на национальное сознание, указывая на то, что само пространство «вылилось в понятия и представления, которых нет в других языках» [4, с.18]. Несмотря на то, что двуязычные словари дают определённые соответствия этим словам, они оказываются мнимыми, считает О.А. Корнилов. Истинных же соответствий просто нет, – отмечает автор – «а понятным и очевидным это становится лишь тогда, когда строгий семантический анализ опирается на весь культурно-исторический контекст, на те самые «философствования», которые иногда недооцениваются сторонниками «чистоты» лингвистики.

Иногда при таком подходе кажущаяся идентичность заменяется глубокими концептуальными различиями, и обнаруживается, что, к примеру, *удаль* от-

нюдь не то же самое, что отвага, смелость, храбрость и их корреляты в других иностранных языках, а понятие специфически русское, включающее в себя помимо прочего и такие компоненты семантической структуры, как самолюбование, безрассудство, бескорыстие и привычка к широким пространствам» [3, с. 138].

Не подлежит сомнению тот факт, что лексика типа Б есть во всех национальных языках, однако, и здесь мы разделяем точку зрения О.А. Корнилова, проблема заключается в том, что без помощи специальных комментариев профессиональных лингвистов и культурологов, в полном объёме владеющих национальной языковой картиной мира конкретного языка, проникнуть в суть именуемых абстрактных концептов чрезвычайно трудно, а установить зависимость национальной специфики таких концептов от реалий внешнего мира, в частности от природно-климатических условий бытования этноса, — ещё труднее.

Говоря о единицах лексического уровня, можно утверждать, что все они обладают национально-культурным компонентом либо на уровне денотативного значения, а более точно, в структуре интенционала значения слова; либо на уровне импликационала лексического значения, реализуемого в контексте.

Национально – культурная специфика является частью каждой лексической единицы того или иного языка и входит в структуру содержательного ядра его значения. Так, например, слово «ranch», отражающее понятие, уникальное для культуры Северной Америки, будет иметь в структуре своего лексического значения признак «находящийся на Западе США или в Канаде». Слово «farm», употребляющееся в американском английском, не имеет этого признака на уровне словарной дефиниции, но семантический прототип американской фермы совершенно не совпадает с семантическим прототипом того же слова в русском языке или даже в британском английском в связи с разными культурно – историческими условиями, в которых складывался этот тип хозяйствования и, следовательно, тоже обладает национально – культурной спецификой, но на более глубоком семантическом уровне.

Подобным же образом, слово «work» не имеет специальной национально-культурной коннотации, но обладает национально-культурной спецификой в англо-саксонской протестантской модели мира.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Признавая эгоцентризм речемыслительной деятельности, мы должны при-

знать и её этноцентризм, так как любой говорящий субъект является продуктом породившей его культуры и этноса.

2. Изучение лексического состава языка является «ключом» к постижению ментальности этноса и средством лингвистической объективации его аксиологической системы. Следует разграничивать понятия национально-культурной специфики и национально-культурной коннотации.

3. Национально-культурная специфика является частью семантической структуры каждой лексической единицы того или иного языка. Понятие национально-культурной коннотации уже понятия национально-культурной специфики, так как коннотация обычно определяется как дополнительное значение, связанное с условиями и участниками коммуникативного акта. В таком случае, наличие определённой оценочности у той или иной лексической единицы или ореол экзотичности связаны с рецептивным аспектом.

Список литературы

1. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Часть I – СПб.: Каро, 2003.
2. Клакхон К.К.М. Зеркало для человека: Введение в антропологию. – СПб.: Тригон, 1998.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003.
4. Лихачёв Д. С. Заметки о русском // Избранные работы: В 3 т. – Т. 2.-Л.: Наука, 1987.
5. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом – 1997. № 1 – 2. – С. 44 – 5
6. Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний. – М.: Прогресс, 1992.
7. Лингвистический энциклопедический словарь./ Под ред. Ярцевой В.Н. - М.: Наука, 1996

Источники и принятые сокращения

Bryson B. Notes from a Small Island, London, 1995. – (В.В.).

стиля); экстралингвистические факторы (сферу общения; ситуацию; тип мышления).

А.И. Гольдберг, В.Е. Пазгалова

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НЕМЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ

Умение читать и писать в наши дни не менее значимо, чем умение говорить, так как в огромном количестве ситуаций общение между людьми происходит именно с помощью письменной, а не устной речи.

Языковедам удалось достичь относительного согласия по поводу того, что в основе орфографии того или иного языка не будет лежать: 1) только морфологический принцип, когда «общие для родственных слов морфемы сохраняют на письме единое начертание, несмотря на различия в произношении»; 2) только символический принцип, когда «данное написание создается специально для различения на письме омонимов»; 3) только традиционный принцип, заключающийся в сохранении «традиционных написаний, не объяснимых с точки зрения современного произношения и морфологического строения слова, представляющих собой остатки предшествующих орфографических систем»; 4) только фонематический принцип, когда «буквами алфавита изображаются не реально произносимые звуки, а фонемы по их основному виду, т.е. независимо от позиции»; 5) только фонетический принцип, когда «буквами алфавита изображаются реально произносимые звуки»; 6) только этимологический принцип, когда «написание сохраняет прошлое фономорфологическое строение словоформ» [1,с.294-295].

История и современное состояние немецкой орфографической системы являются прекрасным примером того, каким сложным и долговременным процессом оказывается унификация письменной формы существования языка, какими разнообразными могут быть принципы, лежащие в основе уже сформировавшейся системы, и какие проблемы могут возникать при попытках изменить устоявшиеся традиции правописания.

Необходимость следовать единой орфографической норме была осознана еще в XVI столетии. Школьные учителя и некоторые грамматисты, равно как и печатники, пытались выработать единый свод правил правописания. Так, например, уже в 1530 г. появляется «Справочник по Немецкой орфографии».

В XVIII столетии нормализаторскую традицию продолжил И.Фрайер (Hieronymus Freyer), который в 1722 г. издал свое «Руководство по немецкому правописанию»

Критерии, на основе которых ученые-грамматисты XVII-XVIII столетий пытались унифицировать немецкую орфографию, во многом были схожи: ведущими принципами были фонетический и семантический (морфологический). Но, несмотря на все старания этой группы ученых нормализовать правописание, варьирование в написании некоторого количества слов так и не было преодолено и по-прежнему сохранялось. Это было обусловлено как экстралингвистическими факторами (отсутствием государственного единства), так и чисто лингвистическими причинами (широким диалектным разнообразием немецкоязычной области).

В этом отношении интересны наблюдения В.М. Жирмунского: анализируя язык немецких классиков XVIII в., он констатирует, что, например, в рукописи «Ифигении» (*Iphigenie auf Tauris*) Й.В. фон Гёте (Johann Wolfgang von Goethe), которая датирована 1779 г., обнаруживаются некоторые орфографические погрешности, свидетельствующие о том, что поэт был изначально носителем франкфуртского диалекта. В рукописи, в частности, можно найти примеры: «делабиализации гласных: *leichten* (вм. *leuchten*), *zeigt* (вм. *zeugt*); спирантного произношения интервокального *-g-*: *weichem* (вм. *weigem*); отклонения в долготе: *trettet* (вм. *tretet*)» [2, с.70]. Подобные расхождения в правописании наблюдаются и в рукописях Ф. фон Шиллера (Friedrich von Schiller), который в юные годы говорил на Швабском диалекте.

В первой половине XIX столетия с интенсивным развитием сравнительно-исторического языкознания широкое распространение получает выдвинутый Я. Гриммом (Jacob Grimm) так называемый исторический (традиционный) принцип орфографии, когда при написании необходимо было учитывать особенности исторического развития языка в нововерхненемецкий период. Так, например, Я. Гримм и К. Вейнхольд (Karl Weinhold) - работа последнего «О немецком правописании» получила широкую известность - предлагали отказаться от обозначения долготы гласного с помощью немого *h*, писать *sz* вместо *ß*, *t* вместо *th*, в немецких, а *v* в заимствованных словах, а также вместо *u* следовало использовать *i*. [3]. Все это, в свою очередь, вносило определенный беспорядок в уже закрепившееся к новому периоду развития языка написание слов. Таким образом, и этот принцип, применяемый без учета других, оказался далеко не идеальным.

Важнейшим этапом становления орфографической нормы стал выход в

свет в 1880 году «Полного орфографического словаря немецкого языка» (*Vollständiges orthographisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Nach den neuen preußischen und bayerischen Regeln*) К. Дудена (Konrad Duden), а также его «Справочник по орфографии» (*Orthographischer Wegweiser für das praktische Leben*). [4].

Орфографическая реформа 1901 г. была воспринята в обществе неоднозначно. Интересно отметить, что кайзер Вильгельм II (Kaiser Wilhelm II) вплоть до 1911 г. отказывался следовать новым принципам правописания, поэтому некоторые официальные документы переписывались специально для него.

Достаточно быстро выявились недочеты и отдельные несоответствия (например, в написании слов с заглавной и прописной букв, а также проблема переноса слов и мн. др.), поэтому необходимость пересмотра и уточнения отдельных положений возникла уже в 20-е годы XX столетия. Из-за причин экстралингвистического характера (Первая, а следом и Вторая мировые войны) решение этих вопросов было отложено, но в 50-е годы дискуссии по поводу доработки и упрощения некоторых принципов немецкого правописания вновь обрели остроту и актуальность.

С середины 70-х годов во всех немецкоязычных странах языковеды работают над упрощением и унификацией правописания, однако существенный перелом в этой области был достигнут лишь в 1986 г. на встрече в Вене, на которой было принято решение о необходимости новой орфографической реформы. Для этой цели в немецкоговорящих странах были созданы официальные комиссии, результатом работы которых были следующие рекомендации: 1982 г. (Вена) - свод правил об «Умеренном написании с прописной буквы», соглашение о слогоделении - свод правил по пунктуации.

Таким образом, созданные рабочие группы по орфографии попытались выработать единые и приемлемые для всех немецкоязычных стран новые правила правописания, причем «старые» (1901) не расценивались как неправильные, они воспринимались как устаревшие.

Межгосударственная декларация о новой орфографии немецкого языка (*zwischenstaatliche Erklärung zur Neuregelung der deutschen Rechtschreibung*) была подписана официальными представителями правительств Германии, Австрии и Швейцарии 1 июля 1996 г., которая официально вступала в силу 1 августа 1998 г.

Однако до сих пор есть и немало противников этой реформы, которые пытаются отстаивать «старые» (классические) принципы орфографии считая их более логичными и проверенными вековой традицией. Так дискуссия между сторонниками и противниками реформированного правописания возобновилась с новой силой в августе 2004 г. (за год до начала повсеместного использования «новой» орфографии - до августа 2005 г. была предусмотрена переходная фаза), после того как пользующийся большой популярностью немецкий журнал «Шпигель» (*Der Spiegel*) и издательство «Аксель Шпрингер Ферлаг» (*Axel Spring Verlag*), следуя примеру газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung FAZ*) решили вернуться к «старому» (классическому) написанию [5].

Сотрудники других не менее авторитетных газет и журналов - например, журнала «Штерн» (*Stern*) и газеты «Вельт» (*Die Welt*) - полагают, что это временное явление, и продолжают следовать новым правилам орфографии, считая эту дискуссию бессмысленной, так как возврат к старым принципам правописания маловероятен [6].

Бывший федеральный канцлер Г. Шредер (Gerhard Schröder) занял однозначную позицию по данному вопросу: возврат к старому правописанию был бы ошибочным, поэтому правительство пока не думает расторгать межгосударственное соглашение по новой орфографии. В Швейцарии тоже весьма негативно отнеслись к перспективе возврата к старому правописанию и настаивают на необходимости придерживаться новых правил орфографии. Однако оживленные дебаты продолжаются и по сей день.

Каким бы ни был исход этого противостояния между представителями консервативных и новаторских течений в языковом обществе, очевидно одно: и те и другие прекрасно понимают значимость эффективного использования немецкой письменной речи, осознают важнейшую роль орфографии как связующего звена между разными вариантами устной речи и пытаются внести свой вклад в сохранение немецкого языка в его наиболее доступной для использования форме.

В практике обучения иностранному языку термин «письмо» используется главным образом в значении «письменная фиксация речи, знаков языка». Т.е. имеется в виду его технологический, процессуальный аспект. Учитывая существующие условия обучения иностранному языку в группах неязыковых

специальностей (дефицит учебного времени) в действующей программе развитие письменной речи как целевого умения не предусматривается. Следуя требованиям программы по немецкому языку, перед обучением письму ставятся весьма скромные задачи: овладение немецкой графикой, т.е. начертанием букв и типичных для немецкого языка буквосочетаний, их соотносительностью со звуками и звукосочетаниями данного языка и формирование на этой основе графических навыков, овладение орфографически правильным письмом, т.е. орфографическими знаниями и навыками, которые целенаправленно совершенствуются. Все эти навыки и умения развиваются главным образом попутно в процессе решения других задач и в тесном взаимодействии с обучением чтению [7].

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 2004.
2. Жирмунский В.М. История немецкого языка. - М., 1948.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева
4. В.Н. — М., 1990.
5. Duden. Deutsche Orthographie / Hrsg. Von Nerius D. - Mannheim, 2000
6. Der Spiegel. - N 33. - 9.08. 2004.
7. Stern. - N 34. - 12. 08. 2004.
8. Л.М. Одинцова. Die neue deutsche Rechtschreibung. Учебное пособие. - Курган, 2004.

Л.В. Гришкова

РИТОРИКА МОНОЛОГА

Интерес к риторике – теории и практическому мастерству целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи – периодически то угасал, то возрождался вновь на протяжении столетий. «Риторический Ренессанс» второй половины XX века отводит ей роль претендента «на вакантную роль науки, способной интегрировать на своей основе весь спектр филологических дисциплин», поскольку она «прослеживает глобальный идеоречевой цикл от “мысли к слову”, получающий соответствующую рецептивно-герменевтическую разработку» [4, с.10].

Обращение к одной из самых древних наук об использовании языка обу-

словлено, с одной стороны, переходом от анализа текста к анализу дискурса, а с другой – с поисками достаточно прочной и непротиворечивой базы для лингвистических исследований в новых условиях.

Основная задача науки, по мнению Ю.М. Лотмана, – *правильная постановка вопроса*. Первым шагом на этом пути является осознание наукой своих возможностей и «отказ её от претензии на ту деятельность, для осуществления которой у неё нет средств» [6, с. 19].

Ценность научного исследования, по справедливому замечанию В.М. Жирмунского, определяется «долей объективной истины и подлинного знания, которые заключают та или иная теория, система и дисциплина» [5, с. 95].

Современная теория текста многими своими положениями обязана работам М.М. Бахтина. Именно ему принадлежит определение текста как «*первичной данности*», «*непосредственной действительности мысли и переживаний*». «*Где нет текста, - писал ученый, - там нет и объекта для исследования и мышления*» (курсив наш. – Л.Г.) [2, с. 297].

Лингвориторический анализ не противостоит основным положениям теории текста вообще и лингвистики текста в частности. Антропоцентризм – основа современного лингвистического знания – проявляется в текстах-анализах и текстах-интерпретациях, прежде всего, через личность *интерпретатора*. Но для филолога-аналитика существует одна неопровержимая реальность – ТЕКСТ.

Многие лингвистические реальности сегодняшнего дня (не только пресловутый «текст в голове» но и концепт, если придерживаться большинства его лингвокультурологических определений) подвижны, текучи и весьма неопределенны, а основные положения риторики проверены временем и вполне могут стать основой для научного анализа художественных текстов различных жанров.

Согласно античному канону риторика включает в себя пять частей, соответствующих пяти необходимым и (обязательным) этапам работы оратора над речью: 1) нахождение темы (*inventio*), 2) расположение материала (*dispositio*), 3) словесное выражение (*elocutio*), 4) запоминание (*memoria*), 5) произнесение (*vox*).

Инвенция – выбор темы и цели выступления. Схема инвенции традиционно включает в себя три части: «**нравы**», «**аргументы**» и «**страсти**». Под понятием «**нравы**» в риторике подразумеваются те качества, которые позволяют

оратору установить контакт с аудиторией и утвердить свой авторитет (рассудительность, добродетельность, доброжелательность).

Аргументы – формы рассуждений, имеющие целью из известных положений вывести новое.

Страсти – это все то, под влиянием чего изменяется состояние людей, и принимаются различные решения.

Корни риторики уходят в публично-монологическую речь, и драматические монологи строятся, как правило, по ее канонам. Таковы монологи Брута и Антония на похоронах Цезаря в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

Надгробная речь Антония хорошо знакома филологам благодаря широко известной и часто цитируемой статье Р. Якобсона [9]. Анализируя монолог, Р. Якобсон ставил перед собой цель раскрыть поэтический потенциал, скрытый в морфологических и синтаксических структурах языка – то, что он обозначил как «поэзия грамматики» и (*‘poetry of grammar’*) и «грамматика поэзии» (*‘grammar of poetry’*):

The poetic resources concealed in the morphological and syntactic structures of the language, briefly, the poetry of grammar and its literary product, the grammar of poetry, have been seldom known to critics and mostly disregarded by linguists but skillfully mastered by creative writers.

The main dramatic force of Antony’s funeral oration for Caesar is achieved by Shakespeare’s playing on grammatical categories.

Brutus’s words *he was ambitious* undergo successive transformations. First Antony reduces it to a mere quotation which puts the responsibility for the statement on the speaker quoted.

Then this reference to Brutus is put into opposition to Antony’s own assertions. As a result the audience gets mere reported speech instead of reported facts. [9, pp. 375 - 376].

Эту же особенность речи Антония отмечает И.В. Арнольд:

Интерпретируя речь Антония над гробом убитого заговорщиками Цезаря, Р. Якобсон показывает, как искусно Антоний натравливает толпу на Брута, намекая, что Брут лжет. Антоний превращает доводы Брута о мотивах убийства в языковую фикцию, настойчиво приводя их в косвенной речи» [1, с. 202].

Не ставя под сомнение выводы Р. Якобсона об использовании Шекспиром стилистического потенциала морфологических и синтаксических структур, от-

метим все же, что в данном случае мы имеем дело скорее с риторикой, чем со стилистикой.

В истолковании Аристотеля риторика – это, прежде всего, *риторическая коммуникация*: разделяя оратора и слушателя, он видит в речи категорию, которая их объединяет. Поэтому, как полагает М.Я Поляков, «центром у него является *убеждение* (выделено В.Я. Поляковым), наделенное тремя моментами: риторическая коммуникация навязывает определенные формы общественно-ситуационных связей, формулировки или образы говорящего и вносит определенное отношение к миру, как к существующему, так и возможному» [7, с. 133].

На суд читателя и зрителя в трагедии *Юлий Цезарь* представлена не одна, а две речи, отражающие мастерство двух ораторов. Три опорных столба риторики – *идея, этос и пафос*. Они и определяют три основные функции речи: *probare* – доказательство или поучение, *delectare* – услаждение, *movere* – трогать или заставлять.

Брут говорит первым:

Be patient till the last.

Romans, countrymen, and lovers! hear me for my cause, and be silent that you hear: believe me for mine honour, and have respect to mine honour, that you may believe: censure me in your wisdom, and awake your senses, that you may the better judge. If there be any in this assembly, any dear friend of Caesar's, to him I say that Brutus' love to Caesar was no less than his. If then that friend demand why Brutus rose against Caesar, this is my answer: not that I loved Caesar less, but that I loved Rome more. Had you rather Caesar were living and die all slaves, than that Caesar were dead to live all freemen? As Caesar loved me, I weep for him; as he was fortunate, I rejoice at it; but as he was ambitious, I slew him. There is tears for his love; joy for his fortune; honour for his valour; and death for his ambition. Who is here so base that would be a bondman? If any, speak; for him I have offended. Who is here so rude that would not be a Roman? If any, speak; for him I have offended. Who is here so vile that will not love his country? If any, speak; for him I have offended. I pause for a reply.

All:

None, Brutus, none.

Brutus:

Then none I have offended. I have done no more to Caesar than you shall do to Brutus. The question of his death is enrolled in the Capitol; his glory not extenuated, wherein he was worthy, not his offences enforced, for which he suffered death [10].

Задачей Брута было объяснить гражданам Рима, почему был убит Цезарь. Парадокс политического убийства Цезаря заключался в том, что он был убит не врагами, а друзьями. И Брут этого не отрицает: признавая сам факт убийства и свое участие в этом деянии, он говорит о своей дружбе с Цезарем и даже любви к нему:

If there be any in this assembly, any dear friend of Caesar's, to him I say that Brutus' love to Caesar was no less than his. If then that friend demand why Brutus rose against Caesar, this is my answer not that I loved Caesar less, but that I loved Rome more.

И далее:

As Caesar loved me, I weep for him; as he was fortunate, I rejoice at it; but as he was ambitious, I slew him. There is tears for his love; joy for his fortune; honour for his valour; and death for his ambition

У Эко отмечает, что «риторика, отвергая крайности, закрепляет взвешенный тип речи, управляемую неожиданность. Причем все это делается не для того, чтобы сокрушить все привычное и известное, но для того, чтобы спровоцировать частичный пересмотр уже известного и тем самым убедить в своей правоте» [8, с. 129].

Именно «частичный пересмотр уже известного» и делает в своей речи Марк Антоний:

Friends, Romans, countrymen, lend me your ears;
I come to bury Caesar, not to praise him.
The evil that men do lives after them;
The good is oft interred with their bones;
So let it be with Caesar. The noble Brutus
Hath told you Caesar was ambitious:
If it were so, it was a grievous fault,
And grievously hath Caesar answer'd it.
Here under leave of Brutus and the rest, -
For Brutus is an honourable man, -
So are they all, all honourable men, -
Come I to speak in Caesar's funeral.
He was my friend, faithful and just to me:
But Brutus says he was ambitious;

And Brutus is an honourable man.
He hath brought many captives home to Rome,
Whose ransoms did the general coffers fill:
Did this in Caesar seem ambitious?
When that the poor have cried, Caesar hath wept:
Ambition should be made of sterner stuff:
Yet Brutus says he was ambitious;
And Brutus is an honourable man.
You all did see that on the Lupercal
I thrice presented him a kingly crown,
Which he did thrice refuse: was this ambition?
Yet Brutus says he was ambitious;
And Brutus is an honourable man.
I speak not to disprove what Brutus spoke,
But here I am to speak what I do know.
You all did love him once, not without cause:
What cause withholds you then to mourn for him?
O judgement! Thou, art fled to brutish beasts,
And men have lost their reason. Bear with me;
My heart is in the coffin there with Caesar,
And I must pause till it come back to me [10].

Речь Антония в целом можно, на наш взгляд, рассматривать как развернутую реплику-ответ в диалоге двух риториков, преследующих различные цели.

Сопоставив тексты обоих монологов, мы увидим, что Антоний цитирует фразу Брута о причинах убийства Цезаря в усеченном виде:

The noble Brutus
Hath told you Caesar was ambitious.

Усеченная и переведенная в косвенную речь цитата из речи Брута будет появляться вновь и вновь в разных риторических контекстах на протяжении всего монолога Антония.

Если обратиться к приведенной выше схеме инвенции, то станет очевидно, что, пытаясь установить контакт с аудиторией, Брут проявляет *рассудительность*, но *доброжелательность* и *добродетельность* в его речи отсутствуют.

Признавшись в убийстве, взяв вину на себя (“There is tears for his love; joy for his fortune; honour for his valour; and death for his ambition”), он ищет поддержки у своих сограждан, но его риторические вопросы-дилеммы лишены доброжелательности и звучат оскорбительно:

Had you rather Caesar were living and die all slaves, than that Caesar were dead to live all freemen?

Who is here so base that would be a bondman? If any, speak; for him I have offended. Who is here so rude that would not be a Roman? If any, speak; for him I have offended. Who is here so vile that will not love his country? If any, speak; for him I have offended.

Речь Антония построена иначе, Он не просит у слушателей внимания, как это делал Брут, зато с самого начала выражает уважение к аудитории:

Here under leave of Brutus and the rest, -
For Brutus is *an honourable man*, -
So are they all, all honourable men, -
Come I to speak in Caesar's funeral

В этой связи отметим, что Шекспир ставит своих персонажей в неравные условия. Во-первых, речь Антония написана стихами, а монолог Брута – прозой. Монологи имеют различную ритмическую организацию. «Ритм как в поэзии, так и в прозе, не является орнаментом ритм является для значения или чувственным элементом, внешним по отношению к значению, пишет И.В. Арнольд. – Так же, как, например, метафора, носителем значения. Поэтому ритмическая организация текста, она *делает более четкими и мысль, и эмоцию автора*» (курсив наш. – Л.Г.) [1, с. 223].

Во-вторых, монолог Антония имеет более сложную структуру. «Самый момент некоторого сложного расположения языкового материала играет громадную роль и вводит речевые факты в светлое поле сознания, внимание гораздо легче на них сосредоточивается, – подчеркивал Л.П. Якубинский. – Монолог не только подразумевает адекватность выражающих средств данному психическому состоянию, но выдвигает, как нечто самостоятельное, именно композирование речевых единиц... Здесь речевые отношения становятся определителями, источниками появляющихся по поводу их самих переживаний» [Цит. по: 3, с. 46] «Композирование речевых единиц» и речевые отношения, ставшие «определителями, источниками, появляющихся по поводу их самих пережива-

ний» были проанализированы Р. Якобсоном в упомянутой выше работе.

Ограниченный объем статьи не позволяет дать подробный риторический анализ обоих монологов. Отметим в заключение, что жесткой логичности и бесстрастности речи Брута (чего стоит, например, концовка его монолога: «The question of his death is enrolled in the Capitol; his glory not extenuated, wherein he was worthy, not his offences enforced, for which he suffered death»?) Шекспир противопоставляет сдержанный пафос речи Антония, апеллирующего к чувствам римлян:

Риторический пафос Марка Антония направлен не на изложение того, что есть (это уже сделал до него Брут), а на то, что неясно, возможно. Так он призывает своих сограждан вспомнить о благих деяниях Цезаря:

He hath brought many captives home to Rome,
Whose ransoms did the general coffers fill.:

Или просто оплакать его, напоминая им правило древних – «о мертвых либо хорошо, либо ничего»:

You all did love him once, not without cause:
What cause withholdeth you then to mourn for him?

В итоге этос и пафос оказываются сильнее бесстрастного логоса Брута, и толпа встает на сторону Антония.

Подход к анализу текста с позиций риторики не исключает иных методов анализа. Методы могут быть разными и, как показывает практика, они часто и весьма успешно дополняют друг друга. Правомерен любой метод при условии, что он позволяет адекватно описать объект, а исследователь в своих поисках «потенциально бесконечного смысла» (М. Бахтин) не заходит слишком далеко и пренебрегает при этом меру и цель.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. современного английского языка (Стилистика декодирования) – М.: Просвещение, 1990.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.– М.: Искусство, 1979.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980.
4. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. – М.: Высшая школа, 2005.
5. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии.- СПб.: Азбука-классика, 2001.
6. Лотман Ю.М. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб.,

2001.

7. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. – М.: Советский писатель, 1978.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004.
9. Jakobson R. Linguistics and Poetics // Style in Language / Ed. by Th. A. Sebeok. – Bloomington, 1960.

Источники

-
10. Shakespeare W. Julius Caesar. – N. Y.: Dover Publications, 1992.

О.С. Драгунова

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ

В настоящее время высшая школа призвана создать качественно новую систему образования, способную обеспечить реальное взаимодействие специалистов в глобальном пространстве. Целью обучения иностранным языкам становится не набор конкретных умений, а формирование такой языковой личности, которой иностранный язык будет нужен «для жизни», для «общения в реальных ситуациях» (2, с.65). Таким образом, на современном этапе основным направлением в обучении иностранному языку в высшем учебном заведении является подготовка языковой личности к продуктивному межкультурному общению (МКО).

Понятие языковой личности было введено Ю.Н. Карауловым и позднее более детально рассматривается в работах Г.И. Богина, И.И. Халеевой, Л.П. Крысина, В.П. Фурмановой и других исследователей в области отечественной методики. В обобщенном виде языковая личность определяется как «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур»(3, с.87).

По мнению Г.В. Елизаровой, образовательный процесс в области обучения иностранным языкам должен не только снабжать обучающихся знаниями и формировать их умения в области МКО, но оказывать тонкое воздействие на личность, в результате которого она преобразуется в саморазвивающийся эмоционально зрелый интеллектуально-познавательный организм, способный

справляться с новыми культурно-обусловленными ситуациями общения.

Явление межкультурного общения имеет собственные закономерности, заключающиеся в том, что исходной точкой такого общения является бессознательный процесс атрибуции значений событиям, явлениям, поведенческим актам на основе этноцентрических, культурных представлений, а конечной – осознанное создание единого для всех участников межкультурного общения значения происходящего (1, с.257).

Для осуществления продуктивного МКО с учётом его лингвистических и психологических особенностей обучающиеся иностранному общению должны обладать межкультурной компетенцией. Г.В. Елизарова считает, что формирование компетенции такого рода обеспечивается особым содержанием обучения и применением специфических принципов: познание и учёт культурных универсалий, культурно-связанное соизучение родного и иностранных языков, этнографичность, речеповеденческие стратегии, осознаваемость и «переживаемость», управление собственными психологическими состояниями, эмпатия. Все вышперечисленные принципы являются взаимосвязанными и формируют межкультурную компетенцию только в совокупности. МКК – такая способность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и осуществлять медиативную деятельность, не утрачивая собственной культурной идентичности (1, с.258).

Сущность и структура МКК, а также принципы её формирования определяют особенности содержания процесса обучения – это знания, отношения и умения, составляющие сущность межкультурной компетенции и обеспечивающие способность к продуктивному межкультурному общению; языковой материал, текстовый материал, темы и ситуации, а также систему заданий.

Знания охватывают сведения о сущности феномена культуры, механизмах отражения культуры в языке и речи; о психологических особенностях межкультурного общения и т.д.

Отношения представляют собой открытость новой информации, желание и готовность восприятия «другого» как равноправного, принятие иноязычной культуры.

Умения обладают сложным характером.

Г.В. Елизарова выделяет:

- этнографические умения определения культурного компонента значения

жизненных реалий, институтов общества, моделей речевого и неречевого поведения;

- умения двойного видения одной и той же ситуации на основе представлений о релятивности культурных явлений и эмпатического отношения к другим участникам МКО;
- умения управлять собственными эмоциями посредством осознания их объективной природы как неотъемлемого компонента МКО;
- посреднические умения медиатора между собственной культурой и культурой собеседника за счёт осознания собственной культурной принадлежности;
- речевые умения;

Языковой материал включает единицы, обладающие культурным компонентом значения:

на лексическом уровне – слова, обозначающие уникальные культурные реалии, выражающие специфические культурные ценности и т.д.;

на грамматическом уровне – конструкции, соотносимые с культурными ценностями (например, ограничение употребления модальных глаголов и повелительных конструкций).

Текстовый материал включает в себя культурно – окрашенные аутентичные образцы актов диалогического и монологического характера; художественные произведения, демонстрирующие наиболее рельефно воплощение культурных ценностей в поступках и мыслях героев.

Обобщающие темы, способствующие формированию МКК, в работе Г.В. Елизаровой сформулированы следующим образом:

1. Культура, её форма и содержание; универсальные культурные ценности как содержание феномена культуры.
2. Американская культура; её базовые ценности; географические, исторические и социальные факторы её развития и т.д.
3. Российская культура.
4. Релятивный характер культуры как феномена; признание относительного характера ценностей и культур и т.д.
5. Психологические аспекты пребывания в другой культуре и взаимодействие с её носителями.
6. Моделирование собственного поведения и поведения собеседника адекват-

ным в культурном отношении путём.

В рамках каждой из тем предлагается выделить приближенные к реальности ситуации МКО, служащие единицей обучения.

Система заданий должна быть направлена на усвоение указанных выше знаний, выработку перечисленных отношений, формирование сложных умений МКО и освоение культурно – значимых тем. Система заданий должна обладать значимым характером и меняться в зависимости от потребностей обучающихся и условий процесса обучения.

Обучение иностранным языкам всегда вносило вклад в личностное развитие и образование обучающихся как в плане самопознания, так и в плане приобретения знаний о других.

В процессе обучения иностранному языку нужно сформировать такие качества вторичной личности, которые позволят ей адекватно действовать в контакте с представителями иноязычной культуры и продуктивно осуществлять межкультурное общение.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ – ГЛОССА, 2000.А
2. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб., Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.
3. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур. – Воронеж: Истоки, 1996.

Ю.А. Истратова

Екатеринбург

АЛЛЮЗИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ: МИФОЛОГЕМЫ

В середине 1950-х гг. Ролан Барт опубликовал серию очерков о всеобщей мифологизации современного сознания. Так, по его мнению, образ жизни среднего француза пропитан «мифологизмами». В исследованиях Барта ведущим в определении мифа является слово. Все, что покрывается дискурсом, может стать мифом. И вообще, если рассуждать глобально, то миф, как полагает Р.

Барт, является маркирующей качественной характеристикой современного общества, при этом мифологизация – признак всех социумов.[1].

Легко убедиться в том, что попытки систематизировать мифы на основе их содержания мало информативны; поскольку миф — это слово, то им может стать все, что достойно рассказа. Для определения мифа важен не предмет сообщения, а то, как о нем сообщается. Очевидно, что мы имеем здесь два различных типа манифестации:

- 1) форма дана нам прямо и непосредственно;
- 2) кроме того, она имеет некоторую семантическую составляющую.

Содержание мифологемы составляют архетипы (образы), «архэ» вещей – основа и начало мира. По мнению исследователя живой мифологии К. Г. Юнга, в понятии «мифология» первая основа означает *слово, речь, предание*, вторая — *собирать*, т. е. слово в целом нужно понимать как *собрание воедино*.

Понятие «мифологема» означает «повествование». Сравнительное изучение мифов разных народов показало, что похожие мифы существуют в различных частях мира и что сходный круг тем, сюжетов, описываемых в мифах, затрагивает широчайшую область коренных вопросов мироздания. Это говорит о том, что существуют безусловные идеи, которые обросли историко-культурными деталями в мифах разных народов, но в глубине остаются константами, незыблемыми мифологемами–образцами.

В мифологии мы встречаем первую *воспринятую* форму архетипа – мифологему. Соответственно, архетипы отличаются от первых *переработанных* их форм. Они не обладают конкретным содержанием, это всего лишь бессодержательные формы, которые заполняются жизненным опытом. «Содержание мифологем – смысл всего. “Развертывание” этого смысла через символ, образный или понятийный, может быть бесконечным. Но “свертывание”, напротив, обнаружит неизменные “архэ”, обращение к истокам, начальные архетипы, “основания” вещей, которые изначальны, а потому в полном смысле слова божественны, и являют собою форму божественного истока жизни» [1].

В узком значении «мифологема» – развернутый образ архетипа. Как переработанные формы архетипов, мифологемы – продукты воображения и интеллектуальной интуиции. Они осваиваются сознанием в символическом контексте со всем сущим, создают некую определенную тему, намерение, превращаясь в повествование. По словам К. Г. Юнга, «миф не является объяснением,

выдвинутым для того, чтобы удовлетворить научное любопытство, миф – это воссоздание первобытной реальности в форме повествования»[1].

Нас интересуют отношения, связывающие историю, миф и поэзию; отголоски событий давних дней, нашедших отражение в стихах, благодаря которым последние приобретают живость и определённую историческую или некую «временную» **аллюзию**. Обращение к мифу или некому историческому событию – беспроигрышный ход: это может быть одно-единственное слово, которое не нуждается в комментариях, разумеется, для того, кто осведомлён.

Мифологическая направленность интересна лаконичностью: подчас бывает достаточно в определённом контексте коснуться того или иного события, попросту упомянуть и мгновенно станет ясна суть повествования, причём последнее станет ещё и глубже и ярче благодаря обращению к исторической или мифологической реалии. Мифология, как ничто другое, насыщает речь, обогащает её, пробуждает и волнует воображение собеседника, в душе которого возникают «живые» ассоциации.

«**Мифологемы** - коллективные и индивидуальные - являются именами собственными, либо выступают в функции имен собственных. Говорить ... о содержании имен собственных или, тем более, пытаться разложить это содержание на компоненты, было бы бессмысленно. Однако каждое слово, а мифологема - особенно, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего / слушающего включено в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте» [3].

Таким образом, под мифологемами в нашей статье подразумеваются имена собственные, вызывающие в памяти говорящего и слушающего некоторый круг привычных ассоциаций, понятных носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте.

Конкретный пример использования мифологем рассмотрим на примере одного из поэтических произведений Жоржа Брассенса. Поэт упоминает в стихотворении имена проповедника и неустрашимого христианского обличителя

Иоанна Златоуста и древнееврейского пророка Мафусаила. Он делает это, во-первых, для того, чтобы привлечь внимание читателя, а во-вторых – чтобы стилистически оттенить финальный, завершающий фрагмент стихотворного произведения, придать ему экспрессивную окраску.

Страстно-обличительный гимн «Mourir pour des idées» открывает перед нами душу Brassens-бунтаря, гневно порицающего тех, кто рад убедить другого рабски покориться слепой идее, погибнуть за нее, а самим и дальше прославлять «смерть за идею». Brassensу тяжело сознавать напрасную, нелепую гибель миллионов ради ничтожных убеждений, абсурдных идей, которыми наводнено людское сознание. Поэту нестерпима мысль, что люди - управляемая и зависимая масса.

Mourir pour des idées	Умереть за идею
<p><i>Les saints Jean Bouche d'or</i> qui prêchent le martyr, Le plus souvent d'ailleurs s'attardent ici-bas. Mourir pour les idées, c'est le cas de le dire, C'est leur raison de vivre, ils ne s'en privent pas. Dans presque tous les camps on en voit qui supplantent Bientôt <i>Mathusalem</i> dans la longévité. J'en conclus qu'ils doivent se dire, en aparté: «Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente, D'accord, mais de mort lente». [Georges Brassens: <i>poèmes et chansons</i>. P., 1993].</p>	<p><i>Пророки и вожди</i> на нашей с вами тризне Твердят на все лады, что ради их идей Не жалко, черт возьми, и миллиона жизней Но сами не спешат расстаться со своей Туда, где льется кровь, их не загнать пинками За делом рук своих, следя из-за кулис Похоже, все они когда-то поклялись "Умрем ради идей! Мы - "за" двумя руками Умрем... Но <i>стариками</i>". Пер. А. Аванесова [Аванесов, А. Г. <i>Брассенс в русском переводе</i>. М., 2002].</p>

Брассенс вводит в повествование имя Мафусаила, одного из патриархов, праотцев человечества, прославившегося своим долголетием: он прожил 969

лет (ср.: «мафусаилов век») [2]. Известно, что Мафусаил сражался со злыми духами шеддим, отсюда народная этимология его имени – «умерщвляющий мечом». Мафусаил доходил до «пределов земли», чтобы узнать от своего отца Еноха о предстоящем потопе и о спасении Ноя (внука Мафусаила). Смерть же Мафусаила наступила перед самым потопом, вследствие чего потоп был отсрочен на восемь дней ради недельного траура по Мафусаилу.

Мы полагаем, что поэт упоминает имя Мафусаила для контраста в связи с его долголетием. «Поводыри», «мессии» готовы на всё, что угодно, лишь бы свести в могилу толпы безвинных людей, убеждая их в смерти «за правое дело», за дело достойное, непременно требующее огромной человеческой жертвы. В переводе А. Аванесова Мафусаил не упоминается, вероятно, потому, что его имя недостаточно известно широкому кругу русскоязычных читателей.

Список литературы

1. Барт, Р. Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. – СПб., 2001.
2. Лотман, Ю. М. Литература и мифы / Ю. М. Лотман // Мифы народов мира: 2 т. - М., 1982.3.
- 3 Мирча, Э. Аспекты мифа. – М., 1995.
4. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Государственная Библиотека Украины для юношества, 1996.

Ю.Б. Литовченко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЛИТЕРАТУРЕ РЕАЛИЗМА

(на примере романа В.Раабе «Акты Фогельзанга»)

Вильгельм Раабе (Raabe Wilhelm, 1831-1910) – заметная фигура в немецкой литературе второй половины XIX – начала XX века. За свою долгую литературную жизнь (с 1857 по 1908 гг.) он написал около семидесяти романов, новелл и повестей.

Поздний роман Раабе «Акты Фогельзанга» (“Die Akten des Vogelsangs”, 1896) признан в раабеведении «вершиной творчества писателя» [2,с.731]. Само название, как утверждает И. Реблинг, «образно отражает расколотую субъективность, <...> поскольку понятия, составляющие его, лежат в оппозиционных по отношению друг к другу коннотативных полях («акты» как понятие, подразумевающее подчинение определенным закономерностям, и «пение птиц» как

понятие в целом спонтанно-творческое)» [4,с.105]. Сюжет романа развивается следующим образом: размеренный ход жизни 48-летнего Карла Крумхардта, старшего государственного советника, уважаемого члена общества и добропорядочного отца семейства внезапно нарушает письмо от подруги детства Хелене Тротцендорф, ныне вдовы Мунго. Хелене сообщает Карлу о смерти их общего друга Фельтена Андреса и просит Крумхардта приехать в Берлин, где и произошло трагическое событие. Упомянутое письмо является видимой причиной создания Карлом оригинальной рукописи, в основу которой положены воспоминания о давно ушедших событиях. Лишь в конце романа читатель узнает о том, что встреча Карла и Хелене в Берлине состоялась, и что именно там героиня просит повествователя написать «в прозаическом стиле о Хелене Тротцендорф и Фельтене Андресе, их звездах, дорогах и судьбах» [4,с.371]. Таким образом, письмо Хелене и встреча с ней в Берлине образуют своего рода рамку – начало и конец – романа, между этими событиями и разворачивается довольно последовательный, хотя и прерываемый размышлениями повествователя, рассказ о совместных детстве и юности троих друзей.

В образе главного героя романа - Фельтена Андреса - сконцентрированы все возможные положительные черты, в той или иной степени характеризующие персонажей более ранних романов Раабе: незаурядные умственные способности и живое воображение, чувственность и целеустремленность, сильный характер и нежное сердце. В него влюбляются женщины, и ему завидуют мужчины. Героя без тени преувеличения можно назвать самым симпатичным персонажем, когда-либо созданным писателем. Тем более парадоксальной кажется трагическая гибель Андреса, когда в конце романа мы видим его абсолютно одиноким, сломленным физически и душевно, лишившимся всего, даже воли к жизни.

Следует отметить, что рукопись Крумхардта повествует не только об истории любви Хелене и Фельтена. Повествователь пытается разгадать тайну личности Андреса, «любимца богов и Фогельзанга, этого благословленного легкомыслием победителя мира» [4,с.273]. Подойдя к реализации столь масштабного повествовательного проекта со всей ответственностью, Карл выстраивает в своей рукописи четкую систему временных дат, пытается быть максимально объективным, включая в свой рассказ высказывания других персонажей и письменные документы, тем не менее, от страницы к странице читатель наблюдает растущую

неуверенность повествователя. Сначала глубоко личное, теплое отношение Крумхардта к другу начинают подменять обывательские оценки («бедняга Фельтен, совсем сошел с ума этот странный парень, этот Андрес!» [4,с.89]), затем беспомощность и отчаяние Карла сменяются агрессией по отношению к другу («я не могу больше жить вместе с ним (Фельтеном – Ю.Л.) под одной крышей» [4,с.324]). Безусловно умный и проницательный Крумхардт не осознает того, что по роду своего воспитания и принадлежности к обществу «благополучных граждан» он не может добиться поставленной цели – понять «другого» Фельтена. Теоретические основы психологии личности были разработаны намного позже момента выхода романа в свет, таким образом, и читатели-современники, приверженцы аналогичным представленным в образе повествователя норм и ценностей, думается, не могли до конца понять столь оригинальный по тем временам персонаж.

Указанное обстоятельство не свидетельствует о том, что роман в целом не раскрывает тайну личности Фельтена. Учитывая множественность коммуникативных структур романа, в которых задействован главный герой, можно составить подробную образную психограмму, вероятно, не претендующую на самостоятельную психологическую теорию. Разумеется, было бы безосновательным утверждение о том, что конкретный автор Раабе в конце XIX века обладал эксплицитными психологическими знаниями, которые он воплотил в образе Фельтена. Однако тот факт, что персонажи романа перманентно объясняют друг другу свое душевное состояние, а повествователь Крумхардт ведет протокол этих речей, которые современная психология обозначила бы как анализ и самоанализ, позволяет говорить об имплицитном психологическом знании, по сути – о предвосхищении гипотез об образовании субъективности, переработанных автором в повествовании.

Рассматривая «Акты Фогельзанга» с точки зрения развивающегося в романе XVIII-XIX веков психологического дискурса о кризисе личности, автор этой статьи считает возможным использовать в своей трактовке образа Фельтена Андреса теорию американской исследовательницы Э. Миллер. В отличие от классических теорий психоанализа, рассматривающих в качестве причины возникновения невроза у личности сознательное ограничение ею своих инстинктивных потребностей и желаний, Миллер исследует последствия нарушения здорового нарциссизма у ребенка в раннем возрасте вследствие неудовлетворе-

ния его потребностей в уважении и понимании. Согласно теории Миллер, лишь «воспитание, направленное на удовлетворение индивидуальных потребностей ребенка, приводит к становлению автономной личности, обладающей здоровым нарциссизмом» [3,с.60]. Если родители воспринимают ребенка как продолжение себя самих, то есть их «субъектно-объектные границы смазаны» [3,с.60], если они пытаются навязывать ребенку свои представления о его будущем или проецируют на него собственные страхи, то они не смогут выполнить важнейшую родительскую функцию – стать для ребенка «зеркалом» [3,с.63]. Таким образом, происходит своеобразная подмена ролей: уже не родители заботятся о ребенке, а он заботится о них, поскольку на него возлагается обязанность оправдывать ожидания родителей.

Мотив ребенка как собственности своих родителей, а также признаки нарушения нарциссизма, исследуемые Миллер, возможно проследить на примере образа главного героя романа «Акты Фогельзанга».

Среди множества коммуникативных структур, представленных в романе, совершенно особое место занимает структура «Амалия – Фельтен», иными словами «мама – сын». В воспоминаниях Карла образ Амалии Андрес близок к образу идеальной матери, обладающей бесконечным запасом любви, терпения и понимания. В сыне сосредоточены вся «радость, вера и надежда» [4,с.278] Амалии, она видит в нем «героя, одержавшего победу над миром» [4,с.317]. И сам Фельтен, будучи уже взрослым мужчиной, неустанно повторяет, что «совершил бы большой грех, если бы лишил ее этой иллюзии» [4,с.317]: «свет, которым я (выделено мной – Ю.Л.) наполняю ее тихую и прекрасную жизнь, не погаснет, пока это зависит от меня! Она должна продолжать радоваться мне!» [4,с.318].

Здесь необходимо отметить то обстоятельство, что родители всех троих героев «Актов» желают своим детям счастья, и в этом отношении семьи Андрес, Крумхардт и Тротцендорф не так уж отличаются друг от друга. Различно лишь то содержание, которое родители вкладывают в понятие счастья и, соответственно, различен тот образ жизни, на который они ориентируют своих детей. В стремлении «оказаться добрым, умным сыном» [4,с.300] своих «усердных родителей» [4,с.301], Карл получает образование, женится на девушке из знатной семьи и делает хорошую карьеру. Хелене, вступившая в брак с американским миллионером, также успешно реализует родительские амбиции. В это время

Фельтен прилагает невероятные усилия для того, чтобы завоевать Хелене и, таким образом, также оправдать ожидания матери. Герой прекрасно осознает, в чем заключается для нее его «победа в мире» [4,с.278]: «Ей совершенно безразлично, вернусь ли я домой нищим или миллионером, <...> она твердо уверена лишь в одном: “Кто как не я знает, что нужно моему дурачку? Если бы он вернул мне девочку, мою Хелене, то все наверняка сложилось бы по-другому...”» [4,с.312-313]. В повествовании Фельтен ни разу (!) не говорит Карлу прямо о том, что *любит* Хелене, зато как лейтмотив, почти дословно, герой повторяет родительский завет: «Она стала дочкой моей матери, она принадлежит к нашей семье, и поэтому я не отпущу ее. <...> Решено: я *должен* (выделено мной – Ю.Л.) преследовать это создание до скончания веков» [4,с.240]. Любовь Фельтена к Хелене пронизана чувством долга перед матерью, которой необходимо вернуть потерянную дочь. Даже в письме из Америки, где герой сообщает Амалии о свадьбе Хелене, желание утешить мать и снять с нее вину за произошедшее заглушает горе самого Фельтена о потере возлюбленной: «Моя милая дорогая мама, ты здесь совершенно ни при чем, как и мой отец. Такая судьба была уготована мне с рождения, но не ты пела мне о ней в колыбельных песнях» [4,с.293-295].

Примечательно, что именно в этом письме Фельтен предается и мрачным размышлениям об ответственности матери за судьбу ребенка: «По другую сторону кровати, в которой берет свое начало человеческая судьба, навсегда притаилась другая певица, бородатая ведьма, завывающая свою колыбельную. Этот очень древний напев придумали матери, и лишь они решают, каким ему быть» [4,с.293-294]. Материнский образ в приведенных цитатах амбивалентен, раздвоен на святую и ведьму, подобно амбивалентному и сложному образу «матерей» из второй части «Фауста» Гете. Однако аналогия с «другой», темной стороной материнского мира в повествовании больше нигде не повторяется. Мать неизменно остается для Фельтена «единственным верным другом» [4,с.331], милой мечтательницей, нуждающейся в защите от жизненных невзгод. Подобная идеализация матери является одним из существенных признаков нарушения нарциссизма, о которых пишет Э. Миллер.

Таким образом, фиксация Фельтена на иллюзиях своей матери во многих отношениях определяет конфликт героя с окружающим миром. С одной стороны, Фельтен привычно «отражает» чужие представления о жизни, подменяя ими собственные, с другой стороны, материнские фантазии не способствуют

удачной социализации героя в обществе здоровых во всех отношениях бюргеров, ориентированных на патриархальные ценности и трезвый расчет.

И здесь нельзя не упомянуть о метафорике театра, тонко вписанной «реалистом» Раабе непосредственно в канву произведения. Фельтен Андрес, стоя у смертного одра матери, признается Карлу в том, что «в своей жизни часто должен был играть комедию, особенно в последние годы» [4,с.318]. Вообще мотив семьи как театра, где каждый играет предписанную ему роль, лейтмотивом проходит через все повествование. Примечательно, что Карл, анализируя переписку Фельтена с матерью, осознает игровой, театральный характер их взаимоотношений намного раньше, чем сам герой: «Ничто не менялось в лучшую сторону от того, <...> что мать писала ему такие солнечные письма, несмотря на все ее заботы и страхи о нем, а он помогал ей дергать ниточки в этой кукольной комедии. Его письма к ней лучились веселыми шутками, и чем глубже он “погружался в безысходность”, тем больше он старался уверить себя и ее в своей победе. Они продолжали играть эту милую, трогательную комедию, над которой никто из соседей и не думал смеяться» [4,с.284-285].

Обращает на себя внимание ситуативная амбивалентность: комедия матери и сына «милая», но не смешная для окружающих. Карл избегает термина «трагичность», поскольку идея его рукописи не допускает оценочности и выводов. Вместе с тем, его точные и образные комментарии несколькими страницами позже позволяют судить о глубоком понимании им самой сути трагедии Фельтена: «На сцене жизни не всегда слышен колокольчик режиссера при смене декораций. <...> Играем ли мы хорошо или плохо, но *каждый уже сросся со своей ролью* (выделено мной - Ю.Л.) и подходящим к ней костюмом. Возможно, в редкие моменты тишины и одиночества кого-то из нас внезапно осеняет догадка: “Что с тобой происходит? Не изменилось ли все вокруг тебя и в тебе самом? Как ты попал сюда, твое ли все это, живешь ты сейчас или играешь? Кого или чего ради ты это делаешь?” Это и вправду очень странные мысли. <...> Прогнать их как можно скорее! Подобные размышления очень мешают исполнять предписанную роль, заставляют забывать слова, и тогда уважаемая публика <...> иронично улыбается, пожимает плечами, или уничижительно хохочет и свистит» [4,с. 299-300].

Вопрос о трансцендентных устоях мира здесь заключается в тех возможностях и условностях, которые предполагает исполняемая каждым из героев

роль на постоянно меняющейся сцене «мирового театра» [4,с.299]. В понятие «роли» повествователь вкладывает более глубокий смысл, чем простое обозначение той позиции, которую человек занимает в иерархической системе общества. Крумхардт отчетливо разделяет понятия «роль» и «костюм», разграничивая, таким образом, самоидентификацию себя как личности («исполнение предписанной роли») и смену мотивации и поведенческих образцов («подходящий костюм»). Иными словами, никому не дано выбирать себе роль, но каждый из нас «срастается» с ней. Размышления Крумхардта об игровом характере семейных отношений очень близки по своей сути к концепции Миллер. Исследовательница характеризует психологический портрет взрослого человека с нарушенным нарциссизмом следующим образом: «личность, характер которой в детстве и юности формировался посредством необходимого приспособления к требованиям и ожиданиям родителей, и в зрелом возрасте продолжает жить именно так, как этого от нее ожидают, подменяя свою натуру исполняемой социальной ролью» [3,с.28].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в романе В. Раабе «Акты Фогельзанга» содержатся основы имплицитных знаний, которые мы с позиции сегодняшнего дня эксплицитно воспринимаем как «психологические». Возможно, предлагаемая здесь трактовка образа Фельтена Андреса не вполне соответствует замыслу писателя. Однако, как метко заметил Ж.Женетт, «не следует слепо доверять эксплицитной этике писателя. Эстетическое сознание художника <...> никогда не стоит, скажем так, на одном уровне с его практикой <...>. Мы обладаем <...> тем преимуществом <...>, что мы его читаем на фоне всего того, рождению чего он способствовал, - на фоне современной литературы, <...>, и поэтому отчетливо различаем в его творчестве и то, что в нем содержится в состоянии зарождения, тем более что нарушение норм, эстетические новшества, <...>, чаще всего носят для него произвольный и подчас неосознанный характер» [1,с.270].

Список литературы

1. Женетт Ж. Повествовательный дискурс / Пер. Н. Перцова // Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
2. Martini F. Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus: 1848-1898. 4 Aufl. Stuttgart: Metzlersche, 1981.

3. Miller A. Das Drama des begabten Kindes und die Suche nach dem wahren Selbst. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
4. Raabe W. Werke in 5 Bänden. – т. В. V. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1972.
5. Roebing I. Wilhelm Raabes doppelte Buchführung: Paradigma einer Spaltung. - Tübingen: Niemeyer, 1988.

О.А. Мальцева, Е.А. Юрьева

ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Язык, как известно, теснейшим образом связан с менталитетом, культурой, традициями его носителей, поэтому многие процессы и явления, происходящие в обществе, находят отражение в системе языка. Английский язык, как один из наиболее динамично развивающихся языков мира, претерпел за последние десятилетия значительные изменения, которые во многом определены изменениями в общественной сфере. Не случайно, именно в мире английского языка, возникла мощная культурно-поведенческая и языковая тенденция, получившая название “политической корректности” (Political Correctness. – Далее – РС)

Явление РС стало реальностью не только официального и делового современного английского языка, но и стал частью ежедневного общения людей даже на бытовом уровне. Политическая корректность не перестает вызывать большой интерес, как у зарубежных, так и у отечественных лингвистов и культурологов. Подходы к анализу политической корректности различны: последняя трактуется как особая идеологическая реалья, языковое движение, культурно-поведенческая и языковая тенденция, языковая толерантность и т.д. Н.Г. Комлев, например, дает следующее определение РС: “Политическая корректность, политкорректность – утвердившееся в США понятие – лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной американской политики. Политкорректность имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, борьбы против СПИДа. Терпимость манифестируется в смягченных выражениях (например, вместо “черные” – “афроамериканцы”, вместо “инвалиды” – “нуждающиеся в физической поддержке”)[1, с.279]

С. Г. Тер-Минасова полагает, что политическая корректность языка выражается «в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляет его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.д.» [4, с.216].

В предисловии к книге «Are You Politically Correct?» Ф. Беквит и М. Бауман определяют политическую корректность как «сети взаимосвязанных идеологических воззрений, которые подвергают сомнению основы университетского образования: традиционный учебный план, взгляды на объективность получаемых знаний, придавая значение культурным, половым, классовым и расовым различиям» [5, с.9].

Продолжая мысль о неоднозначности толкований РС, приведем мнение С. Л. Пшеницына, который формулирует суть «этого феномена следующим образом»: «Говорящему необходимо придерживаться определенных правил, сигнализирующих о том, что он стремится не оскорбить представителей каких-либо социальных, этнических, возрастных и прочих групп» [3, с.236].

В.В. Панин называет политическую корректность «категорией». Он объясняет это тем, что политическая корректность обладает категориальными признаками и имеет формальное выражение, и выделяет следующие категориальные признаки:

интегральный признак – отсутствие в коннотативном значении языковой единицы дискриминации по расовой, национальной, половой принадлежности, возрастному и имущественному статусам, состоянию здоровья;

дифференциальный признак – способность языковой единицы исключить проявления выше перечисленных видов дискриминации [2, с.103]. Мы считаем, что обладания двумя выше названными категориальными признаками недостаточно для того, чтобы считать политкорректность категорией. Понятие «категория» включает в себя признак универсальности, чего мы не можем сказать о РС. Несмотря на то, что на сегодняшний день политкорректность проникла во многие языки мира, все же возник и достиг своего апогея этот феномен в США, на базе английского языка.

Следует также подчеркнуть то, что экстралингвистический фактор в данном случае играет очень большую, если не ведущую, роль. Поэтому мы не мо-

жем охарактеризовать политкорректность как языковую категорию и полагаем, что на данном этапе противоречивых оценок и множества подходов к рассматриваемому явлению, вполне целесообразно определить политическую корректность как особый *культурно-поведенческий и языковой феномен*.

Для объективного анализа политически корректной лексики необходимо, прежде всего, рассмотреть использование соответствующих лексических единиц в тексте. Показательными в этом плане, на наш взгляд, являются газетные и журнальные статьи. Для удобства стоит разделить лексику на тематические группы

Первая группа, которую мы рассмотрим, это *расовая и этническая принадлежность*". Здесь можно обнаружить такие примеры политкорректных терминов, которые вошли в живой язык : (African-American, Asian-(American), Native-American):

"A population boom among African-Americans and Asian-Americans in the 1990s has made Prince George's County Maryland's most diverse county" (The Gazette).

"It's about half the African-American males in our nation's capital, but it's a majority white-school" (Vanity fair).

"There are countries that have truly multiracial squads – France, England, and the USA – while other teams are entirely blond or Asian or Latin- American" (National geographic).

"Last fall, she revamped her survey by adding two more categories – Native-American and Asian" (The Telegraph).

Частота использования этих лексических единиц довольно высока – 57% от общего числа политически корректных слов, входящих в данную группу.

Наблюдается использование и окказиональных слов - Fair-skinned, Chocolate-looking, Cocoa-colored:

"Fair-skinned girls aren't singing about gender politics" (Herizons).

"A chocolate-looking Hally was red carpet darling this year" (In Touch).

"The man on the left is a plump, animated, cocoa-colored boss in dark stylish clothes" (The Telegraph).

Наряду с вполне допустимыми в рамках РС выражениями, встречаются фразы, с «впавшим в немилость» словом *Blacks* и некорректным *Hispanics*.

"Generation of black leaders had been spawned" (Vanity fair).

Тем не менее, далее употребляется корректный термин Latino и Latin-Americans, в связи с чем проявляется некая двойственность.

“This fall the college has opened a new Access Center in Hyattsville, the geographic heart of the county's Latino population” (The Gazette).

“Now the nation’s largest minority, Latinos are the prize in the defining battle of politics in the new millennium”. (Newsweek)

Видимо, слова *Hispanic* и *Hispanics*, как термины, официально введенные Бюро Переписей США (US Census Department), все еще более предпочтительны для газетных и журнальных публикаций, что подтверждается следующими примерами:

“And the result seemed to confirm the doomsayer's predictions: enrollment of African-American, Hispanic and Native American students plunged at Berkeley, while the Asian-American population continued to rise” (Newsweek).

“Among Americans who have some kind of face-to-face contact with the police each year, blacks and Hispanics are only 70 percent as whites to have these contacts” (The Economist).

Как поясняет The American Heritage Dictionary “среди терминов Latino, Chicano и Spanish American, *Hispanic* – наиболее общий, который охватывает всех испаноязычных граждан и подчеркивает роль языка как связующего звена между различными народами” [6, с.397]

Следующая группа слов, часто встречающихся в газетных и журнальных статьях – это слова, обозначающие людей с какими-либо *недостатками*.

В примере 1 речь идет о детях с девиантным поведением, но вместо обычного *disruptive children* интервьюируемый использует корректное выражение *kids that have special needs*

“I would prefer to see a much more focused effort on reducing class size for kids that have special needs, or disadvantaged areas”, Professor Lazear said.” (The New York Times)

Некоторые считают слово *disabled* не совсем корректным по отношению к людям с физическими недостатками, но в нижеприведенных примерах, оно считается вполне допустимым авторами статей:

“The money will be used to provide before-and-after-care educational and social services for children under eight and students with disabilities”(The Gazette).

“On Wednesday at the Vocational Guidance Services in Cleveland Mr. Bush

unveiled a five-year \$ 145 million proposal to improve transportation access for the disabled". (The Dallas Morning News).

“The disabled athletes often need to feel empowered in order to get involved in athletics”(Herizons).

Нередко можно наблюдать замену слова целым выражением, как в данном примере:

“That there is a new awareness, a new consciousness, a new commitment to better treatment of those disadvantaged by mental or physical impairments does not establish that an absence of state statutory correctives was a constitutional violation”. (The New York Times).

Выражение *those disadvantaged by mental or physical impairments*, безусловно, носит эвфемистический оттенок и является перифразом слишком прямолинейных *the disabled* или *the impaired*.

В то же время *impaired* как компонент сложного слова может служить для создания политически корректного слова:

“She checks her work by feeling it before handing each piece to another visually impaired woman.” (The Telegraph)

“Similar work is being done by sight-impaired workers in North Carolina.” (The Telegraph)

Здесь явно было сделано все, чтобы не назвать этих работников *blind*.

Приводимые ниже примеры показывают, что появилась тенденция вообще избегать употребления слов *sick, ill, patient*:

“The breast cancer *survivor* might never have linked her disease to the environment.” (Ms.Magazine)

“Former President Clinton held the hand to Edwin, a two-year-old HIV/AIDS *victim* in Kenya.” (The Telegraph)

Т.е. очевидна замена *ill* на *survivor* и *victim*.

Подвержены корректированию и слова, обозначающих людей *преклонного возраста*:

В первых трех примерах употребляется термин senior, что подчеркивает уважение к людям преклонного возраста со стороны государства и общества. 1. “While most area churches assist people who might need support from the others, such as the homeless, senior citizens, single parents or drug/alcohol abusers, there has not been any unifying body to coordinate these efforts efficiently.”(The Gazette)

2. “The plan also includes a catastrophic – coverage provision that would pay any prescription drug costs above \$6000 in a year for any senior, regardless of income.”(The Washington Post)

3. “Japanese toy makers now see senior citizens as their most dynamic market.” (Newsweek)

Слово *elderly престарелые*, еще в недалеком прошлом являвшееся эвфемизмом, потеряло свою эвфемистическую способность и, согласно The Official Politically Correct Dictionary and Handbook относится к разряду некорректных.

4. “For Ms Jose there is no moral dilemma in breaking the law to bring people from Mexico – most of them elderly or needing medical care – to their tribal hospital in Sells.” (The Dally Morning News)

Следующая группа – *сексизмы*.

В первом и втором примерах мы видим, что происходят замены: *one* перешло в *they*, а *his* в более приемлемое *his-or-hers*; *women* превратились в политкорректное *femininity*.

1. “So they went in for his-or-hers eye-lifting.” (Vanity Fair)

2. “Femininity laughs in the face of such simplicity.” (The Times Magazine)

Происходит замена полу-аффикса –man на нейтральный, т.е. политически корректный компонент fighters.

3. “Firefighters were inching toward containment of the fire.” (The Telegraph)

Стоит отметить тот факт, что сексизмов не так и много как кажется на первый взгляд. Даже феминистические журналы с характерными названиями – “Herizons”, “Ms.Magazine”, “Bust” – не столь щепетильны в вопросах политкорректности. По крайней мере, woman пишется по правилам:

4. “Three million women and children are condemned to economic slavery.” (Ms. Magazine)

Следует еще раз заметить, что идеи РС встречаются в смягченных выражениях (*эвфемия*). Для СМИ это явление нередкое:

1. “Girls are selling oranges in the park but informally open to offers of commercial sex”. (The Times Magazine)

2. “Around the world, HIV infection rates are skyrocketing among sex workers”. (The Times Magazine)

Т.е. эти примеры кажутся нейтральными и не такими резкими, как изначальные слова: *prostitution, prostitutes*.

Или, например, *women in isolation* звучит не так строго как *women in prison*:

”Women in isolation do not have the same freedom to seek out magazines that promote a women’s equality.” (Herizons)

Исследование показывает, что степень использования политически корректного вокабуляра в газетных и журнальных публикациях довольно высока (~210ЛЕ из ~530статей).

Наибольшую группу политически корректной лексики составляют термины, исключаящие расовую и этническую дискриминацию (31%). Следующая группа слов - термины, смягчающие дискриминацию людей с физическими и умственными недостатками (28%). Довольно распространены слова, смягчающие дискриминацию по возрастному признаку (21%). Политкорректная лексика по половому признаку встречается не очень часто. Возможно, она больше употребляется в специальных изданиях или в устной речи (12%). Эвфемизмы как таковые (не относящиеся ни к одной из вышеперечисленных групп) используются достаточно часто (8%).

Итак, выполненный анализ газетных и журнальных текстов свидетельствует о заметной представленности политической корректности в статьях американской и британской печати. Политическая корректность проявляется в повышенном внимании, уделяемом в американской прессе проблемам национальных меньшинств, дискриминации по половому признаку, адаптации физически и умственно неполноценных граждан, помощи людям старшего поколения и социально незащищенным слоям населения.

Список литературы

- 1 Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо-пресс, 1999.
2. Панин В.В. Эвфемия в системе средств идеологического воздействия // Коммуникация и язык. Сборник статей преподавателей и аспирантов факультета романо-германской филологии. - Тюмень: Издательский центр "Академия", 2003. – С.85-86.
3. Пшеницын, С.Л. Политическая корректность как переводческая проблема// *Studia Linguistica* – 4. Языковая с-ма и социокультурный контекст /Под ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиевой. – СПб:Тригон, 1997.- С.236 -245.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация – М.: Слово, 2001
5. Beckwith ,Francis J. Are You Politically Correct?: Debating America's cultural

standards/ Francis J. Beckwith, Michael E. Bauman. – Buffalo: Prometheus Book, 1995.

Словари

The American Heritage Dictionary: third edition – Laurel, New York, 1994. – 674

Ю.Н. Менщикова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

По наблюдению Ж. Бодрийяра, «все желания, замыслы, императивы, все человеческие страсти и отношения сегодня абстрагируются (или материализуются) в знаках и вещах, чтобы сделаться предметами покупки и потребления» [1, с.165]. Пожалуй, едва ли возможно представить современное общество с его «бесконечным, ослепительным, сбивающим с толку разнообразием» товаров и услуг без экономической сферы, особенно ее составляющей – рекламы. Рекламу определяют как «одну из технологий маркетинговых коммуникаций, целью которой является попытка перевести качества товаров и услуг на язык переменных, именуемых потребительские предпочтения» [2, с.93].

Рекламный дискурс, таким образом, является демократической коммуникативной моделью с двухсторонней связью между субъектом-рекламодателем и потребителем как субъектом желаний, в центре которой находится свободный получатель сообщения, у которого есть право выбора реализации того или иного желания. Очевидно, именно такому получателю адресовано следующее рекламное предложение: «Традицию не шататься в Новый год по друзьям, а справлять его культурно – с барышней у камина, в России ввел, естественно, Пушкин. О чем и написал четырехстопным хореем:

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь...

Сегодня этот очаг культуры можно установить практически при любых жилищных условиях и вкусовых запросах: в каталоге фирмы «Мир каминов» больше тысячи вариантов...» [3, с. 77]. Исходя из этого, при моделировании

потребительского поведения и пробуждении желания что-нибудь приобрести рекламодатели учитывают не столько экономические, сколько личностные факторы, обусловленные ценностными предпочтениями человека. «Индивид, – считает Бодрийяр, – чувствителен к ... той заботе, с которой «другие» его убеждают и уговаривают, к неуловимому сознанием знаку того, что где-то есть некая инстанция..., которая берется информировать его о его собственных желаниях, предвосхищая их и рационально оправдывая их в его собственных глазах» [1, с. 328]. Рекламный дискурс поэтому формирует образ желающего человека, целью которого является удовлетворение своих витальных и прагматических потребностей, самоутверждение в результате обладания определенными товарами, брендами. «Субъект, согласно представлению Э. Фромма, – это не «Я как таковой», а «Я как то, чем я обладаю» [4, с. 281].

Для создания этого социокультурного типа личности рекламная коммуникация опирается на регулятивную, креативную и магическую функции языка. Выражая идею реализации воли, интенций адресанта, конструируя особую знаковую реальность и контекст ритуала, обряда, соответственно, они воздействуют на поведение адресата. Сочетаясь друг с другом, эти языковые функции находят отражение в рекламных мифах, т.е. представлениях и плохом и хорошем, порицаемом и одобряемом социальными нормами, недопустимом и должном.

Рекламный миф «старина» является идеализированным Средневековьем. Окружающая среда представляется здесь как хаос, с которым человек должен вести героическую борьбу за существование, поэтому ценность придается удовлетворению физиологических потребностей. Товары этой группы представлены продуктами питания, одеждой и аксессуарами для отдыха на природе.

«Классика» являет собой сочетание респектабельной уравновешенности, идеальной пропорциональности и меры. Она гарантирует качество, относительную независимость от быстротекущего времени и изменчивости вкусов, консерватизм и уважение традиций. Этот миф связан с предметами престижного потребления – часами, мебелью, ювелирными изделиями, автомобилями и объектами недвижимости.

Рекламные мифы «будущего» избегают опознавательных знаков реальной современной жизни с ее несовершенствами и проблемами. Основной аспект мировоззрения связан здесь с техницизмом, пониманием мира как площадки для тотального дизайна, способного изменить не только социальное устройст-

во, но и сознание людей. В этой группе рекламируются товары, ориентированные на молодежь, а также на тех, кто хочет оставаться динамичным и мобильным, – спортивное оборудование, аудио-, видео- и компьютерная техника.

В рамках мифа «гедонизм» реклама создает мир, наполненный чувственными наслаждениями на грани дозволенного, экстравагантностью, подавляющей роскошью и помпезностью. Ценностями признаются импульсивность, наслаждение, удовольствие, безрассудство. Человек, с одной стороны, воспринимается здесь как объект чужих желаний или предмет, доставляющий удовольствие, с другой стороны, – как герой, запечатлевающий каждый миг своей роскошной жизни для вечности. Гедонистическая реклама связана с индустрией моды и развлечений, дорогой косметики, алкоголя и предметов роскоши. Наиболее яркими представителями этого мифа являются рекламные сообщения компаний «Dolce & Gabbana», «Martini», «Rich».

«Антигедонизм» считается самым молодым среди рекламных мифов и объединяет в себе отрицательные эмоции – страх, неприязнь, отвращение. Он поощряет все бестактное и агрессивное, отвергает традиционные нормы поведения и общепринятую мораль. Возможность легитимизировать и реализовать свои разрушительные импульсы и асоциальные стремления составляет основу мировоззрения его сторонников. Благодаря отстраненности этот миф задействован в социальной рекламе и предложениях молодежных товаров фирм «Sony PlayStation», «Stella Artois».

Миф «буржуа» создает уютный, чистый, удобный и обозримый мир. Он не избегает признаков современности, но удаляет из них глобальность. Для рекламных построений этой группы характерно редуцирование жизненных проблем или решение их простым и понятным способом. Героем становится обычный человек, поэтому особое внимание уделяется подробностям повседневной жизни – креслу или пакетику чая. В ранг основных здесь возводится потребность в физическом комфорте и душевном покое. Ценностями становится благополучное земное существование, скромность и отсутствие излишеств. В рамках этого мифа рекламируются продукты и предметы повседневного употребления марок «Fairy», «Sorty», «Магги», «Кнопт» [5, 5-6; 24-26].

Каждый рекламный миф своими текстами, включая их аудио-визуальное оформление, обращается к чувствам и эмоциям человека. Например: «Создавая свой новый аромат Sicily, легендарные дизайнеры Доменико? Дольче и Стефа-

но Габбана представляли жизнелюбивую и обольстительную женщину, которая умеет обнажать свои чувства и получает удовольствие, подчиняясь инстинктам. Свежие ноты бергамота и жимолости сплетаются с нежными оттенками черной жемчужной розы, жасмина и гибискуса. Чувственные аккорды сандалового дерева и мускуса создают колдовскую и страстную гармонию. Истинным воплощением импульсивной сицилийской души стала яркая и естественная красота Моники Белуччи» [3, с. 77].

Этот рекламный текст, по-видимому, адресован женщинам, из которых 35% хотят иметь привлекательную внешность, прокладывающую, по их мнению, путь к успеху во всех областях. К тридцати годам важность этой проблемы для них нарастает, а к сорока годам она доминирует в их сознании.

23% клиенток хотят уйти от проблем серых будней и быта, испытать больше романтики, связанной с отдыхом и путешествиями. 17% потенциальных покупательниц стремятся к самосовершенствованию, мечтают о блестящей карьере и перспективной работе, которая, в свою очередь, является гарантией дохода и друзей. О красивой жизни с комфортом, роскошью и интересными событиями грезят 16% представительниц прекрасного пола [6, с. 16-18].

Для мужской потребительской группы большую роль играет индустрия развлечений. Основным качеством для них является мужественность в ее мачо-варианте. Это означает, что мир вертится исключительно вокруг мужчины-победителя. Ему, вероятно, адресовано следующее обращение:

Мой первый мужчина! До сих пор я имела отношения только с женщинами. Но вчера ко мне впервые прикоснулся мужчина... Сначала я испугалась, но он повел себя так уверенно, что я покорилась ему. Он, кажется, тоже остался доволен результатом...

Электронная пишущая машинка Triumph Adler

P.S. Кстати, я стала доступнее (т.е. дешевле) на 15%.

Хотите убедиться? Обращайтесь...».

Языковые средства рекламного дискурса, воздействующие на сознание потребителя и вызывающие у него определенное поведение, составляют персуазивные речевые акты. Они реализуются в элементах вербального сообщения – слогане, заголовке, основном рекламном тексте и эхо-фразе [7,8]. Слоган, или рекламный девиз, кратко суммирует преимущества продукта в одном предложении, которое легко запоминается и переводится на иностранные языки. «Слоган способен «привлекать», не убеждая, – считает Р. Барт, – но уже одной лишь своей привлекательностью побуждать к покупке» [8, с. 413]. С этой це-

лю в нем используются аллитерации, т.е. звуковые повторы, приятные для слуха: «If anyone can Canon can». Обобщенный императив девиза носит прямой или косвенный характер: «Полный вперед!», «Время покупать».

В функцию заголовка входит привлечение внимания потенциальных клиентов для того, чтобы они прочитали основной рекламный текст. Не случайно здесь избегаются малоупотребительные термины, слова иноязычного происхождения, преимущество отдается кратким фразам, придающим предложению ясность и точность. Часто это достигается грамматически неверными конструкциями типа: «Сейчас – специальное предложение! – только 50 пенни!» или «Спасите детей. Сейчас».

Личные местоимения, персонифицирующие адресанта или адресата и вызывающие у последнего доверительную реакцию, которая особенно важна в момент первого обращения, широко используются в рекламных заголовках, например: «Это даст Вам выигрыш во времени». Психологической притягательностью для покупателя обладают цены, указанный диапазон которых в заголовке служит гарантией качества товара или, напротив, создает парадокс: «\$ 2 за Вашу жизнь».

Предоставляя сведения об услуге в форме какого-то обещания, основной рекламный текст выполняет наибольшую прагматическую нагрузку. Во-первых, торговое предложение отдельного рекламодателя выражает специфическое отличие от конкурентного товара: «Отстирает даже то, что другим не под силу». Во-вторых, оно сообщает о конкретной выгоде психологического, материального или иного свойства: «Нурофен – и боль прошла!». Наконец, уникальное торговое предложение свидетельствует о превосходной степени качества товара или услуги: «Только настоящий шоколад может носить имя «Кэдбери» [2, с. 97-98].

Стиль текста соответствует образу, который рекламодатель хочет придать товару – интеллектуальный, забавный или оригинальный. В любом случае, важным условием составления рекламного обращения считается выразительность, обилием средств выражения которой располагает практически каждый язык. Так, слово «лучший» нередко заменяется синонимами «избранный», «первый», «превосходный», «классический».

С целью вызова положительных ассоциаций у потенциального покупателя эффективными оказываются такие эпитеты, как «великолепный», «удиви-

тельный», «восхитительный», «изумительный» или более практичные эмоционально значимые характеристики товара или услуги – «экономичный», «утоляющий», «ценный». Например: «Попробуйте новый удивительный вкус...», «Чистит отлично, экономит прилично» [9, 52].

Чтобы убедить человека совершить покупку, составители рекламных текстов прибегают к различным языковым манипуляциям. Лексическое манипулирование поведением потенциального покупателя осуществляется языковыми единицами с семантикой положительной оценочности. Гиперболизация оценки при этом часто достигается использованием особых словообразовательных элементов, например, «суперцена», «ультрамодный». Эффективным средством убеждения в рекламном дискурсе являются аксиоматические выражения с элементом лести, избегающие необходимость доказывать мысль: «Вы знаете, что достойны самого лучшего, и поэтому...».

Термины типа «коэнзимы», «керамиды», не вполне подходящие для заголовка, в основном рекламном тексте создают впечатление профессионального подхода, подкрепляемое ссылками на авторитет ученых, как в примере: «Великий врач древнего мира Гиппократ высказал мысль, ставшую со временем афоризмом, что «лечить надо человека, а не болезнь». К привлекательной идее Гиппократа – использовать для лечения людей оздоровительные ванны – вернулась группа российских ученых...» [3, с. 78]. Терминология часто сочетается с количественными данными – результатами измерений, подсчетов, преимущество которых заключается в том, что у получателя этой информации редко оказываются материалы для проверки. Обилие цифр создает видимость серьезной аргументации. При этом манипулятивным приемом служит неполное сравнение, осуществляемое с неназываемым предметом, – «на 30% больше сока» или утверждение «до плюс внушительная цифра». Обещая улучшения будущему покупателю, сообщают, например, что происходит увеличение длины ресниц до 50%. Аудитория чаще всего не осознает, что 0% или 2% тоже входят в указанный цифровой интервал, и, следовательно, даже минимальный эффект от применения рекламируемого средства не гарантирован [10, с. 49-50].

Побудительное коммуникативное намерение выражают лексические единицы с семантикой обобщения, основой которого служит мотив уподобления: «Sharys – косметическая линия класса люкс, которой отдают предпочтение такие звезды Голливуда, как Гвинет Пэлтроу, Пенелопа Крус и Кэмерон Диаз, –

актрисы с безукоризненной внешностью» [3, с. 78]. Лексическим манипулятивным приемом можно считать использование языковых единиц, не несущих дополнительной информации и, таким образом, не участвующих в содержательном приращении высказывания, например: «Классический вкус хорош, потому что это классика» [10, с. 51].

Орфография располагает широкими персуазивными возможностями. Так, в рекламе аэрогриля встречается дефисное написание слов «пище-варение», «пище-тушение», «пище-копчение». Слово «пищеварение» обозначает физиологический процесс живого организма, а слово, написанное через дефис, предполагает, по замыслу автора, способ приготовления пищи. Архаичные орфографические знаки являются символом традиций: «Масловъ – масло с твердым знаком». Смешение кириллицы и латиницы в рекламных текстах позволяет создать привлекательный облик слова – «пгестиж», «залюзи». Как следствие, это приводит к переосмыслению лексемы. В рекламе также встречаются внеалфавитные знаки, вызывающие у покупателя соответствующие ассоциации: «Под\$тавь ладони золотому дождю» [11, 167-169].

Синтаксис рекламных текстов ограничивается в основном конструкциями простого предложения, что объясняется стремлением рекламистов коротко и ясно сформулировать мысль. При этом доминируют безглагольные и назывные предложения: «Би-лайн – лидер сотовой связи в России», «Летний отдых в Италии от фирмы «Саквояж». Обилие деепричастных и причастных оборотов может запутать адресата и отбить охоту дочитать предложенное объявление до конца.

В организации рекламного текста также распространена конструкция сегментации, или «именительного представления»: «Филипс. Это самая устойчивая картинка в системе автоматического контроля за изображением». Среди сложных предложных конструкций в рекламе чаще встречаются бессоюзные: «Знак хорошего вкуса и традиций пример – высший сорт чая Lipton всегда под рукой». Сослагательное наклонение «мог бы», «убедил бы» здесь практически не используется, поскольку оно придает высказыванию неуверенность. Временная ориентация рекламного предложения, как правило, связана с будущим. К примеру, объявление «Сегодня – дешевле, чем вчера, завтра – дешевле, чем сегодня!» вызывает желание прийти на следующий день, когда услуга будет дешевой.

Завершенный вид всему рекламному сообщению придает эхо-фраза, под-

черкивающая достоинства товара и являющаяся главным аргументом в пользу его приобретения. По-видимому, это объясняет максимальную концентрацию передаваемой ею информации, как то: «Tefal. Ты всегда думаешь о нас».

Рекламный дискурс, таким образом, выражает своими текстами процесс взаимоотношений между рекламодателем и потребителем. Совершая собственный выбор в пользу какого-либо товара или услуги, человек предстает как субъект желаний, вызванных его жизненным стилем, ценностными предпочтениями, индивидуальными мотивами. Ограничиваясь предложенным рекламистом образцом поведения, он превращается в объект деятельности последнего. Вызывая у человека желание-обладание, побуждая его совершить очередную покупку, рекламный текст особыми языковыми средствами создает у него положительный, оптимистический настрой. «Если бы полностью устранить рекламу, – считает Бодрийяр, – то ... каждый стал бы ощущать фрустрацию. У него не просто отняли бы возможность, пусть ироническую, игры и грезы, но ... ему бы казалось, что им больше никто не занимается. Он начал бы жалеть об этой специфической среде, через посредство которой он мог ... почувствовать себя окутанным более теплой, матерински ласковой, красочной атмосферой» [1, 144]. Очевидно, эти отличительные свойства рекламного дискурса обуславливают его высокий прагматический потенциал.

Список литературы

1. Барт Р. Рекламное сообщение // Р. Барт. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М., 2004.
2. Белгородский А.А. Манипулятивные методы в рекламе // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. – №6
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995.
2. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. – М., 2001.
3. Дунев А.И. Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.
4. Кушнерук С.Л., Чудинов А.П. Имена, открывающие кошельки // Русская речь. – 2007. – №2.
5. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2004.
6. Попова Ж.Г. Как написать эффективный рекламный текст // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – №5.

7. Симонов А. Эстетические стереотипы в рекламе // Рекламные технологии. – 2005. – №5-6.

8. Сорока М. Чего хотят женщины? // Рекламные технологии. – 2006. – №6.

9. Фромм Э. Иметь или быть? // Э.Фромм. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М., 2000.

С.В. Омельченко

БЕССОЮЗНОЕ УСЛОВНО-СЛЕДСТВЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Бессоюзные сложные предложения были выделены многими исследователями-русистами в особый структурно-семантический класс наряду со сложноподчинёнными и сложносочинёнными синтаксическими конструкциями [2, 6, 8]. Вслед за рядом исследователей - русистов мы признаём для русского языка существование бессоюзного способа связи между частями сложного предложения, при этом противопоставление сочинения / подчинения снимается. Для немецкого языка, ввиду особенностей грамматического строения предложения, мы, вслед за исследователями-германистами [1; 11; 9], утверждаем деление всех сложных предложений на сочинённые и подчинённые, как в системе союзного, так и в системе бессоюзного предложения.

В «Теории функциональной грамматики» определены три основных признака, определяющие специфику значения обусловленности: 1) ситуативный характер; 2) биситуативность, т.е. наличие двух ситуативных выражений, соотносённых друг с другом; 3) иерархическая зависимость компонентов, когда одна часть является обуславливающей, а другая – обусловленной [7].

БСП со значением обусловленности характеризуются наличием вышеназванных признаков, а также ряда дополнительных общих признаков, в частности: 1) определённым интонационным оформлением, связанным с повышением – понижением тона и паузой между частями; 2) соотношением модально-временных планов предикативных частей, когда форма времени и склонения глагола-сказуемого первой части определяется соответствующей формой глагола-сказуемого второй части; 3) в зависимости от соотношения видо-

временных и модальных форм сказуемых, наличия лексических элементов, того или иного порядка следования частей могут наблюдаться дополнительные семантические оттенки; 4) обуславливающая часть обычно находится в препозиции.

БСП с условно-следственными отношениями в русском языке

Один из компонентов сложного предложения функционирует в качестве обстоятельства условия, при котором осуществляется действие, указанное в другом компоненте. Компонент, выражающий условие, всегда стоит на первом месте, а это значит, что БСП данного типа являются предложениями закрытой структуры с фиксированным расположением частей: *Хватятся – не сносить головы. (А ТГ, 53); А попробуешь уползти – из тебя вся жизнь вытечет. (А СА, 130); Читай он эти телеграммы, вы бы уже стали крематорским дымом. (С ПВ, 541)*

Описывая структуру условно-следственных БСП, следует также обратить внимание на порядок слов в компонентах сложного предложения. Здесь возможны три комбинации:

1. обе части БСП имеют особый порядок слов, характерный только для условных БСП, когда сказуемое стоит на первом месте: *Не удалось бы сбежать – молил бы о пощаде, совал взятки судьям. (А СА, 171); Отдашь сто тысяч наличными – помогу уйти. (С ПВ, 602)*

2. сказуемое стоит на первом месте только в компоненте, выражающем условие, второй компонент имеет прямой порядок слов: *А попробуешь уползти – из тебя вся жизнь вытечет. (А СА, 130)*

3. кроме того, оба компонента условного БСП могут иметь порядок слов простого предложения (хотя такие БСП встречаются редко): *Бог не выдаст, свинья не съест. (А ЛС, 94); В три дня мне убийцу не найдёшь – двести рублей заплатишь. (А ЛС, 108)*

Дополнительным средством реализации условия являются корреляты *так / тогда*, участие которых в выражении семантических оттенков предложения обусловлено их природой. Следует, однако, отметить, что число БСП с участием коррелятов невелико, т.е. если для СПП отсутствие / наличие коррелятов является структурным признаком, то для БСП этот признак снимается: *Проиграл бы, так сам же и выкупил бы. (В БН, 133); Выберемся вместе, он тогда обоих уберёт. Рисковать не будет... (К А, 496)*

Условие, выраженное в БСП, может быть реальным (в 85% проанализированных БСП условной семантики) или ирреальным (в 15% БСП данной группы). Ирреальное условие грамматически оформляется сослагательным наклоном: *Был бы помоложе, можно бы отделку современную сделать и сдавать. (У СЛ, 111); Моя бы воля, я бы вашего гомеопата отдала под суд... (У ИВШ, 117)*

Вместо сослагательного наклонения со значением невыполненного условия может использоваться повелительное наклонение: *Получи он отлично по «французскому», он бы прошёл. (У ИВШ, 53)*

Для выражения реального условия используются, соответственно, глаголы-сказуемые в изъявительном наклонении: *В народе говорят: взялся за муж – не говори, что не дюж. (А К, 135); Дрыгаться не будешь – пожалеет. (А ЛС, 61)*

Бессоюзное условно-следственное предложение в немецком языке

В немецком языке для выражения условно-следственных отношений специализировался тип предложений, построенный по модели бессоюзного соединения компонентов СПП.

В БСП данного типа один из компонентов выражает условие, при котором осуществляется или может осуществляться действие, обозначенное во втором компоненте. Часть БСП, функционирующая в качестве обстоятельства условия, занимает первое место в сложном предложении. Таким образом, условные БСП являются двухкомпонентными сложными предложениями с фиксированным расположением частей, например: *Würde Philippe jetzt sagen „Es gibt niemanden, der dir das abnehmen kann heute“, würde sie nachgeben, sofort. (112) ; Waren wir alleine zu Hause, stand sie stundenlang am Fenster. (ND MF, 77)*

Фиксированный порядок следования частей в условном БСП является обязательным именно для бессоюзных комплексов, тогда как в СПП, где союзом (*wenn, falls* и т.д.) маркируется компонент сложного предложения, выполняющий функцию обстоятельства условия, порядок следования частей относительно свободный.

Связь главного и придаточного предложений выражена специальным порядком слов в придаточном предложении. Отсутствие союза способствует постановке финитного глагола на первое место. Второй компонент может иметь порядок слов простого повествовательного предложения, либо, что гораздо ти-

пичнее, спрягаемая часть сказуемого занимает первую синтаксическую позицию в обоих компонентах. Такой порядок слов является особенностью условных БСП, он характерен только для данного типа сложных предложений.

Wüßten die Leute davon, sie würden keinen Respekt mehr vor mir haben... (EWH W, 86); Wäre sie nur ein paar Jahre älter, die Bilanz wäre eindeutig (EWH W, 149); ... und wären dabei nicht Hunderte von PS zum Einsatz gekommen, mit der Folge einer mächtigen Heckwelle hinter der Squadron, hätte sie vielleicht noch erkannt, daß es der Blonde aus dem Lokal war... (BK S, 162)

Анализируя БСПП с условно-следственной семантикой, с точки зрения формализации подчинения можно выделить два структурных типа БСПП: БСПП с нулевой формализацией подчинения и БСПП с частичной формализацией подчинения. Нулевая формализация подчинения реализуется при отсутствии в главном и придаточном предложениях «позитивных знаков их функций» [10, с.154]. И если учесть тот факт, что каждое предложение, и, в частности, сложное предложение, выступает «как единство трёх моментов: смыслового членения, формально-грамматического и интонационного построения» [3, с.7], то естественно предположить, что в этом случае формализация подчинения осуществляется иными средствами, а именно: интонацией, глагольными формами и семантикой элементарных предложений, входящих в состав БСПП.

Исследуемый материал наглядно показывает, что в предложениях данного типа в качестве репрезентантов элементарных предложений БСПП выступают соответствующие сказуемые, между которыми существует тесная взаимосвязь. Временная форма придаточного предложения прогнозирует соответствующую временную форму сказуемого главного предложения. Сказуемое придаточной части берёт на себя функцию союза, выполняя структурообразующую роль.

Особенностью второго типа БСПП является то, что при оформлении его частей принимают участие корреляты *so / dann* в союзной функции [5, с.106], [2, с.72-73]. Они относятся к позитивным знакам, при этом только со стороны главного предложения. Выступая в качестве синтаксических единиц, *so / dann* оформляют главное предложение как несамостоятельное. При этом они не выражают смысловых отношений и отношений зависимости между частями, а характеризуют лишь сам факт вхождения главного в состав сложного предложения [2, с.80].

So / dann можно по праву отнести к союзным скрепам с чисто соединительной функцией. Они употребляются главным образом в структурах закрытого типа, т.е. в постпозитивном главном предложении, которое находится в большой зависимости от придаточного [4, с.44].

Übt er schwachen Einfluss auf das System aus, dann ist die Vorhersage in dem Maß ungenau, in dem dieser Einfluss vernachlässigt wird. (EWH W, 195)

Übt er starken Einfluss aus, dann ergibt sich wieder die Anfangsschwierigkeit. (EWH W, 195)

Почти в 50% проанализированных БСП с условно-следственными отношениями между компонентами указывается ирреальное условие, грамматически выраженное сослагательным наклонением: *Wäre mein Bruder mir nicht zu Hilfe geeilt, so wäre sie fortgegangen. (ND MF, 70); Ich wette, würde der doch noch auf die Idee kommen, bei uns einzubrechen, Mama würde es ihm verzeihen. (AH IG, 181)*

Условие, однако, не обязательно имеет значение нереальности; в компонентах условного БСП с реальной модальностью сказуемые стоят в форме индикатива: *Ich dachte, du kommst nicht mehr, bei dir weiß man ja nie – schickt man dich um eine Vase, kommst du erst am nächsten Tag wieder. (BN B, 71); wird aus einer arbeitsgruppe von zehn leuten einer herausgenommen und die anderen neun müssen seine arbeit übernehmen ändern sie an der struktur der arbeitsaufteilung nichts (EWH W, 21)*

Сопоставительный анализ БСП с условно - следственными отношениями между компонентами в русском и немецком языках

БСП с условно-следственными отношениями между компонентами являются по своей структуре предложениями неоднородного состава с фиксированным расположением предикативных единиц: как в русском, так и в немецком языке они состоят из двух компонентов, при этом в препозиции находится компонент БСП, выполняющий синтаксическую функцию обстоятельства условия по отношению ко второму компоненту:

Сказав «А», он должен сказать «Б». (Т ПС, 77)

Было бы плохо, тебя бы уже вызвали, наверное. (У СН, 128)

Wäre er rechtzeitig eingetroffen, hätte er Nadja versteckt und gesagt, sie sei verreist. (ND MF, 83)

Sollst du irgendwie Alarm schlagen, fliegst du mit auf. (BK S, 249)

Обращает на себя внимание порядок слов в предикативных единицах в составе условных БСП: для данного типа сложных предложений характерным является расположение именной части глагола-сказуемого на первом месте либо в обоих компонентах БСП, либо в той части, которая функционирует в качестве обстоятельства условия.

Не хочешь, чтобы на тебя плевали, - не подставляйся. (Т ПС, 132)

Было бы плохо, тебя бы уже вызвали, наверное. (У СН, 128)

Würde ich das von Arthur erfahren, wäre der Ofen sofort aus (АН IG, 214)
Rufe ich ihn an, kann er jede Frage beantworten. (ND MF, 149)

Однако такой порядок слов является хотя и типичным для рассматриваемой структурно-семантической группы БСП, но не обязательным, т.к. и в русском, и в немецком языке нами зафиксированы несколько условных БСП с порядком слов простого повествовательного предложения в обоих компонентах:

Слух разнесётся – весь город животики надорвёт. (А ОП, 22)

А дров наломаешь – в порошок сотру (А ОП, 23).

Jetzt galt es nur noch, den Autor zu schnappen, ..., dann wäre sein Einstand als Privatdetektiv perfekt (BK S, 35).

Das sollte man klar sehen, dann bekommt das Haschischrauchen einen neuen Sinn (HGN T, 39).

Условие, выраженное в БСП, может быть как реальным, так и ирреальным. Интересно процентное соотношение БСП с реальным и ирреальным условием в русском и немецком языках: в русском языке 85% условных БСП имеют реальную модальность, и лишь 15% - модальность ирреальности, тогда как в немецком языке БСП с разной модальностью условия представлены одинаково (по 50%). Реальное условие в обоих языках выражено наклонением сказуемого – индикативом, ирреальное условие оформляется, соответственно, формами сослагательного наклонения:

- реальное условие:

Не требует душа – и не постытись, Бог с вами. (А ОП, 239)

Захочет объясниться – найдёт возможность. (А СС, 87)

Wollte er sie wegen einer schlechten Note trösten, streichelte er ihr zwar wie früher den Kopf... (VA BDE, 136)

Stockte Larry, gaben wir ihm Stichworte. (VA BDE, 65)

- ирреальное условие:
*Послушал бы Тихон Иваныч,
вологодский мой Штирлиц, -
вот бы порадовался! (В ЕОП,
131))
Будь я на его месте, я бы из неё
душу вытряс, а узнал бы, на
чьи деньги живу. (М ГТ, 164)*

*Würdest du mehr essen, wäre dir auch
nicht so kalt! (AH IG, 216)
Hätte der Schrei nicht den Nebel zer-
rissen, dann wäre er an sich selbst er-
trunken – ein grauenvoller Tod. (PS P,
171)*

В русском языке вместо сослагательного наклонения со значением невыполненного условия может использоваться повелительное наклонение, что не наблюдается в немецком языке: *Сумей они заставить себя понять это – оставался бы маленький шанс на спасение. (В ЕОП, 58)*

Количество БСП с участием коррелятивов невелико как в русском, так и в немецком языках, т.е. коррелятивы не относятся к структурным признакам БСП.

Итак, БСП с условно-следственными отношениями между компонентами в русском и немецком языках имеют одинаковые структурные характеристики, а различия наблюдаются в количественной представленности БСП с разной модальностью (реальное и ирреальное условие), а также в способах выражения ирреального условия (в русском языке возможно использование повелительного наклонения в значении невыполненного условия).

Список литературы

1. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г.Адмони. – Л., 1988.
2. Белошапкова, В.А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории) / В.А. Белошапкова. – М.: Просвещение. – 1967. – 160.
3. Канышева, Т.А. Интонация сложных предложений с причинно-следственными отношениями составных частей в немецком предложении: автореф. дисс. ... к.ф.н. – М., 1961. – 15 с.
4. Креленштейн, Н.С. О природе коррелятивной функции в сложноподчинённом предложении (на материале современного языка) / Н.С. Креленштейн // Уч. зап. I-го МГПИИЯ. – М.: I – ый МГПИИЯ, 1961. – т.26. – с.25 - 49.

5. Креленштейн, Н.С. Некоторые закономерности употребления коррелятов в сложноподчинённом предложении / Н.С. Креленштейн // Филологические науки. - 1964. - № 3. – с.106 - 116.
6. Поспелов, Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений / Н.С. Поспелов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950.
7. Теория функциональной грамматики / *под ред.* А.В. Бондарко / Т.5. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб, 1996.
8. Ширяев, Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е.Н. Ширяев. – М., 1986. - 221 с.
9. Шишкова, Л.В. Синтаксис современного немецкого языка / Л.В. Шишкова, Т.Ю. Смирнова. – М., 2003. – 128 с.
10. Щеулин, В.В. Способы формализации подчинения / В.В. Щеулин // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1972. – с.152-155.
11. Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I.Moskalskaja. – М., 1983.

Источники и принятые сокращения

1. **А ЛС** – Акунин Б. Любовник смерти. – М.: Захаров, 2002. – 294 с.
2. **А ОП** – Акунин Б. Особые поручения. – М.: Захаров, 2002. – 312 с.
3. **А СА** – Акунин Б. Смерть Ахиллеса. - М.: Захаров, 2002. – 240 с.
4. **А СС** - Акунин Б. Статский советник. - М.: Захаров, 2002. – 286 с.
5. **А ТГ** – Акунин Б. Турецкий гамбит. - М.: Захаров, 2002. – 222 с.
6. **В БН** – Васильев Б. Были и небыли. – М.: Вагриус, 2004. – с. 13-250
7. **В ЕОП** - Вайнер А. А., Вайнер Г.А.. Евангелие от палача. – М. : А / О Международная книга, West-East communication, Inc, N-Y, 1993. - 576 с.
8. **К А** – Константинов А. Адвокат. – М.: Олма - Пресс; СПб.: Нева, 1999. – 560 с.
9. **М ГТ** – Маринина А. Городской тариф. - М.: Эксмо, 2006. – 412 с.
10. **С ПВ** – Семёнов Ю. Приказано выжить / Ю.Семёнов. Семнадцать мгновений весны. – М.: Эксмо-Пресс, 1997. – с.283 - 668.
11. **Т ПС** – Токарева В. Птица счастья. – М., Хранитель, 2007. - 350 с.
12. **У ИВШ** – Улицкая Л. Искренне Ваш Шурик. – М.: Эксмо, 2005. – 448 с.

13. **У СЛ** – Улицкая Л. Сквозная линия. - М.: Эксмо, 2003. – 255 с.
14. **У СН** - Устинова Т. Седьмое небо. - М., Эксмо, 2007. - 350 стр.
15. **АН IG** - Alexa Hennig von Lange. Ich habe einfach Glück. - Rogner & Bernhard bei Zweitausendeins GmbH & Co. Verlag KG, Hamburg, 2001.
16. **БК S** - Bodo Kirchhoff. Schundroman. - Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main, 2002.
17. **BN B** – Barbara Noack. Bastian.
18. **ЕWH W** - Ernst-Wilhelm Händler. Wenn wir sterben. – Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main, 2002.
19. **ND MF** - Nelly Däs. Das Mädchen vom Fährhaus. – Georg Bitter Verlag KG, Recklinghausen, 1988.
20. **HGN T** – Hans-Georg Noack. Trip. - Ravensburg, 1997.
21. **PS P** - Patrick Süskind. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. – Diogenes Verlag AG Zürich, 1985.
22. **VA BDE** - Verena Auffermann. Beste Deutsche Erzähler 2002. - Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart München, 2002.

М.А. Поманисочка

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

«Многие люди <...> часто чувствуют себя совершенно беспомощными в некоторых сферах общения. <...> Человек, великолепно владеющий речью в различных сферах культурного общения, умеющий прочесть доклад, вести научный спор, великолепно выступающий по общественным вопросам, молчит или очень неуклюже выступает в светской беседе» [1, с.340].

Наблюдение, сделанное более пятидесяти лет назад, как нельзя точно описывает ситуацию, более других знакомую преподавателям практики речи на факультетах и отделениях иностранных языков. В нашем случае студенты, в достаточной степени владеющие необходимой лексикой, обладающие устойчивыми навыками построения грамматически правильного предложения, способные правильно оценить стилистические конститuentы речевого отрезка и выполнить лингвистический анализ текста, имеющие практическое и теоретическое представление о различных видах дискурса, испытывают значительные

трудности, когда перед ними стоит задача подготовить полноценное тематическое высказывание. Эти трудности не исчезают по мере приближения к завершению университетского курса, но следует признать, продолжают тревожить преподавателей при работе над более сложными темами.

Причин, вызывающих эти трудности, достаточно много, они различны по специфике и значимости. Мы можем посетовать на недостаточное количество часов, отведенных практике речи на иностранном языке, не обойти вниманием ограниченный доступ к аутентичным источникам информации, вспомнить об отсутствии полноценной языковой среды, не забыть о тематической узости общения с носителями языка, и, наконец, сослаться на недостаточную мотивацию когнитивной деятельности студенческой аудитории и т.д.

Опыт показывает, что студенты, сталкиваясь впервые с образцами какого-либо сложного жанра в качестве объекта исследования для последующей креативной репродукции, демонстрируют тенденцию выбрать один из двух путей: либо целенаправленно воспроизвести в той или иной форме готовый дискурс, либо сформировать свое собственное высказывание со смысловым содержанием как продуктом ментальности родной культуры. Интерференция обнаруживается также на уровне принципов выбора лексики, синтаксических структур, общей риторики высказывания.

Если на этапе освоения сложностей избираемого жанра еще можно мириться с первым, то второй вариант развития видится совершенно неприемлемым, потому что естественным образом приводит к вторичным многократным попыткам сделать то же самое, поскольку, как показывает практика, однажды использованные речемыслительные модели обладают большой созидательной силой. Главные причины наших трудностей следует, несомненно, отнести на счет недостаточной изученности общей проблематики формирования академического дискурса, а также неадекватности применяемых лингводидактических методов. Вместе с тем, наличие трудностей предполагает гипотетическое существование путей преодоления этих трудностей.

Один из путей замечательным образом вытекает из теории жанров, изложенной выдающимся филологом XX века М.М.Бахтиным в его работе «Проблемы речевых жанров». «Изучение природы высказывания и многообразия жанровых форм высказываний в различных сферах человеческой деятельности имеет громадное значение для всех почти областей лингвистики и филологии»,

- утверждает М.М. Бахтин [1, с.323]. Мы вправе ожидать, что изучение природы жанров применительно к нашей специфике даст в наше распоряжение хорошие средства для достижения наших целей. В частности, в этой работе он прозорливо определяет один из основных источников наших проблем, видя главную причину в недостаточной изученности природы речевых жанров.

Говоря о сложности природы жанра, М.М.Бахтин отмечает, что особенности жанра следует считать релевантными по отношению к виду социальной или профессиональной деятельности, учитывая при этом условия порождения, целенаправленность, тематическое содержание, языковой стиль и, самое главное, с его точки зрения, композиционное построение высказывания: «Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой сферы общения» [1, с.320]. Другими словами, основными конститuentами, критически важными для создания высказывания, являются: прагматическая составляющая, детерминируемая обстоятельствами социального характера, план содержания, который также будет зависеть преимущественно от социальной направленности высказывания, план выражения, который будет ориентирован на речевые конвенции данного социума, и типичная для данной ситуации общения элоквенция, т.е. традиционная риторика. Это заставляет нас признать, что с точки зрения изучения проблематики речевых жанров определяющую роль играют факторы экстралингвистического, а точнее социолингвистического порядка.

Применительно к нашей практике следует добавить еще одну, не менее значимую деталь: для нас высказывание как элемент академического дискурса создается частично или полностью на фоне и под влиянием двух взаимодействующих друг с другом культур.

Имея в виду общую таксономию жанров, М.М. Бахтин настаивает на необходимости различать первичные (простые) и вторичные (сложные) жанры без учета функциональных различий. К вторичным речевым жанрам он относит те, которые «возникают в условиях более сложного и относительного высоко-развитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического...» [1, с.322].

Именно переход от простых к более сложным жанрам и является глав-

ной сложностью интересующего нас этапа обучения на старших курсах филологического факультета, когда речь идет не о преимущества поездки на поезде, а рассматриваются, скажем, материалы, связанные с механизмом функционирования судопроизводства.

М.М.Бахтин обращает наше внимание на важность того обстоятельства, что вторичные жанры представляют собой усложненный род первичных жанров, сохраняют в переработанном виде черты последних, утрачивая «непосредственное отношение к реальной действительности» [1, с.322].

В нашем случае это предполагает, что в аудитории и за ее пределами при выполнении внеаудиторных заданий, создавая высказывание на языке другой культуры, мы вынуждены оперировать большим количеством абстрактных понятий, также не принадлежащих родной культуре. На вопрос, готовы ли мы это делать, однозначного ответа нет.

Если оценивать предшествующий данному этапу обучения когнитивный опыт нашей аудитории, то необходимо выделить два взаимосвязанных между собой аспекта. С одной стороны, когнитивный опыт, возникший как результат обучения в рамках родной культуры, являет собой достаточно прочную для дальнейшей деятельности основу.

С другой стороны, в этом достаточно прочном фундаменте будущей профессиональной компетентности наших студентов не хватает отдельных очень важных деталей. Практика преподавания ряда дисциплин в средней и высшей школе отличается искусственной пассивностью одного из двух главных участников этого процесса. От студенческой аудитории преподаватель часто ждет обретения какого-то нормированного объема знаний, ограничивая ее в свободе принимать эти знания всего лишь как ряд подходов к изучаемой проблематике наряду с другими, также заслуживающими пристального внимания. Материал большинства пособий тенденциозно преподносится как абсолютная истина.

Большим недостатком следует считать неверное построение взаимоотношений участников процесса обучения, речь говорящего рассматривается как активное действие, тогда как участие слушающего видится пассивным.

Это не просто сдерживает творческую энергию студента, а, возводя непреодолимые преграды на ее пути, сводит на нет созидательный потенциал, который как никогда необходим именно на этом этапе обучения. Происходит порочное стереотипирование познавательного процесса, и этот стереотип, схема

осуществления когнитивных интенций оказывается лишенной исключительно важного компонента, а именно мотивирования самостоятельных исследований. Ответ на вопрос, имплицативно возникающий при рассмотрении этого аспекта нашей деятельности, можно было бы выразить достаточно однозначно. Очевидно, что требуется большая диалогизация (термин М.М.Бахтина) всего процесса обучения, что, к сожалению, остается за пределами нашей компетенции.

Второй очень важный момент заключается в том, что применяемые схемы познавательной деятельности студенческой аудитории лишь в малой степени основываются на какой-либо устойчивой методологической основе. Надо признать это откровенно, как и то, что фрагментарно-интуитивные методы осуществления этой деятельности, которыми пользовались наши студенты до этой поры, при переходе к старшим курсам высшей школы создают серьезные препятствия для нашей дальнейшей совместной работы именно с точки зрения возможностей формирования академического дискурса.

Два вида жанров, являющиеся главными средствами нашего общения в академической аудитории, гуманитарно-научный и публицистический, композиционно и стилистически обнаруживают прямую связь со стилем и манерой выполнения научного исследования, поэтому мы видим насущную потребность и в изучении основ классической методологии научного исследования, и вобретении систематического опыта по применению моделей и методов этой теории.

В-третьих, предшествующий когнитивный опыт наших студентов не ориентирован специально на изучение концептосферы англо-американской культуры, и она во многом остается для нас *terra incognita* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Очевидно, существует необходимость в более пристальном внимании к этому аспекту нашей деятельности.

Знакомство с философской сущностью основных концептов современной англо-американской культуры в пределах весьма популярной в наше время ценностной парадигмы, изучение ключевых концептов конкретной тематики, средств их объективации в дискурсе, выборочные исследования эволюции отдельных из них, сопоставительные исследования родственных концептов родной и изучаемой культур, и подобные виды деятельности видятся нами как вероятные пути решения этой непростой задачи.

С другой стороны, обращение к целому ряду абстрактных понятий и их

актуализация в речи предполагает применение иных речевых стратегий, риторики, с образцами которой наши студенты до этой поры сталкивались нечасто. Это в свою очередь ведет к необходимости решения других задач, а именно изучения как собственно природы сложных жанров, таких специфических черт отдельных из них. Хорошим подспорьем здесь может оказаться накопленный за последнее время значительный опыт в области лингводидактике.

М.М.Бахтин полагал, что сам процесс формирования вторичных жанров является результатом сложных взаимоотношений языка, идеологии и мировоззрения [1, с.322]. Если продолжить логическое развитие этого постулата, то следует предположить, что найдется немало полезного в рассмотрении частичной эволюции тех видов жанра, интересующих нас больше других, и сделать это необходимо, ориентируясь на когнитивные аспекты, на языковую картину мира того социума, результатом деятельности которого и является данный жанр.

Следует признать, что за рубежом вопросами формирования дискурса студенческой аудитории как средства общения между обучающими и обучаемыми занимаются давно и успешно. Одним их основных объектов изучения этой проблематики являются учащиеся, которые проходят различные курсы обучения в США и Великобритании и для которых английский язык является иностранным. Естественно, мы вправе предположить, если говорить о стоящих перед нами задачах по обучению правильной речи, что мы обнаружим много общего в практической деятельности и теоретических исследованиях у наших коллег за рубежом и в нашей стране, потому что цели, которых мы намерены достичь, во многом совпадают.

В литературе, посвященной проблемам обучения правильной речи в академической аудитории, особой частотностью употребления в последнее время отличается термин *literacy*. В контексте формирования дискурса авторы имеют в виду способности и возможности обучаемых должным образом формировать дискурс для полноценного участия в процессе обучения и профессиональной деятельности. Многомерность этого термина затрудняет его точную номинацию при рассмотрении теоретических работ, созданных авторами в пределах концептосферы этой культуры.

Учитывая основополагающую важность этого концепта в трудах, освещающих проблемы лингводидактики, необходимо в данном случае попытаться

найти наиболее адекватный вариант перевода этой лексической единицы. Из ряда возможных вариантов, а именно: грамотность, образованность, эрудированность, компетентность и некоторых других, однозначно не подходит ни один, мы сочли возможным попробовать на эту роль «компетентность» с последующей возможной модификацией прилагательными «когнитивная» и «дискурсная», рассчитывая на то, что дальнейший ход рассуждений в конце концов позволит остановиться на наиболее удачном варианте.

Развивающаяся в настоящее время теория развития грамотности /*literacy theory*/ или, как мы условились ее именовать, когнитивно-дискурсной компетентности является результатом взаимодействия нескольких теории приобретения языковых умений, теории текста и языка. Весьма любопытный подход к проблеме обучения правильной речи изложен в недавно появившейся книге исследователя из США Энн М.Джонз «Текст, роль и контекст», которая вышла в издательстве Cambridge Applied Linguistics [2].

Свои надежды Энн Джоунз связывает с социолингвистической педагогикой (*socioliterate views and pedagogies*), ставшей результатом логического развития личностно-ориентированного подхода (*learner-centered theories*), теории экспрессивизма (*expressivism*), психолингвистико-когнитивной теории (*psycholinguistic-cognitive views*) и ряда других теорий [2, с.6-11].

Одним из важнейших направлений формирования компетенции для последующего успешного применения академического дискурса является, как сказано выше, изучение природы жанров. Именно систематическое изучение особенностей жанров и осмысленное, целенаправленное и ситуативное их использование должно, как полагает Э. Джонз, стать прологом к дальнейшему успешному использованию отдельных видов его видов в академическом, а затем и в профессиональном дискурсе [2, с.20].

Свои надежды в изучении общих и специфических черт интересующих нас жанров мы связываем, прежде всего, с достижениями когнитивистики. Извлечение из текстов учебных материалов наиболее значимых концептов, рассмотрение имеющихся и возможных средств их актуализации и объективации, изучение взаимоотношений этих концептов с другими, входящими в данный отрезок концептосферы, сопоставление их с родственными концептами другой культуры, - все это дает нам необходимый инструментарий для осуществления дальнейшей познавательной деятельности. Исследуемые таким образом кон-

цепты становятся центрами притяжения необходимых лексических средств, что в свою очередь многократно увеличивает наши возможности.

Очень многое дает анализ риторических параметров рассматриваемых текстовых образцов. Определение используемых риторических средств, принципов композиционного построения делает абсолютно прозрачными большие и малые элементы, на которых зиждется персуазивность данного дискурса. Таким образом, мы получаем необходимый строительный материал для создания собственного здания, реализации собственных когнитивных интенций, осуществления многоплановых исследовательских проектов через посредство академического дискурса.

«Чем лучше мы владеем жанрами, тем свободнее мы их используем, тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность, <...> гибче и тоньше отражаем неповторимую ситуацию общения - одним словом, тем совершеннее мы осуществляем наш свободный речевой замысел»[1, с.341].

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров: Введение в языкознание, – М.: Академический проспект, 2005
2. Johns, Ann M. Text, Role, and Context. Developing Academic Literacies. – Cambridge University Press, 1997.

М.Ю. Прокопьева

«НИЧТО»: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

«Ничто» - отрицательное местоимение, с последующим отрицанием чего-либо. В Краткой философской энциклопедии дается следующее определение: «Отсутствие или даже небытие чего-либо, выражаемое в языке при помощи отрицания. Это отрицание может иметь лишь относительный смысл, означая отсутствие свойств, состояний, процессов в определенном нечто, или абсолютный смысл, если речь идет об отсутствии бытия как такового» [2, с.304].

В различной форме категория «ничто» использовалась в философских учениях: восточных, Парменида, Демокрита, Платона, Аристотеля, Плотина, А.Августина, Я.Бёме, М.Экхарта, Г.В.Ф.Гегеля, А.Шопенгауэра, А.Бергсона, М.Хайдеггера, Ж.-П.Сартра, Н.А.Бердяева, П.Тиллиха и других. В форме лю-

бых возможных значений «ничто» в человеческом мышлении и средствах их языкового выражения, необходимо принять во внимание учения о «ничто» в восточной философии (буддизм, даосизм), которое причислялось к центральным категориям онтологии, где «ничто» (пустота) является абсолютным принципом, суть которого заключается в том, что «все что есть, имеет зародыш своего уничтожения в самом своем рождении, а смерть, наоборот, есть вступление в новую жизнь» (1, с.141-142).

В философии Лао-Цзы (даосизм) великий Дао является всеобщим законом и абсолютном, он господствует везде и во всем, всегда и безгранично. Его никто не создавал, но все происходит от него. Дао – первооснова мира, невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств, безымянное и бесформенное, оно дает начало, имя и форму всему на свете, оно неопределимо. Следовательно, Дао выступает как самопроизвольная созидательная субстанция, или как сущностная основа бытия, но это не фон, на котором развиваются события, а фон, развивающий и порождающий события, на котором происходящее приобретает уникальный, лишь этим фоном обусловленный смысл. Дао не есть бытие, не не-бытие – это первопричина. Дао является основой любого процесса. Само по себе оно неподвижно, но является началом любого движения. Человек может лишь осознать смысл Дао, не поддающийся вербальному выражению: «Человек зависит от земли, земля – от неба (космоса), небо – от Дао, а дао – от себя самого» (2, с.124). Из всего существующего проглядывает «ничто», ибо перед лицом смерти все ничтожно, а «ничто» является первоосновой мира, из ничто все возникает и в ничто все возвращается. «Ничто» оказывается той средой, порождающей внутреннюю свободу человека, как происходящую от самостоятельности внутренней воли личности, не испытывающей постороннего влияния. Таким образом, «ничто» является основой сущего, местом его бытия, но само по себе не имеет сущностного начала.

«Ничто», определённое через какие-либо понятия, например, «отрицание существования», исчезновение того, что было и т.п., оказывается бытием «не-что». Небытие - понятие, обозначающее отрицание бытия в значении необратимо уничтоженного или всего отсутствующего. «Небытие» более абстрактное понятие, чем «ничто», так как ни-что есть всегда отрицание существования того «что», которое обозначено в этом понятии необратимо отсутствующим. Небытие есть отрицание бытия вообще как несуществование. В пределе понима-

ния «ни-что», когда в «что» отрицается всё сущее, понятия «небытие» и «ничто» совпадают. Последним основанием всех значений небытия, включая и абстрактное отрицание всего сущего, выступает «ничто» собственного существования мыслящего посредством этой категории.

Парменид впервые из системы обычных отрицательных суждений вывел общеотрицательное суждение о «ничто», где отрицательным мыслилось всё сущее, он первый получил единственно полный смысл идеи «ничто», а следовательно, и смысл бытия – ничто не может возникнуть из ничего (*ex nilo nil*). Он противопоставлял бытие не только ничто, но и смертным, гибели, а такое противопоставление наполняло бытие положительным смыслом в неразделённости абстрактного понятия и некоторого образца единственности именно этого бытия. «Если оно «было» (или «стало»), то оно не есть, равно как если ему (лишь) некогда предстоит быть. Так рождение угасло и гибель пропала без вести» (3, с.290). «Ничто» для Парменида есть основа его философствования о бытии, так как последнее дано в акте радикального отрицания «ничто». Акт отрицания «ничто» не то же самое, что низведение «ничто» к его абсурдности и пустоте смысла. Ничто есть, и только потому значимо «всё есть и ничего не есть». Ничто есть, и только потому значимо - «всё есть и ничего не есть». Небытие (ничто) не существует, потому что оно не мыслимо, а не мыслимо оно потому, что сама мысль о небытии делает небытие бытием в качестве предмета мысли.

У Платона не идёт речь о «ничто», но в природе «иног», разделяющей на роды и отделяющей каждое от многого, присутствует идея несуществования одного рода в другом и каждого отделённого во многом, а этот смысл несуществования есть смысл «ничто» родов или элементов многого: «...в то время как бытие и иное пронизывают всё и друг друга, само иное, как причастное бытию, существует благодаря этой причастности, хотя оно и не то, чему причастно, а иное; вследствие же того, что оно есть иное по отношению к бытию, оно совершенно ясно - необходимо должно быть небытием. С другой стороны, бытие, как причастность иному, будет иным для остальных родов и, будучи иным для них всех, оно не будет ни каждым из них в отдельности, ни всеми ими, вместе взятыми, помимо него самого, так что снова в тысячах тысяч случаев бытие, бесспорно, не существует; и всё остальное, каждое в отдельности и всё в совокупности, многими способами существует, многими же - нет» [3, 332).

Небытия нет, если его понимать как абсолютное отрицание бытия, но ес-

ли учесть такую форму небытия, как отличность, то оно есть. Любая идея отлична от других идей, в этом смысле является их небытием, будучи утверждением собственного бытия. Характеристика Платоном изменений бытия, которое не стоит и не движется, но обладает собственным способом существования через инобытие, может быть ориентиром для выражения изменений отдельного человеческого существования в аспекте его уникальности.

Следующей ступенькой в понимании «ничто» становится философия неоплатоников, а именно мы рассмотрим это на учении Плотина. Все его мировоззрение пронизано мыслью об единстве и доходит до обожествления Единого. Плотин выносит Единое за пределы многого, возвышает его над многим и делает его первичным по отношению ко многому. «Ничто» и Единое Плотина равнозначны, но в этом и есть глубочайшая единственность. Единое единственно в том, что оно есть «ничто»: «Сам Первоединый не представляет собой никакого вида. А коль скоро он не есть вид, то он не есть также и сущность, ибо сущность всегда есть такая-то определенная и очерченная вещь, между тем как Первоединый не может быть мыслим таким образом, ибо иначе он перестал бы быть первоначалом. ...Первоединый стоит выше даже сущего. ...его нельзя представлять себе как что-либо определенное, нельзя ничего утверждать о нем, нельзя даже приписывать ему какое-либо имя, а можно лишь говорить что он не есть ни то и ни это» [4, .77-78). Таким образом, Единое (ничто) Плотина является первоосновой всего сущего, хотя само по себе и не сущее, оно порождает все то, что существует помимо Единого. Единое есть иное, чем все существующее.

Из всех различных трактовок «ничто», особое значение для понимания соотношения отдельного существования и целостного бытия имеет учение о «ничто» в богословии. Обобщая многовековой опыт богословия, можно заключить, что идея Бога выражалась через общеотрицательные признаки «бестелесный», «невидимый», «вне времени», «вне пространства» и т.д. Божественное «ничто» есть во всех возможных для мышления отношениях Нечто, и оно превосходит в пустоте своей отрицательности любое ничто как ничто связанное с тем что, от бытия которого оно образовано, и следовательно, в мышлении такое понятие «ничто» зависит от содержания «что». Существование совершенно любого «что», будет ли это время или пространство, вещи или существа, идеи или слова - всё, что могло бы иметь определённую существующего, исходит

из бытия, лишённого какой бы то ни было определённости. «Ничто» здесь абсолютно в отрицании всех определённостей, и тогда естественно отступление от попыток рационального выражения положительного результата, рождаемого этим «ничто». Но «ничто» здесь относительно, ибо оно лишь служило выходу в превосходящее его по значению бытийное «Да» Бога. Вера становится субстанцией жизни и мышления, которое, в свою очередь, стимулируется и подтверждается верой, завоевывает все новые и новые вершины.

М.Экхарт предполагает своими проповедями и рассуждениями приблизить своих слушателей к открытию каждым в себе такой степени понимания бытия, понимания вне идеи Бога, чтобы идентификация бытия и Бога осуществлялась как самоопределение человека в собственном уникальном существовании, а не из внешних регламентирующих нормативных требований христианской догматики. «Ничто» представлено освобождением от всех вещей, представлений о вещах, всех познавательных форм, в которых что-либо могло быть помыслено и представлено, включая и Бога: «Ничто не имеет начала; поэтому Бог, чтобы сделать нас своим подобием, не мог сделать нас ни из чего лучшего, как из «Ничто». ... «Ничто», которым мы были раньше, чем стали самими собою, не нуждалось ни в чем; оно противостояло всем сотворенным существам. Только божественная сила сильнее всего. И она привела «Ничто» в движение, когда Бог из «Ничего» сотворил все вещи [5 с.3-114] Таким образом, Экхарт говорит о пробуждении внутреннего человека, освободившегося от всякой мысли, образа и страха перед ничто-небытием. Он представляет собой личное человеческое достижение и утверждает возможность богопознания в моменте единства субъекта, объекта и акта действия.

Понятие «ничто», очищенное от содержательной устремлённости к богу и от любых других содержаний, развивалось в философии Г.В.Ф.Гегеля. Категория «ничто» отождествляется философом с «чистым бытием», не имеющем никакого содержания, а являющимся неопределённым, непосредственным, равным себе «пустым мышлением», которое на деле есть «ничто»: «Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же» [1, с. 140].

Все, что является внутренним содержанием сознания есть бытие, которое не может существовать без определённости, но в то же время бытие есть нечто неопределённое и эту неопределённость можно назвать ничто. Следовательно, существует ничто, но только если само бытие есть ничто. Оба эти понятия при

диалектическом понимании их соотношения выступают как противоположности и, переходя друг в друга, являются моментами становления. В становлении они становятся различными, но в то же время и растворяются одно в другом, «каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности» [1, с. 140, 150].

По Гегелю, идея тождества бытия и ничто представляет определение обыденного сознания или метафизического рассудка, который рассматривает эти понятия как пустые абстракции. Таким образом, здесь речь идет «об абстрактном, непосредственном отрицании, о ничто, взятом чисто само по себе, о безотносительном отрицании» [1, 141].

В небытии же, по Гегелю, содержится соотношение с бытием; оно и то, и другое; бытие и его отрицание, выраженные в «*одном*, ничто, как оно есть в становлении... Становление означает, что ничто не остается ничем, а переходит в свое иное, в бытие» (2, с.141-142).

Эта множественность трактовок «ничто» (а их в истории философии было, естественно, больше) необходима нам для выявления некоторого исходного значения, далее ничем не обусловленного: ничто - небытие, то есть отрицание бытия; ничто абстрактная тождественность чистому бытию; божественное ничто апофатического богословия; ничто прошлого; ничто - пустота, противоположная какой-либо абсолютной наполненности, плотности, как например, пустота, противостоящая атомам в философии атомистов; ничто - незначимость мира; ничто - не существование одной вещи в иной; ничто - компонент иного вообще; ничто - действие отрицания, уничтожения, разрушения, то есть ничто - ничтожение; ничто как ни-что, отсутствие или исчезновение качественной определенности «что»; ничто - несуществование до возникновения и несуществование после уничтожения качественной определенности фрагментов сущего; ничто - отрицание самого принципа существования, а не только того «что», исчезновение которого может быть понято как ни-что; ничто - значение смерти, выделенное из всех отрицаний жизни в смысле исчезновения отдельного человеческого существования.

«Ничто» происходит от латинского nihil, которое является производным для другого современного понятия – «нигилизм», обозначающим позицию абсолютного отрицания (1, с. 301). В этом сходстве не простое звуковое созвучие, а содержательное единство. Особенности «ничто» и «нигилизма» по сути дела

совпадают. И это видно из рассмотренных нами историко-философских трактовок «ничто». Нигилизм представляет устремленность к «ничто», абстрактное мышление, лишенное рефлексии, «голое» отрицание, негативность вообще, обоготворение пустоты. Таким образом, философское понимание «ничто» можно рассматривать как философское основание нигилизма.

Список литературы

1. Гегель. Наука логики: В 3 т. Т. 1. – М., 1970
2. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994.
3. Платон. Соч. в 4 т. Т.2. - М., 1993.
4. Плотин. Избранные трактаты. – Мн., 2000.
5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. - М., 1989
6. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. – СПб., 2000.

С.С. Резникова

Санкт-Петербург

ПРИЗНАК КОНТРОЛИРУЕМОСТИ В МАСС-МЕДИЙНЫХ ТИПАХ СОБЫТИЯ

Разнообразие окружающего нас мира не подлежит сомнению: в нем есть место самым различным событиям, фактам, процессам. Событие представляет собой большой интерес для исследования, поскольку позволяет узнать не только о предметах и объектах, но и о существующих между ними связях.

Сам термин "событие" изучается в различных отраслях науки: философии, логике, психологии, лингвистике – и это, естественно, затрудняет его определение.

Так, например, в философии "событие" чаще всего рассматривается через понятие "бытия", которое само по себе является трудным для определения, в силу необычайной широты своего значения и близости к нам.

Психологи рассматривают событие как то, что "сопряжено с целенаправленной деятельностью людей, их оперированием объектами, их взаимодействиями ради достижения некоторого результата" [7, с. 11]. В лингвистических и когнитивно-психологических работах "событие" обычно определяется через понятие "изменения", под которым понимается "различие между состояниями

мира или ситуациями" [5, с. 15].

В данной статье, однако, событие понимается в соответствии с определением, представленным в Большой Советской Энциклопедии, которое звучит следующим образом: "событие - происшествие, важное явление в общественной или личной жизни" [1]. Данное определение отражает тот факт, что события наполняют собой действительность и жизнь человека, являются, по сути, некоей вехой, определенным знаком, отмечающим точки на жизненной оси человеческого социума.

Мы полагаем, что одним из важнейших признаков события является его полная или частичная неконтролируемость. Человек может ожидать, планировать событие, однако его ход и часто результат остаются за пределами человеческого контроля.

Существующее разнообразие событий позволяет исследователям выделять прежде всего:

а) собственно событие или референтное событие, аналогом которого является конкретный референт. Референтное событие является прообразом для событий-идей.

б) события – идеи; о них говорят как о реальных или вымышленных, сосуществующих в пространстве и времени, пересекающихся, полностью или частично накладывающихся друг на друга, противоречащих друг другу, как, например, в версиях причин войны, катастрофы и т.п.

в) текстовые события – они могут устанавливать плавное течение событий или, наоборот, изобилуют противоречивыми деталями, заставляющими выбирать то одну, то другую гипотетическую интерпретацию референтного события и события-идеи [2].

Событие в целом представляет собой сложное единство, комплекс, состоящий из идеи-события, референтного и текстового события, причем в разных эпизодах интерпретации текста это единство проявляет различные, иногда противоречивые свойства, отличающие его от многих других объектов того же уровня, таких как факт, процесс и т.д.

Другие исследователи, исходя из временной отнесенности события, выделяют следующие три типа:

- эндособытие, т.е. собственно маркированное событие, о котором идет речь;

- пресобытие, т.е. событие, которое предшествует во времени эндособытию и связано с ним;

- постсобытие, или событие, которое следует за эндособытием во времени и также связано с ним.

Данная триада "эндособытие – пресобытие – постсобытие" квалифицируется как экзоструктура события [5, с. 56]. Приведенная классификация с очевидностью свидетельствует о неоднозначности структуры событий, растянутой во времени.

В зависимости от масштаба выделяют события:

- эпохальное, радикальное, влияющее на пересмотр прежней системы ценностей;

- масс-медийное, формально повторяющее первое, но не обладающее ни его энергетическим потенциалом, ни способностью вызвать соответствующую реакцию [3]. Оба типа неразрывно связаны между собой и, по-видимому, вне масс-медийной обработки эпохальное событие не может состояться как таковое. СМИ составляют его часть и являются непосредственным, возможно даже априорным условием для появления события, которое они затем пытаются взять под свой контроль. Сказанное означает, что СМИ пытаются преподносить различные события по примерно одинаковой схеме: начало события – его развитие – достижение некоей высшей точки – постепенное затухание. Отсюда понимание события как зрелища, как картинки, которая забывается почти сразу же после просмотра.

Изучая событие в СМИ, следует отметить разнообразие и неоднородность масс-медийного дискурса, что позволяет выделять типы события в соответствии с типами дискурса.

В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса в зависимости от его участников: личностно-ориентированный и статусно-ориентированный [4].

Личностно-ориентированный дискурс представляет собой общение хорошо знающих друг друга коммуникантов, раскрывающих друг другу свой внутренний мир. Он представлен двумя разновидностями: бытовой и бытийный (представленный художественными текстами) дискурс.

Статусно-ориентированный дискурс представляет собой общение в рамках института (социальной группы). В рамках этого типа дискурса выделяются применительно к современному социуму политический, педагогический, рели-

гиозный, медицинский, рекламный, научный, сценический, массово-информационный и другие виды.

Дискурс СМИ, по нашему мнению, сочетает в себе все многочисленные типы статусно-ориентированного дискурса по той причине, что описываемые в прессе события могут иметь место в любой из представленных областей человеческой деятельности.

Таким образом, можно говорить о существовании событий, характерных для определенного типа статусно-ориентированного дискурса: политическое, экономическое, спортивное, юридическое, военное, и т.д. Анализ материала позволяет добавить к представленному списку события светской хроники, касающиеся жизни известных личностей, а также события-катастрофы.

Впрочем, представленные в дискурсе СМИ события зачастую проявляют себя как принадлежащие сразу к двум или нескольким областям жизнедеятельности. Политические события вызывают изменения в экономике государства, спортсмены оказываются замешаны в скандалах с допингом и становятся героями светской хроники, что неизбежно бросает тень на государство, которое они представляют, и т.д. Это связано с тем, что событие, как и человек, в нем участвующий, многогранно.

Как уже упоминалось ранее, одним из имманентных признаков события является его полная или частичная неконтролируемость. Нам представляется необходимым ограничить рассматриваемые с этой точки зрения события следующими группами, встречающимися чаще всего:

1. Политические события, которые можно с точки зрения их контролируемости разделить на относительно контролируемые субъектом (такие рутинные события политической жизни, как инаугурация, встреча президентов стран); контролируемые, однако не дающие точного представления об их исходе (выборы, демонстрации, реформы) и неконтролируемые (перевороты, восстания).

Примером неконтролируемого политического события является восстание в Руанде, приведшее к стихийному и массовому убийству.

In the age of rapid communication <...> a ghastly genocide occurred [9].

Глагол *occur* используется в данном случае в своем первом значении "to happen, especially unexpectedly" [6, с. 978]. Неожиданность события исключает его предварительное планирование и контроль.

2. Военные события в некотором роде имеют отношение к политике, одна-

ко имеют свою специфику, заключающуюся в сложившемся отрицательном отношении к самому понятию войны.

Exile or war. George Bush <...> prepared to launch a military conflict of questionable legality on Iraq [8].

Представленный пример показывает, что такой серьезный шаг, как война, в современном мире должен быть оправдан в глазах мирового сообщества. Многие СМИ разделяют точку зрения на события в Ираке как на личную вражду Джорджа Буша с Саддамом Хусейном и подчеркивают военную инициативу первого. Можно говорить о некоторой контролируемости данного события, поскольку начало и первые военные действия напрямую зависят от президента США.

3. Террористические события представляют собой описание террористических актов, их подготовки, последствий и т.д. Сходство террористических и военных событий заключается в том, что чаще всего речь идет о гибели людей, однако в первом случае это обычно мирные жители, в то время как во втором – солдаты, которые знают, на что идут.

Террористические акты почти всегда связаны с политикой, поскольку представляют собой чаще всего радикальный вид протеста человека или группировки против государства.

An explosion outside the Australian embassy in Jakarta, Indonesia, killed 9 people and injured more than 180. The al-Qaeda-linked Jemaah Islamiah, a Southeast Asian terrorist organization that has also been blamed for the 2002 car bombing at a Bali nightclub, is suspected [10].

Пример иллюстрирует, что субъект террористического акта не всегда точно известен, в отличие от объекта – жертв, количество которых всегда указывается в подобного рода сообщениях. Использование номинализации *explosion* в предложении используется для того, чтобы показать отсутствие уверенности в том, кто является агенсом действия. Событие всегда происходит в некотором пространстве и в данном случае избранное террористами место – посольство Австралии – указывает на политическую подоплеку события.

4. Судебные события представлены обычно в репортажах с судебных заседаний. Особенность судебного события в его четком сценарии, где эпизоды события следуют один за другим в строгом порядке, однако результат – вердикт суда – предсказать довольно трудно, он может зависеть от предпочтений и на-

строения суда присяжных, либо от давления каких-либо общественных движений, как в следующем примере.

They would've faced life in prison, but RAWA pushed the Supreme Court to change the sentences to death [11].

5. Спортивные события – чемпионат мира, Олимпийские игры, установка рекорда и т.д. В данном случае речь обычно идет о соревновании примерно равных людей друг с другом. Однако, технический прогресс привел к появлению необычных соревнований – человека и компьютера.

Deep Blue's 1997 victory over Kasparov felt hollow to computer chess experts [13].

В спорте, несмотря на известный слоган, главное все-таки победа, поэтому зачастую номинация какого-либо спортивного события указывает именно на победителя как на субъекта события. Для зрителей, тем не менее, исход состязания всегда непредсказуем, что и подогревает постоянный интерес к спорту.

6. Криминальные события могут быть непосредственно связаны с судебными как пресобытие и эндособытие в терминологии Шабеса [5] в случае поимки преступника, однако часто имеют самостоятельный характер.

On March 5, 15-year-old Charles "Andy" Williams brought a .22-cal. pistol to Santana High School in Santee, Calif., and shot 15 students and adults, killing 2. He was recently certified to stand trial for murder as an adult [12].

Существительное murder предполагает наличие активного агенса, совершающего действие и некоторым образом контролирующего его, хотя и не в полной мере, поскольку результат очень трудно предсказать. Однако, субъект криминального события становится объектом судебного, поскольку уже не может контролировать ситуацию, попадая в рамки системы.

7. События-катастрофы отличаются от всех других групп событий тем, что в них роль агенса выполняет не человек, а некие природные силы либо дикие животные. В данном случае можно говорить о полной неконтролируемости события – пожара, землетрясения, наводнения. В представленную группу мы относим также события, связанные с нарушением работы технических средств, приводящие к гибели людей или порче имущества.

Minutes later, the southern Russian village of Carmadon was obliterated, its houses crushed under mud- and debris-caked ice, from a collapsed mountain glacier [13].

Использование пассивного залога в приведенном примере указывает на отсутствие активного, действующего преднамеренно, агенса, хотя формально мы знаем, от чего пострадала деревня.

8. События светской хроники. Как нам представляется, в данную группу входят события, имеющие отношение не к статусно-, а к личностно-ориентированному дискурсу. Его участники проявляют себя не в качестве представителей определенного социального института, а как личности, раскрывая свой внутренний мир.

Мы полагаем, что в данную группу можно также отнести события-скандалы, которые представляют собой нарушение моральных норм, а, следовательно, представляют собой указание на внутренний мир личности.

Скандал неконтролируем для человека, который оказался в нем замешан. Это связано с самой природой скандала, со стремлением человека скрывать неблагоприятные поступки от общества.

Where does a girl go when she's caught in a scandal [12]?

Глагол catch отражает неожиданность происходящих событий для девушки и, следовательно, их полную неконтролируемость.

Таким образом, несмотря на разнообразие существующих типов события, очевидно, что каждый из них в той или иной степени отражает наличие основного признака – непредсказуемости и неконтролируемости события.

Список литературы

1. БСЭ – Большая Советская Энциклопедия. – М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1977.
2. Демьянков В.З. Событийность в языке СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования (Тезисы докладов Международ. науч. конференции) / Под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 59 – 60.
3. Игнатович Е. Событие и современный философ / <http://www.ehu.by/smschru/doc/ignatovich.doc>
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. Шабес В.Я. Событие и текст. – М.: Высшая школа, 1989.
6. MED 2002 – Macmillan English Dictionary. – London: Macmillan Publishers,

2002.

7. Nelson K. Event knowledge. Structure and function in development. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986.
8. The Independent – April 2003
9. The Mirror – September 2004
10. Maclean's – March 2004
11. Newsweek – January 2002
12. People – September 2001, September 2003
13. U.S. News and World Report – January 2002

М.В. Савельева

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И ВИД ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Почти все процессуальные единицы с императивной семантикой вступают в видовые отношения, образуя пары совершенного и несовершенного вида, кроме одновидовых глаголов *увещать, увещевать, заклинать*, двухвидовых глаголов *велеть, стимулировать, мотивировать*, и процессуальных фразеологизмов с глагольным компонентом *иметь* (*иметь приказ, иметь поручение, иметь задание* и т.п.).

В русском языке граница между иллокутивными и перлокутивными речевыми актами часто проходит внутри видовых пар: в форме несовершенного вида (НСВ) глагол является иллокутивом, а в форме совершенного вида (СВ) — перлокутивом — «речевой акт с реальным, достигнутым результатом, причем запланированным заранее» [4, 124]. Это утверждение справедливо для следующих иллокутивных глаголов с императивной семантикой, образующих видовые пары: агитировать — сагитировать; молить — умолить; умолять — умолить; просить — упросить; упрашивать — упросить; вынуждать — вынудить; задорить — раззадорить; раззадоривать — раззадорить; заставлять — заставить; отговаривать — отговорить; уговаривать — уговорить; убеждать — убедить; принуждать — принудить; подбивать — подбить; усыкать — науськать; усыкать — подуськать; науськивать — науськать; подуськивать — подуськать; провоцировать — спровоцировать; уламывать — уломать; манить — сманить; сманивать — сманить; склонять — склонить; подстрекать — подстрекнуть. Например,

Иллокутивный речевой акт: Верите ли, Станислав Филиппович на про-

шлой неделе у меня тут в ногах валялся, умолял сказать, состою ли я в связи с Бурляевым. Я выгнала его и велела без вызова не показываться. Какова "сотрудница", а? (Акунин «Статский советник»)

Перлокутивный речевой акт: В прошлом деле с Черной Мессой этот отважный поп, собрав целый хор местных батюшек, умолил святого Иоанна Воина вступить за Лукошкино, и тот поразил своим копьем самого Вельзевула. Сейчас небольшое, компактное чудо тоже было бы очень кстати... (Белянин «Летучий корабль»)

Иллокутивный речевой акт: Но взгляните на проблему с другой стороны - вы публично заставляете меня целовать эту орясину (Белянин «Свирепый Ландграф»)

Перлокутивный речевой акт: Я все еще помнил, кто я такой; помнил даже, какого рода нужда заставила меня описывать бесконечные круги по центральной части города... (Макс Фрай «Энциклопедия мифов»)

Иллокутивный речевой акт: Противно, когда тебе безответственно морочат голову всяческие астрологи-хироманты и прочие официальные представители чудесного. Они словно бы вынуждают нас становиться скептиками – просто для того, чтобы не чувствовать себя одураченными (Макс Фрай «Энциклопедия мифов»)

Перлокутивный речевой акт: <...> печальное происшествие с белкой вынудило всю местную живность поспешно эвакуироваться на другой берег озера, от греха подальше (Макс Фрай «Энциклопедия мифов»)

М.Я. Гловинская толкует форму НСВ вышеперечисленных процессуальных единиц с императивной семантикой так: «действовать определенным образом с целью, чтобы в результате этого действия начала существовать ситуация Р», а форма СВ отличается тем, что «в результате этого действия ситуация Р начала существовать» [3, 31]. Иными словами, наступает перлокутивный эффект, выраженный в подчинении адресата воле говорящего. Члены таких видо-вых пар позволяют нам построить следующие модели предложений:

1) Он умолял, но я не поддался его мольбам, он меня не умалил. Они заставляли, но я не согласился сделать это, они меня не заставили. Он уговаривал меня, но не уговорил. Он уламывал, но не уломал. Он подбивал (кого-либо что-либо сделать), но не подбил (на этот поступок).

2) Он уговаривал меня и, наконец, уговорил. Он уламывал и, наконец,

уломал. Он подбивал (кого-либо что-либо сделать) и, наконец, подбил (на этот поступок).

Иллокутивные глаголы, допускающие употребление в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения, называются перформативными. Ю.С. Маслов называет перформативные иллокутивные глаголы с императивной семантикой (просить, требовать, советовать) глаголами «непосредственного, непрерывного эффекта», обозначающими «такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными», безуспешными» [5, 314]. В силу того, что видовое значение результативности действия свойственно глаголу НСВ, перформативные глаголы с императивной семантикой (просить, предлагать, приказывать и т.п.) нельзя использовать в предложениях типа (1) и (2):

1*) Он просил меня, но не попросил. Он предлагал мне это, но не предложил. Он приказывал мне (сделать что-либо), но не приказал (этого сделать).

2*) Он просил меня и, наконец, попросил. Он предлагал мне (сделать что-либо) и, наконец, предложил (это сделать). Он приказывал мне (сделать что-либо) и, наконец, приказал (это сделать).

Данные примеры показывают, что в этих неправильных предложениях форма СВ не указывает на возникновение новой ситуации, как это происходит с единицами типа *уговаривать*, *заставлять* и т.п., она лишь повторяет ситуацию, которая задается формой НСВ. Перформативный глагол НСВ выраженный формой прошедшего времени, используется в своей дескриптивной функции. Он информирует нас о достижении цели действия, фиксирует лексически целостное, завершенное действие.

Перформативные глаголы в перформативном употреблении всегда имеют форму НСВ. Е.В. Падучева, Л.Н. Шведова, Ю.Д. Апресян объясняют это тем, что перформативы всегда результативны, признак целостности, завершенности действия выражен в их семантике [6, 164; 7, 101; 76-78].

Процессуальные единицы с императивной семантикой, которые не допускают перформативного употребления, З. Вендлер называет «квазипобудительными» [2, 246]. Определим причины того, почему эти глаголы, даже будучи употребленными в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения, не являются перформативами. Начнем доказатель-

ство от противного. Допустим, что перечисленные выше единицы являются перформативными, то есть могут употребляться в речи в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения: «Я подстрекаю Вас действовать», «Я провоцирую Вас сделать что-либо», «Я уськаю Вас совершить кое-что» и т.п.

Заметим, что подобные перформативы содержат явный «подрывной фактор» [2, 244], то есть своим появлением в высказывании они полностью разоблачают «недобрые» намерения говорящего, подрывая его авторитет в глазах адресата побуждения, чем ставят под угрозу возможность достижения иллокутивной цели высказывания. З. Вендлер называет такую ситуацию «иллокутивным самоубийством».

Являясь глаголами побуждения, глаголы *уламывать*, *принуждать*, *подбивать*, *подстрекать* и другие передают высказываниям иллокутивную цель побуждения: от адресата требуется, чтобы он что-то сделал, а не просто возымел какое-то мнение. Говорящий, который уламывает, подбивает, принуждает и подстрекает, преследует эту цель, но старается скрыть ее, чтобы адресат не догадался, что он жертва, что его побуждают совершить что-то глупое, опасное, преступное. Например, когда мы говорим, что кто-то *подстрекает* кого-то к какому-то действию, мы имеем в виду, что то, чего *подстрекатель* хочет добиться, является, на наш взгляд, дурным, опасным или нежелательным. Поэтому при перформативном употреблении подобных единиц возникает очевидный конфликт. Сказав, например, «Я подстрекаю Вас сделать что-либо», говорящий бы имел в виду, что он хочет, чтобы Вы сделали это, но с другой стороны, он считает, что это будет опасно или нежелательно, то есть делать этого, по идее, не стоит. Поэтому делаем вывод, что для избежания «иллокутивного самоубийства» и для создания условий неконфликтного и эффективного общения глаголы типа *подстрекать* в силу своей лексической семантики лишены способности перформативного употребления, они являются чисто дескриптивными, даже в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения.

Императивные иллокутивные глаголы НСВ, имеющие перлокутивные пары СВ, являются исключительно дескриптивными. Отметим, что в список, приведенный нами в начале статьи, попали и явные перформативные глаголы: *просить*, *молить*, *умолять*, *агитировать*. Говоря о глаголе *просить*, Е.В. Падучева

использует понятие «семантической деривации» [6, 162], когда перформативный глагол имеет лексическое значение многократного повторения действия, то при этом он не может выполнять перформативную функцию. В этом значении глагол *просить* входит в видовую пару не с глаголом *попросить*, а с глаголом *упросить*. Явление семантической деривации справедливо для всех процессуальных единиц со значением побуждения, в семантической структуре которых явной является сема «длительность, многократная повторяемость действия с целью достичь определенного результата, эффекта». В высказываниях данная сема находит свое выражение в обстоятельствах времени таких, как *постоянно*, *два часа*, *каждый день* и тому подобных. Сравним перформативное и дескриптивное употребление глаголов *просить*, *умолять*, *агитировать* в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, НСВ, изъявительного наклонения.

Перформатив: – Прошу вас минуту обождать. Я п-переоденусь (Акунин «Левиафан»)

Дескриптив: Два часа уже прошу его поменять лампочку (разговорная речь)

Перформатив: — А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом молю пощадить! (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»)

Дескриптив: Каждый день умоляю его бросить курить (разговорная речь)

Перформатив: - Что за нелепый вопрос? Разумеется, я проголосую. Глупо не воспользоваться прямым избирательным правом в столь нелегкое для России время. Я всех агитирую проявить активность (разговорная речь, социологический опрос перед выборами)

Дескриптив: Теперь постоянно смотрю на небо, жду выходных, начиная с понедельника! А так же постоянно агитирую всех друзей и знакомых прыгать со мной, потому что для человека не летать - огромное лишение! (сообщение на форуме сайта <http://hobby.rin.ru>)

Процессуальные единицы с императивной семантикой можно разделить на группы в зависимости от их видового значения и от того, какие речевые акты они формируют:

1) перформативы: употребляются только в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, НСВ, изъявительного наклонения; видовое

значение специфично – глагол в НСВ обозначает результирующее действие; формируют иллокутивные речевые акты с директивной иллокутивной целью;

2) перформативные иллокутивные процессуальные единицы (в неперформативном употреблении): употребляются во всех формах, кроме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, НСВ, изъявительного наклонения; имеют формы СВ и НСВ в общем, неспецифичном значении; формируют иллокутивные речевые акты с различными иллокутивными целями;

3) дескриптивы: не допускают перформативного употребления, форма 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, НСВ, изъявительного наклонения выполняет дескриптивную функцию; в НСВ формируют иллокутивные речевые акты, а в СВ — перлокутивные.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. – М.: Наука, 1988. – С.57-78.

2. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство (перевод с англ. А.А. Зализняка) // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-250.

3. Гловинская, М.Я. К понятию чисто видовой пары // Проблемы структурной лингвистики. – М, 1984. – С. 24-34.

4. Гловинская, М.Я. Русские речевые акты и вид глагола [Текст] // Логический анализ языка. Модель действия. – М.: Наука, 1992. – С. 123-130.

5. Маслов, Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия Академии наук. Отделение литературы и языка. Т. VII. Вып.4. – М., 1948. – С. 306-316.

6. Падучева, Е.В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива.) – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

7. Шведова, Л.Н. Трудные случаи функционирования русского глагола. – М.: Изд-во Московского университета, 1984.

Т.М. Смакотина

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Изучение языка в прагматическом аспекте выдвигает на первый план субъекта, творца высказывания, который отбирает и комбинирует знаки для целей определённого воздействия на своего партнёра, адресата [6,с.129]. Наряду с денотативным сложное предложение имеет коммуникативно-интенциональное содержание. Проблема особой значимости прагматики неизбежно встаёт при изучении формирования устного высказывания, связанного с реальной жизненной ситуацией. Прагматическое значение возникает при взаимодействии семантики и синтаксиса с говорящим и слушающим, прагматика связана с интерпретацией адресатом некоторого сообщения [7,с.125].

Прагматические особенности речи, её ориентированность на собеседника обуславливают функционирование ряда специфических конструкций в разговорной речи. Тем не менее вопросы функционирования сложного предложения в речевой деятельности не получили ещё должного освещения в трудах по англистике. Предметом рассмотрения данной статьи являются особенности коммуникативно-прагматического функционирования некоторых типов сложносочинённых предложений на материале английской диалогической речи. Прагматический аспект показывает коммуникативные интенции говорящего – не только информировать, но и установить контакт с собеседником, выразить вежливую заинтересованность в его мнении или осведомлённости, подготовить адресата к восприятию сообщения. В рамках статьи рассмотрим два типа сложносочинённых предложений.

1.Сложные предложения с противительным союзом *but*, первая часть которых выполняет коммуникативную функцию установления контакта с собеседником. Главное сообщение содержится во второй части сложного предложения, вводимой союзом.

You may not realize it but the house has to be cleaned (Auckbou).

Maybe I shouldn't tell you this – but outside the bank I ran into one of your boys (Capote).

I don't know how much you know about this – but I've fallen in love with somebody, somebody else...(Murdoch).

Существенным признаком микроконтекста сложносочинённых предложений данного типа является наличие глаголов определённых лексико-семантической групп: ментальной деятельности, восприятия органами чувств, речевой и оценочной деятельности. Объектная позиция, являющаяся обязательной для названных семантических классов глаголов, либо не заполнена в пределах первого предложения, либо заполнена местоимениями *it, this*, которые выполняют катафорическую функцию и нуждаются в семантическом изъяснении.

You may not have noticed but ...

Maybe I should not tell you this but ...

You may not realize it but ...

Местоимения *it, this* заполняют объектную позицию глагола только структурно, тем самым внимание слушателя направляется на вторую часть сложного предложения, которая и содержит основную информацию. Таким образом реализуется прагматическая ориентированность на слушателя, подготовка адресата к сообщению, смягчение коммуникативного намерения говорящего, стремление сделать последующее сообщение менее резким. Первая часть сложносочинённого предложения с союзом *but* может выражать предположение о достоверности, желательности, известности сообщаемого или эмоциональное отношение к сообщаемой информации.

It may surprise you, but I think we ought to go to this concert (Cronin).

Личный дейксис в первой части сложных предложений данного типа выявляет их адресатную ориентированность, так как и адресат речи (объект высказывания), и адресант (субъект высказывания) представлены личными местоимениями второго и первого лица - *you, I*. Ориентированность на собеседника может усиливаться обращением к нему

Very few people know this, Dick, but Ralf Thordarsen was the man who built Comarre (Clarke).

Имена собственные в функции обращения адресуют речь определённому лицу, привлекают его внимание к сообщению. К типам обращений в английском языке относятся также титулы в сочетании с именами собственными (*Mr., Mrs., Miss*); титулы, используемые самостоятельно (*sir, madam, ladies, gentlemen*); названия чинов, должностей, профессий; половозрастные обра-

ния (boy, girl); термины родства (Mother, Granny); описания, характеризующие адресата по субъективно- оценочному признаку (dear, my love, sugar, duck); местоимения (you, all of you, everybody); сочетания местоимений с числительным (two of you, both of you) [2,с.47]. Собственные имена чаще всего употребляются в анализируемых предложениях и максимально эффективны при адресации сообщения и привлечении внимания собеседника, способствуя созданию прагматически ориентированного контекста.

Don't you tell anybody else, Cokey, but I'm one of the big fish (Cary,).

Ориентированность на собеседника проявляется также в том, что первая часть сложносочинённых предложений может иметь форму косвенного или специального вопроса, которые в этом случае выражают не запрос об информации, а сомнение, неуверенность говорящего в осведомлённости адресата.

I don't know if you've realised it, Norman, but I have had a lot of nervous trouble in the past (Ayckbourn).

Who knows but the next season will be the best that ever was [5,с. 256].

Контактоустанавливающая функция предложений данного типа подтверждается также тем, что в их контекст могут вводиться формулы извинения.

I'm sorry to keep saying the same thing, but there's nothing there either (Murdoch).

Специфика структуры и семантики рассматриваемых сложносочинённых предложений с союзом *but* позволяет интерпретировать их как прагматически мотивированные конструкции, первая часть которых выполняет контактоустанавливающую функцию, подготавливая адресата к восприятию высказывания. Они играют большую роль в ситуации непосредственного общения, привлекая внимание адресата, прогнозируя и смягчая его возможную реакцию. Говорящий демонстрирует свою заинтересованность в реакции собеседника, свою готовность к взаимодействию, что способствует успешности и эффективности коммуникации. Непосредственное обращение к собеседнику, предположение о его осведомлённости предполагают ответную реакцию адресата. Такие предложения имеют своей целью завязывание или продолжение разговора. В этой связи уместно говорить о реализации здесь фатической функции языка, выступающего помимо своей основной функции средства общения, также и в роли

социализирующего фактора. Важной социальной функцией фатической коммуникации является гармонизация межличностных отношений (1,с.34-36).

Анализируемые сложносочинённые предложения с противительным союзом *but*, типичные для английской разговорной речи, представляют собой специфические конструкции, прагматический аспект которых заключается в ориентированности на партнёра коммуникации, установлении контакта, побуждении к продолжению или началу общения, подготовке к сообщению (первая часть) и непосредственно самого сообщения (вторая часть). В диалогической коммуникации подобные конструкции способствуют осуществлению не только информационного процесса, но и эмоционального, ментального взаимообогащения речевых субъектов.

2.Рассмотрим также сложносочинённые предложения с разделительным союзом *or*, составные части которых имеют разнокоммуникативные целевые установки. Первая часть сложного предложения представлена побудительной конструкцией.

Just stop it now, or I shall send you directly to Miss Megley (Salinger).

Прагматическая природа побудительных высказываний проявляется в том, что говорящий активно воздействует на адресата. Специфика анализируемых предложений заключается в том, что в предложении, вводимом союзом *or*, сообщается о нежелательных последствиях неисполнения адресатом воли говорящего. Таким образом, говорящий стимулирует выполнение своего требования адресатом. Немаловажную роль играет здесь разделительный союз, который сигнализирует возможность реализации лишь одного компонента альтернативного отношения. В подобных предложениях альтернативность сближается со значением обусловленности: реализация одного компонента отношения (побуждение к действию) служит условием для неосуществления второго компонента (нежелательное следствие неисполнения побуждения). Побуждение находит дополнительную вербальную поддержку в виде угрозы или предостережения. Значение угрозы в данных конструкциях регистрируется английскими грамматиками:

“Threats: ...

Stop eating those sweets, or I'll take them away” [4,с.133].

Значение угрозы может эксплицироваться в ответной реплике:

- Now, you be a good Grandma, or you know what will happen to you ... .

- You don't frighten me (Albee).

Семантика побуждения в микроконтексте первой части сложного предложения может быть выражена не только с помощью глагола в повелительном наклонении, но и иными способами:

модальными глаголами и их эквивалентами со значением долженствования

You must act, man, or you are lost (Doyle);

словосочетанием had better со значением совета, близкого к побуждению

...he'd better not be there when we get there or I'll kill the bastard (Salinger);

глаголами и словосочетаниями со значением требования, запрещения (warn, obey, that's enough, mind your own business и др.)

I warn you to mind your own business, Mickey, or I'll tell my father of your impudence (O'Neill);

безглагольными побудительными высказываниями

None of that, you union crab, or I'll smash your face in (Cary).

В прагматическом плане такие предложения служат своеобразным стратегическим приёмом, используемым говорящим для того, чтобы воздействовать на адресата и достичь изменения существующего положения вещей. Их прагматическая функция включает придание эмфазы и акцентирование побуждения.

Речевые реализации сложносочинённых предложений выявляют прагматический потенциал этих языковых единиц. В разговорной речи функционируют специфические конструкции на уровне сложносочинённого предложения, в которых проявляется ориентированность на собеседника. Они побуждают собеседника к слушанию, создают определённый настрой, способствуют вызову желательной для говорящего реакции, усиливают побуждение к действию. Рассмотренные типы сложных предложений с союзами but, or можно интерпретировать как приёмы, входящие в стратегию говорящего и способствующие успешной коммуникации. Они представляют интерес в плане изучения проявления человеческой личности в речевой деятельности, способствуют организации

межличностного общения, создавая дополнительный прагматический эффект. Актуализация такой конструкции подтверждает мысль о том, что построения разговорной речи кроме собственно языковых норм, регулируются нормами речевого этикета и поведения [3, с.32].

Список литературы

1. Аринштейн В.М. Психологические и социокультурные функции фатической коммуникации//Studia Linguistica X11. Перспективные направления современной лингвистики: Сборник.-СПб.:Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2003.
2. Габриэль О.Г. Контекст и проблема интерпретации имён собственных в функции обращения//Вопросы английской контекстологии.-Выпуск 4: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996.
3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь.-М.:Наука, 1981.
4. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English.-М: Prosveshcheniye, 1983.
5. Scheurweighs G. Present-day English Syntax. - London: Longsman, 1959.
6. Сусов И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика//Язык, дискурс и личность: Межвуз.сборник научных трудов.-Тверь:Твер.гос.ун-т, 1990.
7. Яковлева Е.В. Прагматика устного дискурса//Studia Linguistica X111.Когнитивные и коммуникативные функции языка: Сб. статей.-СПб:Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2005.

Источники

1. Albee, Edward. Who's Afraid of Virginia Wolf?- London: Penguin Plays, 1971.
2. Ayckbourn, Alan. The Norman Conquest. A Trilogy of Plays.- Harmondsworth: Penguin Books, 1977.
3. Capote, Truman. The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's. – М.: Progress Publishers, 1974.
4. Cary, Joyce. The Horse's Mouth.- Harmondsworth: Penguin Books, 1985.
5. Doyle, Arthur Conan. Selected Stories. – М: Progress Publishers, 1965.
6. Murdoch, Iris. An Unofficial Rose. –London:Triad/Panther Books, 1978.
7. O'Neill, Eugene. A Touch of the Poet.-London: Yale University Press, 1978.
8. Salinger, J.D. Nine Stories. –М.:Progress Publishers, 1982.

О.А. Свириденко

КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Образование в настоящее время становится более интернациональным, многоязычным и поликультурным. Современная цель обучения иностранному языку и культуре формируется как подготовка к реальной межкультурной коммуникации. Термин межкультурная коммуникация достаточно широко распространен в современной методической науке, и его трактовка дана весьма четко. Этим термином определяется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам. Именно такая постановка цели обучения соответствует потребностям, предъявляемым к иностранным языкам на современном этапе развития общества

Интеграция в мировое сообщество и процесс построения открытого демократического общества ставят перед российской системой образования новую цель – воспитание поколения, обладающего общепланетарным мышлением. Общепланетарное мышление характеризуется способностью человека рассматривать себя не только как представителя национальной культуры, проживающего в определенной стране, но и в качестве гражданина мира, воспринимающего себя субъектом диалога культур и осознающего свою роль и ответственность в глобальных общечеловеческих процессах. Средствами ИЯ можно способствовать формированию у студентов билингвальной социокультурной компетенции, включающей формирование таких качеств, как толерантность, терпимость, непредвзятость к представителям других стран и культур.

В данной статье хотелось бы выразить свое видение проблемы повышения социокультурной компетенции обучающихся, уделив особое внимание формированию их культурного самоопределения средствами ИЯ, т.е. проблеме расширения социокультурного пространства и определения студентами своего места в спектре культур. Под культурным самоопределением мы понимаем осознание личностью своего места в спектре культур и целенаправленную деятельность на причисление себя к той или иной культурной группе. Культурное самоопределение личности средствами ИЯ происходит не отдельно или параллельно, а как один общий процесс формирования поликультурной личности. Причем соизучение ИЯ и культуры способствуют расширению социокультурного пространства студентов.

Знакомство с культурой страны изучаемого языка было одной из главных задач еще со времен античности. Преподавание классических языков как трактовка религиозных текстов, не мыслилось без культуроведческого комментирования. В преподавании живых языков с конца XIV века на первое место наряду с устной речью выдвигалось ознакомление с реалиями страны изучаемого языка. Особенно это было характерно для немецкой лингводидактической школы. В нашей стране различные сведения о том или ином государстве, преподаваемые в процессе обучения языку (или в связи с изучением языка) принято называть страноведением, в Германии культуроведением (Kulturkunde), в американских учебных заведениях существуют курсы языка и территорий (language and area), во французской методической школе бытует понятие «язык и цивилизация» (langue et civilisation). Английскими коллегами используется теория «лингвокультурные исследования». Овладение ИЯ неразрывно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает не только усвоение культурологических знаний (фактов культуры), но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны.

Основные особенности русского коммуникативного поведения включают в себя: общительность, искренность, эмоциональность, приоритетность разговора по душам, нелюбовь к светскому общению, тематическое разнообразие, свободу подключения к общению третьих лиц, доминантность, бескомпромиссность в споре, бытовую неулыбчивость и другие.

К общим особенностям немецкого коммуникативного поведения относятся: высокий уровень внешней приветливости, бытовой вежливости, этикетность общения, чиновничество в общении, малолюбопытность, тенденция к анонимности социального общения, подробное планирование, приоритетность тем денег и еды, шумность в компании, предпочтение официального стиля общения и другие.

Английское коммуникативное поведение имеет следующие особенности: немногословие, низкий уровень громкости речи, высокий уровень самоконтроля, развитость светского общения, высокий уровень его тематической табуированности. Степень определения места личности в постоянно увеличивающемся социокультурном пространстве находится в прямой зависимости от выбранного культуроведческого подхода и содержания социокультурного компонента ИЯ.

По нашему мнению, формирование культурного самоопределения личности средствами ИЯ возможно исключительно в рамках социокультурного подхода, который предполагает усвоение фоновых знаний. К ним относятся общекультурная осведомленность (сведения об изобразительном искусстве, театре, музыке и т.д.), знания об обществе (о социальном укладе, политическом и экономическом устройстве), а также целый пласт знаний, которые условно можно было бы назвать практическими знаниями повседневного характера. Эти практические, прикладные знания включают широкий спектр сведений о традициях в обществе в самом широком смысле (от старинных национальных обычаев, праздников и ритуалов, национальной кухни до традиций повседневных). Студенты должны получить информацию о том, что и как принято есть на завтрак, во сколько начинается рабочий день, как проводят свободное время и как одеваются по тем или иным торжественным случаям.

У англичан, например, принято пить чай в 17 часов вечера. В Испании и странах Латинской Америки существует такое явление, как *siesta* (полуденный сон), когда прекращают работу офисы, бани, магазины, рестораны и другие учреждения.

При отборе содержания и форм обучения ИЯ нужно исходить из уникальной возможности и фундаментальной особенности любой культуры, которая проявляется в ее диалогичности. В изоляции, как известно, любая культура погибает, и лишь в диалоге и контакте с культурами других народов она обогащается и обновляется. Если с этим согласиться, то можно было бы опираться на определение культуры, данное В.С. Библером: культура «есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных культур... и в этом общении культур происходит общение индивидов».[1, с.15] Существуют как вербальные, так и невербальные формы общения. Студентам необходимо знание кинесики (мимики, жестов), характерной для данной культуры. Например, в немецкой традиции жест «ударить по рукам» связан с ситуациями приветствия и прощания. В русской культуре данный жест имеет значение «заключить сделку». Жест «щелкнуть пальцами» в немецкой традиции связан с привлечением внимания. Иногда этот жест используется в школе учениками с целью привлечения внимания учителя. В русской культуре значение данного жеста – выражение ошибки и досады.

При неверной, часто противоположной интерпретации жестов в чужой

культуре между коммуникантами может возникнуть непонимание. Кроме того, у одного из собеседников может сложиться неблагоприятное впечатление о другом. Например, в японской культуре считается недопустимым сидеть, скрестив ноги или вытянув их, Для англичан же эта поза – повседневная норма.

Овладение ИЯ неразрывно связано с овладением национальной культурой. Русский, останавливая проходящую машину, поднимает руку, а француз поднимает большой палец в направлении нужного ему пути. Существуют различия и в речевом этикете. Русские при встречах и прощанияхжимают руки, что совершенно невозможно для японца, который при встрече здоровается поклонами. У русских принято во время поездки в поезде заговаривать с незнакомыми попутчиками, что совершенно исключено для англичан, которые воспримут такие попытки как бескультурье.

В диалоге культур формируется умение в познании собственной культуры и культуры других народов. Видение своей культуры через призму другой, образование определенной дистанции между собственной культурой и другой через микродиалог в сознании ведет к межкультурной компетенции – образованию «третьей» культуры личности, характеризующейся новым взглядом на свое собственное существование и на собственную личность и промежуточным положением между родной и иностранной культурой.

Поэтому знания лишь отличий одной культуры от другой недостаточно для общения, которое по своей сути интерактивно и происходит, таким образом, в условиях межкультурной ситуации, т.е. в контакте и конфликте культур.

Осуществить диалог различных культур можно через произведения данной конкретной культуры, присвоенные ее представителями и составляющие базовую культуру личности, под которой понимается «необходимый минимум общих способностей человека, его ценностных представлений и качеств, без которых невозможна как социализация, так и оптимальное развитие генетически заданных дарований личности» [2,с.20]. Этот минимум не вносится из вне, а вырабатывается личностью самостоятельно в процессе различных способов деятельности и социального поведения.

Именно базовая культура личности как комплекс знаний, умений, навыков, качеств, привычек, ценностных ориентаций и позволяет человеку жить в гармонии как с общечеловеческой и национальной культурой, так и с культурой других народов.

Базовая культура личности представлена в ее компонентах, включающих культуру речи, коммуникативную культуру (культуру общения), художественную культуру, нравственную культуру, экологическую культуру, демократическую и правовую культуру, физическую культуру и др.

Формирование «третьей» культуры личности осуществляется в учебном процессе на основе ее базовой культуры через «межкультурное обучение», имеющее целью создать у обучающихся новое культурное сознание – способность при контактах с представителями другой культуры понять иной образ жизни, иные ценности, по-иному подойти к своим ценностям и отказаться от существующих стереотипов и предубеждений

Таким образом, в качестве цели межкультурного обучения выступает подготовка к контакту с другой культурой, адекватному поведению в условиях чужой культуры, т.е. формирование «третьей» культуры личности; в качестве содержания – произведения базовой культуры личности в виде текстов различного характера; в качестве основной единицы обучения – релевантные для межкультурного контакта проблемы; в качестве метода – интерактивный метод, в центре которого стоят процесс межкультурного диалога, модели поведения в межкультурных конфликтных и контактных ситуациях.

Список литературы

1. Библер В.С. Диалог культур и школа XXI века// Школа диалога культур. Идеи. Опыт. Проблемы. – Кемерово: АЛЕФ, 1993.
2. Газман О.С. Базовая культура и самоопределение личности// Базовая культура

О.А. Степаненко
Санкт-Петербург

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «СВОЙ - ЧУЖОЙ» (эпизод языковой биографии немецкого этноса)

Во все исторические эпохи было довольно ясно выражено сознание того, какие «они», в то время как сознание «мы» могло быть очень слабо выражено или даже отсутствовать. «Они» - это не «мы» и наоборот. Только ощущение того, что есть «они», по словам Смирновой А.Г., рождает желание самоопределиться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы» [4, с.8].

Стремление каждого этноса в современном мире осознать свою национально-культурную идентичность – должная реакция на процесс глобализации, происходящий сейчас и таящий в себе опасность «обезличивания» того или иного национально-культурного сообщества. Можно, на наш взгляд, утверждать, что актуальность проблемы «свой-чужой», тесно связанной с близкими ей проблемами «мы и они», «образ другого», продиктована самой жизнью. Неслучайно все чаще наше время называют эпохой этнического ренессанса.

Противопоставление «свой-чужой» - один из главных концептов коллективного, массового, народного, национального мироощущения [3, с.8]. Как правило, четкое противопоставление «своих» и «чужих» возникало у различных этносов или этнических общностей и подкреплялось различием языка, верования, моральных норм и образа жизни. Однако наряду с этим следует принять во внимание справедливое утверждение о том, что граница между «своим» и «чужим» не определена раз и навсегда, но разворачивается в процессе исторического развития» [2, с.17]. Рассматривая данный концепт в отношении немецкого этноса, можно в полной мере убедиться в актуальности приведенного мнения, поскольку уникальная ситуация, сложившаяся в Германии (имеем в виду образование двух государств) нашла отражение в многообразии взаимоотношений в рамках рассматриваемого нами концепта. Необычайные модификации комплексного по своему характеру концепта «свой-чужой» применительно к немецкому этносу обусловлены соответствующими историко-культурными и социально-политическими условиями существования двух государств с различными общественно-политическими и экономическими системами. В течение 40 лет «свои» были «чужими», что однозначно объективируют следующие выражения, принадлежавшие соответственно западным и восточным немцам: «Wir sind ein Volk» («Мы – народ», имплицитно подразумевается единство) и «Wir auch» («Мы – тоже»). Хотя второе выражение возникло скорее всего как шутивная реплика и может быть воспринята как игра слов, известно, что в каждой шутке есть доля правды. Чувство отчужденности, ощущение себя «чужими» среди «своих» не оставляло долгое время восточных немцев и после объединения Германии (1990 год), когда, оставаясь в том же привычном для них окружении, они столкнулись с «чужой» идеологией, иными нормами и ценностями, другими культурными канонами. О немецкой нации говорили: «Eine deutsche Nation in zwei Staaten» [8, с. 362]. Как отмечает известный не-

мецкий историк Отто Данн, в семидесятые годы 20-ого века уже не существовало фактически общенемецкой нации и общей национальной идентичности, так что вопрос о формировании единой нации оставался долгое время открытым для немецкого этноса [8, с.364].

Одной из модификаций концепта «свой-чужой» может быть рассмотрено наличие «восточного» немецкого языка и «западного»: Ost-West- Sprache. Отметим, что проблемой различий немецкого языка в ГДР и ФРГ занимались много и плодотворно, прежде всего немецкие германисты, среди которых: Р.Клаппенбах, В.Штейниц, В.Нойман, Р.Баудуш, Г.Лангнер, Г.Штарке и многие другие [1]. Наряду с определенными «издержками» (имеем в виду некоторую прямолинейность в толковании явлений социалистической и капиталистической реальности, находящих отражение в языке, заслуга этих лингвистов несомненна, поскольку предоставляется возможность реконструировать прошлое, ставшее историей [1, с.258, 266].

Язык, как показывают тексты и различные лексикографические источники, отражает время, изменяется во времени и существует во времени. Не только язык дает нам ощущение «духа времени», но и время, по словам Юрченко В.С., является ключом к пониманию языка [5, с.31]. Какие чувства и ощущения от немецкого языка были у его носителей в определенный исторический период времени, наблюдалось ли языковое отчуждение и в отношении чего оно (отчуждение) имело место? Как оценивались происходящие изменения в языке? Попытаемся ответить на эти вопросы, обратившись к материалам нашего исследования, в качестве которых были проанализированы языковые интервью, взятые Уллой Фикс и Дагмар Барт у жителей бывшей ГДР в период между 1994 и 1996 годами. Обращение к жанру «языковых интервью» могут объяснить, на наш взгляд, слова известного современного физика Ильи Пригожина о том, что время – существенная компонента нашего внутреннего опыта и ключ к пониманию истории человечества не только на уровне общества, но и на уровне отдельной языковой личности (подчеркнуто нами – О.С.) [5, с. 31]. Эти слова перекликаются с мнением ряда лингвистов, например, Алейды Ассманн, о важности новой историкографической парадигмы на рубеже прошлого и нынешнего столетий, предполагающей возвращение от истории к историям [6]. Признавая определенную субъективность индивидуальных воспоминаний носителей немецкого языка (в нашем случае – бывших граждан

ГДР), их восприятий и оценок, выскажем гипотезу о том, что устные интервью отражают определенный эпизод в языковой биографии немецкого этноса, обнаруживая общие, в некоторой степени типичные изменения в языке и его употреблении.

Признавая несомненную субъективность воспоминаний, восприятий и ощущений каждого участника интервью, считаем возможным отметить общественную значимость анализируемых языковых материалов. Отличаясь друг от друга в силу различных факторов, вместе данные интервью представляют собой нечто целое, что может характеризовать общество. Кроме того, несмотря на индивидуальные особенности, именно индивидуальная память социально окрашена и способна обогатить культурную память любого сообщества. Говоря о соотношении объективного и субъективного, подчеркнем, что и официальные источники, из которых мы, как правило, узнаем о нашей истории, не лишены субъективности и не могут служить последней инстанцией и гарантировать истину. Согласимся с теми лингвистами, которые называют культурную память этноса или сообщества, закрепленную в текстах, «das halbe Gedächtnis» - половинчатой памятью, которая должна быть дополнена памятью коммуникативно-языковой [7, с.48].

Итак, языковые интервью знакомят с опытом, впечатлениями, интерпретациями и оценками восточных немцев относительно немецкого языка в условиях бывшей ГДР и новых землях, до и после так называемого «поворота» - «Wende». Данный концепт – один из ключевых концептов немецкой культуры. Обратимся к нему, прежде чем рассмотреть конкретные особенности языкового употребления, отраженные в интервью. Этноконнотированная лексема, представляющая данный (typisch deutsch) концепт, появилась в немецком языке в 1989 году, вошедшем в историю Германии как год политического и общественного перелома. Это было начало глубоких преобразований, связанных с изменением направления особого немецкого пути, по которому шел немецкий этнос до данного момента. С новым историческим этапом развития немцы, прежде всего восточные, связывали свои надежды на позитивные изменения во всех сферах, мечтая не только о политическом, но и языковом «прорыве», по-немецки: politischer und sprachlicher Aufbruch.

Одна из особенностей языковых интервью, заключалась в том, что в поле зрения участников было одновременно и прошлое, и настоящее. Участники

делились своими наблюдениями и мыслями относительно языкового употребления в бывшей ГДР и после объединения Германии. Необходимо подчеркнуть, что основное внимание дававших интервью (как показал материал), было сконцентрировано на следующих моментах:

- 1) восприятие и оценка языка в ГДР
- 2) первые впечатления, в том числе, языковые, сразу после объединения
- 3) сопоставление немецкого языка в бывшей ГДР и немецкого языка в новых землях после объединения - спустя несколько лет (4-6).

Рассмотрим эти моменты. Давая характеристику немецкому языку периода ГДР, все без исключения отмечали «заидеологизованность» официального языка: идеология легко просматривалась в любом тексте любого периодического издания: *Ideologie war leicht zu durchschauen*. Ощущение духовного загнивания и узости (*geistige Stagnation und Enge*), отсутствие какой-либо критики по отношению к явлениям политической, экономической и социальной сферы (*keine kritische Stellungnahme, nur sozialistische Alternative*), наборы шаблонных фраз (*stereotype Ausdrücke, phrasehafte Rederei*) замечались всеми. Неудивительно существование большого количества синонимов с отрицательной коннотацией для обозначения официального языка в бывшей ГДР, приведем некоторые из них: *Schaumsprache, Funktionärsdeutsch, primitive Sprache, Zeitungsdeutsch, Behördensprache, Parteichinesisch* и ряд других - все они экспрессивны и образны, выражают определенные эмоции носителей языка, настроенных более чем критично по отношению к языку, которому были, по их мнению, свойственны: монотонность (*Eintönigkeit*), скука (*Langweile*), риторический блеск (*rhetorischer Glanz*), отсутствие юмора и метафор (*ohne Humor und Metaphern*). Заслуживает внимания тот факт, что официальному языку, который воспринимается как «чужой», противопоставляется обычный, нормальный немецкий язык (*normales Deutsch, ein gutes Deutsch, wohlgeschnittenes Deutsch*). Таким образом, «чужим» для восточных немцев, оказался не только немецкий язык западных немцев, но и официальный немецкий бывшей ГДР. Близким, «своим» языком был тот, на котором общались дома, в кругу друзей и коллег по работе.

Начало нового исторического этапа, представленное в языке как «Wende», сопровождалось эйфорией от ощущения небывалой до сих пор свободы. Чувства, переполнявшие восточных немцев, прежде всего передают такие слова и

выражения, как: Freude, Begeisterung, Befreiung. Красной нитью проходит мысль о свободе, при этом имеется в виду свобода слова, которой так долго ждали в тоталитарном социалистическом государстве. Участники проекта не могли раньше представить себе возможность говорить «нормальным» языком не только в приватной коммуникации, они не могли даже мечтать об открытости общественного дискурса, свободного от какой-либо регламентации. Подобная возможность поражала воображение, так один из участников, не скрывая радости, отмечал, что мог выражать свои мысли «total unbekümmert» (абсолютно беззаботно, беспечно). Возникает вопрос - чем объяснить такую эйфорию, на смену которой весьма быстро пришло разочарование, утрата возникших иллюзий и даже чувство вины, от которого, позволим себе заметить, восточные немцы не освободились до сих пор? Вопрос далеко не риторический, поэтому можно попытаться на него ответить. Большинство участников проекта считали себя в некоторой степени жертвами авторитарности немецкого языка в ГДР, который воздействовал постоянно на сознание за счет повторяющихся языковых средств. Эти средства становились своего рода образцами, готовыми моделями, что приводило к обезличиванию языка (Entdifferenzierung), его «шаблонности». Интересно в этой связи метафорическое замечание одного из участников, который заявил, что ему нанесен «ущерб» в коммуникативно-языковом отношении: Ich bin DDR-geschädigt in meiner Sprache. Разочарование восточных немцев объяснимо еще и тем, на наш взгляд, что они «влились» в радикально новое культурное сообщество и оказались, как признавались сами, wehrlos, naiv und unerfahren (беззащитными, наивными и неопытными), некоторые из них испытали так называемый «Kulturschock». Среди положительных моментов было ощущение сопричастности ко всему происходящему, к изменениям в языке и его употреблении.

Как правило, изменения, прежде всего языковые, занимают во времени значительный период, поэтому они мало заметны. В той ситуации, в которой оказались восточные немцы, эти изменения происходили не просто быстро, а стремительно, в неимоверно короткий период. У них на глазах «творилась» языковая история, да и они сами являлись ее творцами. Сопоставляя «свой» немецкий (в период ГДР) и пока еще «чужой» для себя немецкий, характерный для западных немцев, участники интервью комментировали определенные различия, которые касались прежде всего лексики. Приводились довольно извест-

ные уже и ранее (из словарей, научных исследований немецких и отечественных германистов) предпочитаемые лексемы в языковом употреблении восточных и западных немцев, такие как: Kosmonaut : Astronaut, Broiler: Hähnchen, Brigade (als Arbeitskollektiv): Brigade (als militärische Einheit) и некоторые другие лексические «расхождения». Многие участники интервью справедливо указывали на влияние русского языка на востоке Германии и английского языка - на западе. Характеристика различий в синтаксисе давалась в единичных случаях. Для восточного варианта была отмечена более строгая, краткая, сжатая, «лозунговая» структура предложения (knapper, aussagestarker Schlagwortsatzbau). Несмотря на чувство языка и должную наблюдательность (участники проекта не - филологи) их внимание привлекает только лексика, т.к. она прежде всего фиксирует любые расхождения и изменения, чутко реагируя на изменения в жизни этноса. Интересны некоторые разногласия относительно «богатства» языка, если одни утверждали, что на западе немецкий язык отличается большим разнообразием, то другие данный факт отрицали. Это вполне объяснимо определенной субъективностью мнений. Интерпретация ряда явлений подчеркивала чувство отчужденности восточных немцев, когда явно негативно оценивалось стремление некоторых бывших граждан ГДР приспособиться к новым коммуникативно-языковым условиям (после объединения), что, например, выразилось в ударении на каждом слоге приветствия «Guten /Mor/gen» вместо одного ударного слога, как это имело место раньше. Данное замечание подтверждает еще раз тонкие языковые наблюдения участников, от внимания которых не ускользнули даже такие не столь существенные особенности. Кроме того, это можно объяснить подчеркнутым вниманием ко всему «чужому». Характеризуя в целом немецкий язык после объединения, отмечают общую с официальным языком ГДР его идеологизацию, однако более «ловко»(geschickt) завуалированную политиками и идеологами объединенной Германии. Свобода слова, которую ждали с таким нетерпением, оказалась на деле не столь реальной, т.к. ее ограничивал страх, например, потерять работу: «Ich musste nicht liebedienern vor meinem Chef, vor der Partei ja, aber nicht, was das Fach angeht». Если раньше существовал страх перед системой (в ГДР), то после объединения – перед работодателем.

Общие воспоминания о недавнем прошлом и ощущения от пережитого, общие интерпретации языковых изменений предстают в интервью в преломлении

через себя, собственную жизнь каждого из участников. В первую очередь очень ярко звучит тема двуязычия: «чужой» - официальный язык в ГДР и «свой» - обычный, нормальный, незаменимый в любой ситуации, но в силу определенных обстоятельств «исключенный» из общественного дискурса. Конкретные словоупотребления или образцы в сопоставительном аспекте в «своем» языке (немецком языке граждан бывшей ГДР) и «чужом» (немецком языке в ФРГ) представлены в интервью гораздо слабее, менее выразительно. Причина этого видится в том, что данные языковые употребления мало увязаны с какими-либо собственными переживаниями.

Таким образом, концепт «свой-чужой», как показал наш материал, репрезентирован в немецком языке в двух модификациях в течение не столь длительного, но очень важного для судьбы немецкого этноса периода. Несмотря на определенную долю субъективности проанализированных материалов в языковых интервью можно проследить общие тенденции, характеризующие изменения в языке и его употреблении.

Список литературы

1. Актуальные проблемы языкознания ГДР./ Гл. ред. Н.С.Чемоданов.- М.:Прогресс, 1979.
2. Лучицкая С.И. Проблема «своих» и «чужих»: К постановке проблемы //Мы и они.- М.: КДУ, 2007. – С.119-134.
3. Маслова В.Н. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007.
4. Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире: Учебное пособие.– Ярославль: Ярославский госуниверситет, 2002.-
5. Юрченко В.С. Философия языка и философия языкознания.- М.:УРСС, 2005.
6. Assmann, Aleida. Kultur als Lebenswelt und Dokument.- Frankfurt am Main, 1991. – S. 11-25.
7. Assmann, Jan. Das kulturelle Gedächtnis.Schrift, Erinnerung und politische Indentität in frühen Hochkulturen. – München, 1992.
8. Dann,Otto.Nation und Nationalismus in Deutschland 1770-1990 – München:Beck, 1996.

Источники

Ulla Fix, Dagmar Bart. Sprachbiographien. Sprache und Sprachgeschichte vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

Т.С. Терещенко

ТВОРЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ

Целью современного образования является воспитание личности, способной к самоопределению, самообразованию, а содержание образования ориентируется на создание условий для самосовершенствования и самореализации личности. Образовательной целью курса «Иностранный язык» на неязыковых специальностях является расширение кругозора студентов, повышение их общей культуры и образования, культуры мышления и речи, гуманизация процесса обучения(1).

В основе преподавания иностранного языка лежат единые принципы, порождённые общечеловеческим опытом и сформулированные в психологических и педагогических исследованиях. Эти принципы органически входят во все элементы практики преподавания любого изучаемого предмета, в том числе и иностранного языка. К ним относятся активное изучение, наилучший стимул и последовательность изучения.

Активное изучение предполагает самостоятельную работу изучающего предмет. Студент должен самостоятельно открыть для себя наибольшую часть изучаемого материала.

Принцип наилучшего стимула воплощается в инициативности, интересе, который проявляется студентами при изучении предмета. Студент должен находить удовольствие и практическую значимость в процессе изучения материала на иностранном языке.

Принцип последовательности предусматривает следующие этапы: исследование, формализация и усвоение. Завершающий этап усвоения способствует повышению интеллектуального уровня студентов, когда изученный материал на иностранном языке становится частью общего запаса знаний. Этими принципами мы руководствуемся в обучении английскому языку на третьем курсе

исторического факультета отделения «Культурология» по учебной дисциплине «Иностранный язык в общепрофессиональных дисциплинах». Принцип активности изучения используется преподавателем, когда он предоставляет возможность самим студентом участвовать в постановке задач. Принцип наилучшего стимула заключается в том, что преподаватель побуждает студентов работать более интенсивно, развивает у них догадку, заставляет их предвосхищать результаты работы и формирует у них желание работать самостоятельно. Принцип последовательности состоит в том, что преподаватель подбирает для студентов материал, требующий дальнейшей разработки, что развивает навыки творческой деятельности.

Творческие упражнения, используемые при обсуждении текстов из книги К. Коттака «Culture Anthropology»(2), способствуют развитию у студентов наблюдательности, воображения и сообразительности, развивают любознательность и широкий круг интересов в различных областях культурологии и смежных наук.

Развитие наблюдательности обеспечивается упражнениями по тренировке: 1) общей внимательности (с помощью вопросно – ответной работы выясняется общий охват материала); 2) направленной внимательности (вопросы даются заранее; прочитав текст, студенты отвечают на них, давая развёрнутые ответы); 3) целевой направленности (на материале информационного чтения текстов). Привлекательный для этого материал отличается широтой охвата. Так, при чтении раздела «Language, Thought and Culture»(2,с.276) новая информация оформляется в виде сообщений, докладов, аннотаций. В этих условиях английский язык выступает в качестве инструмента для получения новых знаний по специальности.

Тренировка свободного воображения достигается с помощью различных заданий, например: придумывание нового конца для рассказа, развитие сюжета в ином направлении. Упражнения, развивающие конструктивное воображение, создают возможность как бы забежать вперёд, чтобы увидеть воплощённым свой замысел. Конструктивное воображение лучше всего формируется на материале по специальности. При чтении текста «Race as a Social Construct»(2,с.52) предлагается дать новую интерпретацию предложенной ситуации (например, «допустим, что ...»).

Развитие творческого воображения включает формирование и развитие

умений, требующих логической обоснованности и доказательности в рассуждениях. Например, ознакомившись с аргументацией автора, студент должен критически осмыслить выводы прочитанного текста и изложить собственную точку зрения по проблеме, он может также выступить в качестве рецензента или оппонента по материалам реферативного сообщения другого студента.

При чтении текста «The Sapir – Whorf Hypothesis» (2,с.278-279) используются упражнения на сообразительность: 1) определение научных понятий; 2) классификация материала; 3) формулирование выводов. Постепенно, по мере овладения подязыком профилирующей специальности, студенты выписывают определения научных понятий, сравнивая и уточняя формулировки различных авторов.

Поиск определений распространённых понятий развивает общую сообразительность, подготавливая к более высокой ступени – классификации. Формулирование выводов принадлежит к высшим интеллектуальным умениям. Для этого необходимо правильно и аргументировано строить свои рассуждения.

Внимательное слушание сообщений, докладов и дискуссий служит полезной тренировкой этого вида интеллектуальных умений и навыков, способствует их совершенствованию и обеспечивает переход на более высокий уровень познавательной активности, так как овладение этими видами работы даёт студентам возможность перейти к творческим формам деятельности: к самостоятельному выступлению с докладом на английском языке, участию в конкурсах на лучший перевод, в олимпиадах по языку.

Углублённая работа над специальным научным текстом тренирует основные процессы инициативного мышления, понимаемого как способность проникать в сущность изучаемых явлений. Изложение тренирует способность конкретизации, реферирование – первичного синтеза. Конспектирование развивает способность к анализу, а написание докладов и статей – к вторичному синтезу.

Владение системами одного уровня (родным и иностранным языком) и, в большей степени, знаковыми системами разных уровней (иностраный язык и изучение с его использованием какой-нибудь учебной дисциплины) свидетельствует о высоко развитой познавательной активности. Изучение языка становится неотъемлемым средством воспитания, самодисциплины и самопроявления, понимаемых не только как знание и учёт возможностей самовоспитания,

но и их практическое использование. Эти компоненты образованности имеют не только общее, но и профессиональное значение, так как определяют возможность и потребность подходить к решению профессиональных вопросов всесторонне, руководствуясь научностью и общественной человеческой целесообразностью.

Обучение чтению оригинальных текстов и применения творческих упражнений стимулирует студентов к творческому поиску, умению использовать научные и профессиональные достижения, потребности в непрерывном повышении уровня своего общего и профессионального образования. Таким образом, предлагаемая система творческих упражнений на иностранном языке оказывает влияние на формирование свойств личности, проявляющихся в профессиональной, коммуникативной и познавательной деятельности, где иностранный язык выполняет практическую, общеобразовательную и воспитательную функцию и имеет специфические особенности.

Список литературы

1. Федеральный компонент Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. Индекс (по ГОС) ГСЭ.Ф. – М., 2001.
2. Conrad Philip Kottak. Culture Anthropology. – New York: Mc Graw – Hill, Inc., 1991.

Г.И. Федулова

КОГНИТИВНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ТЕКСТА КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

Текст как основная коммуникативная единица языка представляет собой результат любого вида речевой деятельности – речевое произведение в звучащей или письменной форме – и отражает прагматическую установку его создателя. Текст – семиотическое и коммуникативное образование. Он является реальной и единственной полноценной единицей общения, а реальная коммуникация осуществляется в процессе текстовой деятельности конкретной и социокультурной общности. «Текст – это результат отражения некоторого фрагмента действительности с помощью определенной знаковой системы и специфический способ опредмечивания “образа мира”, существующего в сознании языковой личности» [3, с. 73].

Динамическая модель языка (понимание и порождение текста) может

быть адекватно описана как разновидность когнитивной деятельности. С точки зрения когнитивного подхода текст выступает как способ фиксации языкового сознания. Первоочередной задачей здесь является создание и описание когнитивной модели адресата текста. Так в массиве текстов культуры обнаруживается наличие когнитивных схем знаний, представление которых можно свести к двум направлениям:

1) объективистскому, в котором знания формируются в когнитивные схемы (фреймы, скрипты и пр.);

2) индивидуалистскому, в котором учитываются реальности психических процессов.

Кроме того, можно выделить еще и третий подход – когнитивный, дополняющий первые два. Дифференциация знаний при этом происходит в связи с текстовой деятельностью – с опорой на массив текстов с ограниченной предметной областью. Тем самым реализуется важная черта когнитивной компетенции – разделение знания по предметным областям в культуре, в социальных группах и у индивидов.

Цель смыслового содержания текста – выражение мысли. Осмысление текста имеет место в том случае, если совокупность семантических значений языковых единиц, образующих текст, во взаимодействии с равноуровневым когнитивным потенциалом (тезаурусом) реципиента продуцируют в его сознании некую референтную ситуацию.

Рассматривая тезаурус «как группу упорядоченных терминологических единиц, структура которой описывается набором лексических или семантических отношений, А.В. Соколова отмечает, что «тезаурусный метод отношений отражает статичное построение конкретного подъязыка и является одним из современных технологических приемов с успехом применяющихся в технике и практике перевода, прежде всего машинного. А. В. Соколова считает, что по сравнению с обычным словарем «тезаурус более гибок и более приспособлен к семантическому описанию языка благодаря богатству выстроенных в нем отношений между понятиями» [2, с. 161].

Несомненно, что насколько тот или иной тип текста обладает тезаурусным потенциалом, настолько он может быть релевантным для формирования вторичного образа мира в нашем сознании. Динамическое построение текста моделируется благодаря использованию фреймового подхода. Фрейм является

организованной структурой, описывающей какую-либо стереотипную ситуацию, а «тезаурусная модель в сочетании с фреймовой технологией дают представление о структуре конкретной предметной области, оказывают принцип построения терминологических словосочетаний и могут быть успешно применены в системе машинного перевода научного текста»[2, с. 162].

В текстовой деятельности так или иначе запечатлевается человеческое мышление. Вследствие этого изучение «продуктов» человеческой мысли и речетворчества с точки зрения их национальной культурно-исторической специфики способствуют выявлению структуры коллективного когнитивного сознания, лежащей в основе «технологии производства» текста.

Лингводидактически осмысленное обучение пониманию текстов иноязычной коммуникации создает возможности как для понимания текстов порожденных представителями иной социокультурной общности, так и для понимания социально значимых действий этих представителей. Последнее оказывается релевантным, если речь идет о межкультурном общении. Оригинальный текст, рассматриваемый как модель процесса общения в рамках текстовой деятельности, является предречевой ориентировкой, выходом на образ мира той культуры, в которой он был создан.

Функционирование текста в культуре является одной из важных проблем изучения текста. Национально-культурная специфика текста может проявить себя на различных текстовых уровнях – лексическом, композиционном и др. Уникальные явления исходной культуры проявляются в самой структуре текста, в специфических культурных реалиях, в характере интертекстуальности.

Интертекстуальные включения не только вводят текст в контекст мировой культуры, но и подчеркивают неповторимость именно этой культуры. В процессе обмена текстами культуры происходит опосредованное общение и построение адекватного образа мира у потенциального партнера по общению. Рассматривая точку зрения Н. Б. Касевича о существовании знания энциклопедического характера, закодированного в совокупности текстов, отражающих все аспекты познания мира человеком, Н.Н. Бочегова отмечает, что в текстах отражается «текстовая картина мира» [1, с. 129].

Национально-культурный аспект текста как коммуникативной единицы языка образуется той частью содержания текста, в которой находят отражение факты и особенности данной национальной культуры. В нем выделяются уни-

версальные, региональные и национально-специфические элементы, причем последние представляют наибольший интерес в плане межкультурной коммуникации и преподавания соответствующих теоретических дисциплин (переводоведение, лингвострановедение).

Национально-культурный аспект коммуникативных единиц языка особенно ярко проявляется в художественных текстах, так как они выступают одновременно в трех ипостасях: как носители *объективной, художественной и собственно языковой* информации. Соответственно все элементы художественного текста (от слов до микротекстов) обладают тройкой национально-культурной значимостью – общекультурной, текстовой и языковой, каждая из которых автономна.

Языковой престиж, свойственный художественным текстам, присущ также текстам законов и официальных и административных постановлений. В них существует определенная языковая иерархия, установившаяся в силу многих социально-культурных причин.

Что же касается современного газетного текста, то следует отметить, что это емкое явление по своей коммуникативной значимости. Они, разумеется, обладают меньшим языковым престижем, но лингвистические проблемы их восприятия инокультурным адресатом усугубляются при отсутствии или недостатке лингвокультурологических знаний. В то же время газетные тексты способствуют формированию умений, необходимых для межкультурной коммуникации. В процессе межкультурной коммуникации национально-культурный аспект текста подвергается закономерным и типичным изменениям, которые регулируются коммуникативными факторами. В процессе восприятия текста в рамках иной культуры происходит его трансформация.

Одной из ключевых предпосылок для адекватного межкультурного понимания устной текстовой деятельности коммуникантов, принадлежащих к разным культурам и социумам, является общность знаний, именуемых пресуппозицией.

Через формирование в лингвокогнитивном тезаурусе обучаемого соответствующей системы когнитивных пресуппозиций, на основе формирования в его сознании соответствующего пресуппозиционного потенциала возможно его постепенное подключение к лингвокогнитивной картине инофонового общества. Обучая пониманию текстов устной язычной коммуникации, следует

прежде всего уделять внимание тем знаниям, пресуппонируют «образ результата», расходящийся с исходным образом, имеющимся в сознании обучаемого как носителя другого языка и другой культуры, т. е. знаниям, формирующим лингвокогнитивный тезаурус вторичной языковой личности. Иными словами, необходимо наличие тех предпосылок, которые окрашены национально-специфическим колоритом и которые лежат в основе мыслительного содержания образа, складывающегося в сознании изучаемого языка и изучаемой культуры. Рассматривая весь потенциально существующий набор когнитивных пресуппозиций, И.И. Халеева делит его на четыре разряда:

- 1) семантические пресуппозиции;
- 2) прагматические пресуппозиции;
- 3) пресуппозиции вертикального контекста;
- 4) фреймовые пресуппозиции [4]/

Чтобы подключить обучаемых к иной картине мирозидения, сформировать у них основы вторичного лингвокогнитивного сознания, представляется целесообразным выполнение соответствующих групп заданий, составленных с учетом национальных социокультурных компонентов, осваивая которые реципиент постепенно погружается в многоуровневую специфику текстовой деятельности инофона, в которой эти компоненты реализованы.

Задания, направленные на формирование семантической пресуппозиции:

Сравните значения слов, относящихся к различным областям жизни Германии и Австрии. Что означают они для немца и австрийца (на примере слов *Dotatin u Internist*)?

Задания, направленные на формирование прагматической пресуппозиции:

Как и почему изменились требования к менеджеру в Европе? С какими социально детерминированными изменениями в жизни общества связано употребление слова *dynamisch*?

Пример задания, направленного на формирование пресуппозиции вертикального контекста:

К социокультурным традициям какого периода истории Германии относится понятие *Befehlsrranke*?

Задания, направленные на формирование фреймовых пресуппозиций:

Блок нескольких текстов создает в сознании обучаемых фреймовый сце-

нарий «Высшая школа ФРГ», который пресуппонирует «образ результата» при восприятии текстов с точки зрения молодого человека, работодателя, сотрудника биржи труда.

Таким образом, понимание текста в системе обучения рецепции возможно лишь в том случае, если реципиент компетентен не только в языковом, но и в социокультурном «коде» отправителя, и эта компетенция помогает ему проникнуть в лингвокультурную сущность услышанного.

Основной акцент, следовательно, должен приходиться прежде всего на обучение пониманию текстов как продуктов текстовой деятельности инофонов.

Н. Н. Бочегова полагает, что термин *культурная пресуппозиция* «описывает ту ситуацию, когда участники речевого взаимодействия имеют дело с совокупностью понятий и установок своей культуры, закодированной и передаваемой через язык» [1, с.22]. Успех коммуникации зависит от того, насколько точно говорящий оценивает знания слушающего. Культурные пресуппозиции накапливаются людьми на протяжении всей жизни через «жизненный опыт и процесс освоения культур (аккультурацию)» [Там же].

Таким образом, знакомство с текстами, насыщенными национально-культурной информацией, релевантной для иноязычного и инокультурного адресата, активизирует процесс формирования иноязычной социокультурной компетенции, которая лежит в основе межкультурного общения. Совершенно очевидно, что язык выступает здесь как реальное и полноценное средство общения, средство коммуникации между представителями разных культур. Занимая свое место в национальном сознании, тексты с лингвокультурологической направленностью взаимодействуют друг с другом и передают социально-историческую и этнопсихологическую специфику иноязычной культуры.

Список литературы

1. Бочегова Н.Н. Этнос. Культура. Язык. – Курган, 2005.
2. Соколова А.В. Актуальность изучения современных лингвистических технологий в курсе теории и практики перевода // Актуальные вопросы современного университетского образования. – СПб., 2003.
3. Сорокин И.И. Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989.
4. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М., 1989.

Н.Н. Цыцаркина

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИХ КОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Общество, его структура, общественные и социальные отношения традиционно изучаются социологией и социальной философией. В последнее время, однако, в связи с интенсивным развитием когнитологии и появлением таких наук как когнитивная социология, когнитивная философия возрос интерес к данной проблематике. Вопрос о том, что представляет собой социальная реальность и как она отражается в сознании индивида, представляет интерес и для когнитивной семантики.

Весьма любопытный взгляд на социальную реальность представлен в книге «Социальное конструирование реальности» философов П. Бергера и Т. Лукмана. Они отмечают, что человек начинает осознавать свою включенность в некоторую социальную структуру в результате институционализации, т.е. с появлением социальных институтов. В их трактовке, социальный институт – это любая устойчивая типизация привычных повседневных действий и соответствующих «деятелей».

Всякая человеческая деятельность, повторяющаяся относительно регулярно, постепенно становится привычной, стандартной и вследствие этого выполняется практически без контроля сознания. В итоге, передний план сознания остается открытым для рассуждений и инноваций [2, с. 28 - 36].

Для возникновения социального института необходима группа. Результатом институционализации в группе индивидов является предсказуемость их действий друг для друга.

Институционализация сопровождается ее легитимацией – процессом, посредством которого оправдывается и обосновывается существование институционализированного мира именно в том виде, в котором он существует в данный момент времени. С течением времени институционализированный мир приобретает статус объективной реальности – происходит его реификация. Социальные феномены начинают восприниматься не как продукты человеческой деятельности, а как природные явления или даже как проявления божественной воли. Реификации подвергаются как институты, так и роли.

Факты социальной реальности интернализируются, т.е. постигаются и интерпретируются индивидом как субъективно реальные, в ходе социализации.

Таким образом, в ходе своего исторического развития человеческое общество посредством институционализации конструирует свой собственный социальный мир, который воспринимается индивидами как объективная реальность.

Как нам представляется, типизируется не только деятельность, но и социальное взаимодействие, т.е. действия, которые направлены на другого человека, и вызывают ответную реакцию. Взаимодействовать могут не только отдельные индивиды, но и большие группы людей в составе партий, общественных организаций и т. д. В нашей работе под социальными отношениями мы будем понимать институционализированные способы взаимодействия объединенных в различные группы индивидов.

Как нам представляется, социальные отношения интернализуются индивидом в процессе первичной социализации в малых группах: посещение детского сада, школы. В ходе вторичной социализации индивид углубляет свои знания мира и социальных отношений в том числе, интернализируя, например, «подмир» политики, где в социальные отношения вступают уже большие группы людей (партии, народы, государства).

Существуют различные классификации социальных отношений. Наиболее полной, на наш взгляд, является классификация М. Дойча [11, с. 19], который разделил социальные отношения на 16 типов и сгруппировал их в две большие группы: кооперативные и конкурентные (т.е. конфликтные) отношения. Эти отношения являются неотъемлемыми сторонами жизни общества, всей системы общественных отношений. Мирный характер взаимодействия (социальных отношений) называется кооперацией, немирный – конфликтом (конфронтацией).

Для решения задач нашего исследования мы посчитали целесообразным выделить в отдельную группу социальные отношения управления, которые включают в себя властные отношения как один из видов социальной зависимости. Социальное (политическое) управление – воздействие на общество с целью его упорядочивания, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития.

Социальные отношения кооперации, конфронтации и управления могут иметь место в разных сферах общественной жизни. Для нас наибольший интерес представляет политическая сфера жизнедеятельности общества, где инди-

виды противоборствуют или сотрудничают как представители политических партий, общественных движений, а также как субъекты государственной власти.

Следующий вопрос, на который следует обратить внимание, это то, как влияет социальная реальность на процессы репрезентирования субъектом мира. Специалисты в области когнитивной психологии считают, что познание субъектом окружающей среды определяется его прошлым опытом. Весомый вклад в исследование этой проблемы внес Дж. Брунер, разработавший идеи категоризации и перцептивной гипотезы.

Механизм категоризации, т.е. отнесения неизвестного объекта к некоторому классу известных объектов, с точки зрения Дж. Брунера, является основным механизмом познания реальности. Информация в памяти человека структурирована. Мышление представляет собой процесс манипулирования структурными элементами опыта (реального или ментального). Цель – установление нового знания на основании анализа существующих и установления новых связей между элементами опыта. Результатом категоризации становится построение модели реальности.

Субъект подходит к ситуации, имея определенные ожидания (перцептивные гипотезы) относительно воспринимаемого объекта. Именно эта гипотеза «подсказывает», каким образом осуществить категоризацию, т.е. к какому классу отнести объект или явление. Всякий перцептивный акт включает проверку гипотезы, и принятое решение показывает, насколько она была адекватной [1, с. 50 – 51].

Сходные взгляды высказывает У. Найссер. Центральное понятие его концепции вместо ожидания (перцептивной гипотезы) – понятие схемы (когнитивной репрезентации), которая является посредником между прошлым опытом и настоящей перцепцией. Схема фиксирует типичную ситуацию, в которой субъект обычно взаимодействует с данным объектом. Оперирование схемой представляет собой проверку следующей гипотезы: типично ли «поведение» объекта или развитие явления в анализируемых условиях. Если ответ положительный, то явление адекватно описывается выбранной схемой. При отрицательном ответе необходимо подобрать другую схему [2, с. 44 -45].

Чем обширнее и организованнее система адекватных схем, тем богаче возможности субъекта в процессе взаимодействия с реальностью, и наоборот.

Если субъект не имеет собственной адекватной схемы для овладения опытом, он вынужден заимствовать схемы других людей. Такой субъект может оказаться несамостоятельной фигурой в социальном взаимодействии и легко попадает под внешнее влияние, некритически перенимая чужие средства анализа и интерпретации реальности.

Таким образом, человек познает реальность и моделирует ее с помощью некоторых персональных схем интерпретации, выработанных им на основе социального опыта соответствующего общества.

Обычно выделяются следующие структуры когнитивных репрезентаций знания о мире (схемы): фрейм и сценарий (скрипт).

Фрейм, как его определяет М. Минский, – это структура данных для представления стереотипной ситуации. Во фрейме выделяются несколько уровней, иерархически связанных между собой. Верхние уровни фрейма несут более абстрактную информацию об объекте, нижние уровни не заданы в явном виде и называются терминалами. Они должны быть заполнены конкретными данными в процессе приспособления фрейма к конкретной ситуации, имеющей место во внешнем мире [6, с.7]. Например, празднование дня рождения, полет в самолете.

При формировании моделей внешнего мира действует принцип этажной переработки, т. е. когда верхний уровень иерархии является сверткой нижнего уровня. Это соответствует представлению о том, что в памяти происходит укрупнение, обобщение событий по некоторым логическим принципам, активация части структуры фрейма приводит к активации всей структуры [8, с. 113]

Таким образом, фреймы дают индивиду, по терминологии Дж. Брунера, гипотезы относительно тех объектов и явлений, с которыми он сталкивается в обыденной жизни.

Пытаясь познать новую для себя ситуацию, человек выбирает из своей памяти соответствующий фрейм с тем, чтобы путем изменения в нем отдельных деталей сделать его пригодным для понимания более широкого класса явлений или процессов: поездка в метро – поездка в автобусе.

Принято считать, что формирование системы взаимосвязанных фреймов осуществляется в течение всей жизни человека и зависит от приобретаемого им опыта. Новые фреймы обычно возникают на основе пересмотра старых с сохранением общих для них терминалов. Ряд фреймов усваивается индивидом

также в процессе обучения [9, с. 65].

В лингвистике существует узкое понимание фрейма применительно к структуре значения лексической единицы. В когнитивной лингвистике, однако, принято более широкое толкование фрейма - как структурной организации концепта. Концепт в терминах памяти - единица структурированного знания. (Ср.: концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины, отраженной в человеческой психике) [4, с. 90].

Таким образом, существуют простые и сложные концепты. Как отмечает М.В.Никитин, разграничиваются концепты онтологических вещей и концепты признаков. Концепты признаков вторичны в силу того, что сами признаки не существуют отдельно от вещей. Признаки делятся на признаки-свойства и признаки-отношения. Первые принадлежат самой вещи, вторые существуют в соотношениях и взаимодействиях вещей. Признаки также могут быть простыми и сложными. Сложные признаки представляют собой связку признаков, образующих целостную признаковую структуру [7, с. 29 - 31]. Некоторое множество простых концептов могут объединяться в более сложные по структуре концепты. Это и есть фреймы. Такие сложные концепты состоят из концептов вещей и концептов признаков, которые приписываются этим вещам. Простые концепты – это концепты онтологических вещей.

Фреймы, содержащие концепты вещей и концепты сложных признаков-отношений, есть не что иное, как пропозициональные фреймы Т.А. ван Дейка и В. Кинча. (О пропозициональных фреймах подробнее в [3, с. 186]). На вершине такого фрейма находится сложный предикат, содержащий информацию о событии, на более низких уровнях находятся аргументы-участники ситуации: агенс, пациенс, бенефактив, экспериенсив и т. д.

Фреймы бывают статическими и динамическими (сценарии, или так называемые сценарные фреймы). Первые отражают статическое положение дел, вторые – некоторое длящееся во времени событие или совокупность взаимосвязанных событий (ситуацию). Э Лассан считает, что «фрейм» шире понятия «сценарий» и содержит последний в качестве своего слота. Сценарий является детализацией фрейма [5, с. 37]. И фрейм, и сценарий имеют психологическую реальность, так как хранятся в долговременной семантической памяти человека.

Как нам представляется, стереотипные социальные ситуации, в которых реализуются социальные отношения, воспроизводящиеся в общественной жизни с помощью социальных институтов, обычаев, традиций и т.п., могут быть представлены в памяти в форме фреймов «кооперации», «конфронтации» и «управления».

Фреймы социальных отношений представляют собой пропозициональные фреймы. Они состоят из концептов-элементов: концепта сложного признака-отношения и концептов участников ситуации.

На верхнем уровне каждого фрейма социальных отношений находится сложный абстрактный предикат: *rule, cooperate, fight*. Предикат таких фреймов относится к так называемым *generic states predicates* (термин З. Вендлера, который впервые обратил на них внимание). Это промежуточная группа предикатов. Как и предикаты действия, они имеют в качестве своего левого аргумента агенс. В то же время, подобно предикатам состояния, *generic states predicates* соотносятся не с точкой, а отрезком на временной оси [10]. Предикаты такого рода мы назвали предикатами «социальных отношений». Они обозначают многообразные виды человеческой деятельности в ее общественном проявлении. Такие предикаты не имеют прямого соответствия в экстралингвистической реальности, а обобщают ряд разнородных элементарных действий, объединенных общей целью и осмысляемых как одно гиперсобытие.

Структурными элементами второго уровня являются коллективный субъект и коллективный объект. Такие субъекты и объекты, хотя и референтны, обозначает, как правило, не конкретных индивидов, а общественные и политические организации, группы людей, социальные слои. Как показывает исследование, в основном, это названия организаций и объединений: *group, company, committee, government, alliance, coalition, party, army, team, audience*.

Для всех фреймов социальных отношений характерен субъект-агенс как активный участник ситуации. Второй участник ситуации во фрейме «конфронтация» представляет собой контрагенс, равный либо ситуативно, либо по статусу агенсу, во фрейме «кооперация» - бенефактив либо коагенс, во фрейме «управление» - патиенс.

Нижний уровень фреймов социальных отношений представлен дополнительными слотами: темпоратив, локатив, причина, следствие, характеристика действия. Например, факультативными компонентами (слотами) структуры

фрейма «управление» выступают такие характеристики управления как: 1) официальный характер управления: rule, reign, govern; 2) неофициальный или временный характер управления: head, lead, direct, run, administer, manage, operate, control; 3) негативная оценка способа управления: manipulate, dominate, domineer, oppress, exploit; 4) уточнение цели осуществления управления: supervise, superintend.

Сценарный фрейм (процессуальная модель) фреймов социальных отношений состоит из субфреймов. Например, сценарный фрейм «конфронтация» предполагает следующие субфреймы: 1) предпосылки конфликта; 2) завязка конфликта; 3) кульминация конфликта; 4) развязка конфликта.

Примером конфликтной ситуации может служить ситуация, описанная в заметке «Аресты у палаты общин» из британской газеты «Times»:

COMMONS ARRESTS

Police (S2) arrested (P4) at least four antiwar activists (S1) who were part of a demonstration being staged (P3) in defiance of an exclusion zone set up (P2) to prevent protests being held (P1) near Parliament (L). Up to twenty activists (S1) gathered (P3a) opposite the House of Commons (L) wearing gags around their mouths (P3a) to symbolize the ban [The Times, 2005].

Данный конфликт является одним из многочисленных эпизодов длительного противостояния двух сторон - Британского правительства и оппозиции, выступающей против войны в Ираке. Это долгосрочное политическое противостояние получает освещение практически в каждом номере газеты. В противовес ему ситуация, приведенная здесь, является краткосрочным конфликтом. Началом конфликта послужило решение полиции об установлении перед зданием парламента зоны с ограниченным доступом для того, чтобы предотвратить проведение антивоенных манифестаций. В ответ оппозиция организовала демонстрацию: двадцать активистов собрались напротив здания, где располагается палата общин. Их рты закрывали черные повязки в знак протеста против запрещения. Знание подобных ситуаций позволяет читателю предположить, что следующим ходом властной машины будет применение санкций. Так оно и случилось: четыре человека было арестовано. Таким образом, конфликт завершился выходом из него одной из сторон, т.е. разгоном демонстрации и арестом ее участников. Противостояние не исчерпано, следующий ход - за оппозицией.

Верхний уровень фрейма «конфронтация», в основе которого лежит дан-

ная ситуация, составляет предикат protest, второй – участники конфликта, а именно коллективный агент (antiwar activists) и коллективный контрагент (police). Факультативные слоты представлены такими участниками ситуации как локатив (территория перед зданием парламента - near Parliament, opposite the House of Commons), темпоратив (время выхода газеты – август 2005г.), причина (установление перед зданием парламента зоны с ограниченным доступом - an exclusion zone set up near Parliament). Такой участник ситуации как следствие не получил отражения в статье.

Процессуальный фрейм, объективированный в данной статье, состоит из нескольких пропозициональных субфреймов: 1) предпосылки конфликта – пропозиция 1 (antiwar activists hold protests); 2) начало конфликта – пропозиция 2 (police set up an exclusion zone); 3) кульминация конфликта – пропозиция 3 (antiwar activists stage a demonstration); 4) разрешение конфликта – пропозиция 4 (police arrest antiwar activists).

Развертка процессуального фрейма происходит по-разному. В данном случае процессуальный фрейм получил полную репрезентацию в первом предложении: оно включило все четыре пропозиции. Однако временная последовательность этих пропозиций была нарушена. Порядок представления ситуации был обратный – начиная с конечной стадии и заканчивая предпосылками конфликта. Второе предложение только дополнило информацию относительно кульминационной стадии конфликта (субфрейм 3) – пропозиция 3а) (antiwar activists wear gags around their mouths).

Итак, социальные отношения моделируются в сознании индивида соответствующими фреймами кооперации, конфронтации и управления, представляющими собой сложные абстрактные концепты. Структурными элементами верхних уровней таких фреймов являются абстрактные предикаты социальных отношений, коллективные субъект и объект. Факультативные элементы фреймов социальных отношений - темпоратив, локатив, причина, следствие, характеристика действия, которые могут развернуться в пропозиции, а также сценарный фрейм, состоящий из нескольких субфреймов.

Не все компоненты фреймов «социальных отношений» получают объективацию в тексте, что зависит от наличия у читателя и писателя общего фонда знаний, а также от интенции автора и его желания повлиять на отношение читателя к описываемым событиям.

Список литературы

1. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Образ мира: когнитивный подход. – М.: «Альтекс», 2000.
2. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Репрезентирование реальности: когнитивный подход. – М.: «Альтекс», 2001.
3. Дейк Т.А. ван и Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Сб. статей. – М.: Прогресс, 1988.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
5. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ: Монография. – Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
7. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // *Studia Linguistica*. Вып. XIII. Когнитивные и коммуникативные функции языка: Сб. статей. – СПб., 2005
8. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998.
9. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Сб. статей. – М.: Прогресс, 1988.
10. Цыцаркина Н.Н. Предикаты обобщающего состояния в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992.
11. Deutsch M. Interdependence and Psychological Orientation // *Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research*. - N.Y.: Academic Press, 1982.

Источники

Times, August, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Барановская О.Н.	
Понятие утопии, ее генезис. Жанровая принадлежность утопии.	3
Барбашова Е.Н.	
Поэтика и стиль рассказа С. Исакова «Мать» (опыт поэтико-стилистического анализа).....	13
Белозерова Ф.М., Повова Т.И.	
Когнитивные признаки группы фразеологических единиц-библейзмов (на материале английского и французского языков)	2
Бочегова Н.Н.	
Национально-культурная семантика языковых единиц.....	31
Гольдберг А.И., Пазгалова В.Е.	
История и современное состояние немецкой орфографии.....	39
Гришкова Л.В.	
Риторика монолога	43
Драгунова О.С.	
К проблеме обучения межкультурному общению	51
Истратова Ю.А.	
Аллюзивные имена собственные во французской поэзии: мифологемы.....	54
Литовченко Ю.Б.	
Психологический дискурс в литературе реализма (на примере романа В.Раабе «Акты Фогельзанга»)	58
Мальцева О.А., Юрьева Е.А.	
Политически корректная лексика в публицистическом дискурсе.....	65
Менщикова Ю.Н.	
Прагматический потенциал рекламного дискурса	72
Омельченко С.В.	
Бессоюзное условно-следственное предложение в русском и немецком языках (сравнительный аспект)	80
Поманисочка М.А.	
О некоторых аспектах формирования академического дискурса.....	88
Прокопьева М.Ю.	
«Ничто»: от истории к современности	95

Резникова С.С.	
Признак контролируемости в масс-медийных текстах события.....	101
Савельева М.А.	
Речевые акты и вид процессуальных единиц с императивной семантикой	108
Смакотина Т.М.	
Прагматический аспект сложносочиненных предложений.....	114
Свириденко О.А.	
Культурное самоопределение студентов в условиях языкового поликультурного образования	120
Степаненко О.А.	
Вариации на тему «Свой - чужой» (эпизод языковой биографии немецкого этноса).....	124
Терещенко Т.С.	
Творческие упражнения на иностранном языке и их влияние на формирование свойств личности.....	132
Федулова Г.И.	
Когнитивный и национально-культурный компонент текста как единицы языка	135
Цыцаркина Н.Н.	
Социальные отношения как часть социальной реальности и их когнитивная репрезентация.....	141

Научное издание

**ТЕКСТ, ДИСКУРС И ПРОБЛЕМЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник материалов
межрегиональной научно-практической конференции

В авторской редакции

Подписано в печать	Формат 60x84 1/16	Бумага тип.№1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 9,5	Уч.-изд. л. 9,5
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета
640669, г.Курган, ул.Гоголя, 25.
Курганский государственный университет